

- [Прилежаева Мария Павловна](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Прилежаева Мария Павловна

Юность Маши Строговой

Мария Павловна ПРИЛЕЖАЕВА

Юность Маши Строговой

Повесть

Широкоизвестная повесть лауреата Государственной премии РСФСР Прилежаевой М. П. о судьбе молодой учительницы, о первых шагах ее трудовой жизни, которые пришлось на грозные военные годы. Отношение героини к жизни, к людям, к своему делу являют собой образец высокой нравственности.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41

Глава 1

Снег таял, падая на черную от грязи платформу. Из окна вагона Маша видела на соседних путях мокрые крыши состава, также готового к отправке.

Аркадий Фролович ухватился за спущенную раму окна и заглянул в купе:

- Всё? Ну, кажется, всё.

Он вытащил из кармана платок, зачем-то встряхнул и убрал.

- Ириша, вы знаете, где аптечка? Помните, сколько у вас мест?

Ирина Федотовна с окаменевшим лицом сидела на скамье.

- Что вы сказали, Аркадий Фролович?

Он утомленно махнул рукой:

- Я сказал - будьте практичнее. До свиданья, милые!

Аркадий Фролович попробовал закурить трубку. Табак отсырел, трубка не зажигалась.

- Фу-ты, черт! - пробормотал Аркадий Фролович. - Маша, я не простился с напой. Обнимите его. Передайте...

Эшелон медленно двинулся.

- Аркадий, Аркаша, прощайте! - внезапно сильно бледнея, воскликнула Ирина Федотовна. - Неужели мы все-таки едем? Куда? Зачем?

- Маша! - громко говорил Аркадий Фролович, шагая рядом с вагоном. Маму надо беречь от солнца, если доживете там до лета. Может быть, вернетесь и раньше, но едва ли.

Маша, высунувшись из окна, крепко пожала руку Аркадию Фроловичу.

- Аркадий Фролович, а вы? Где будете вы?

- Где я могу быть! В госпитале.

Он начал отставать от вагона.

Замелькали дома, крыши, заборы, трубы...

- Отец и не заглянет к нам в купе! - после долгого молчания вздохнула Ирина Федотовна. - Он теперь всю дорогу будет занят со студентами. Начальник эшелона. Пока пройдешь из конца в конец состава...

- Мама, - спросила Маша, испугавшись догадки, - почему Аркадий Фролович велел беречь тебя от солнца?

- Что другое мог посоветовать доктор?

- Но какое в Свердловске солнце?

- Ах, давно уже изменили маршрут! Мы едем в Среднюю Азию.

"Не все ли равно!" - хотела сказать Ирина Федотовна, но, взглянув на Машу, виновато спросила:

- Неужели мы тебя не предупредили?

Маша молча отвернулась к окну.

Они одни в купе, забитом багажом авиационного института. Черная земля, голые деревья мелькают в окне. Ветви гнутся под ветром, как прутья. Мутные облака текут в небе, поезд никак не обгонит их.

Значит, не Свердловск?.. Маша закрыла глаза. И в памяти отчетливо возник весь трудный вчерашний день.

Было раннее утро, когда она вернулась из Владимировки. Поднимаясь по лестнице, Маша догнала отца, который медленно шел впереди.

Он горбился и стучал палкой, тяжело на нее опираясь.

- Папа! - крикнула Маша.

- Милая! Дочка!

- Папа! Как я соскучилась!

Он, не отвечая, прижал к груди ее голову. У него ввалились глаза, нос заострился.

- Да, спим мало, - ответил папа на испуганный взгляд Маши. - Дежурил сегодня. А завтра уезжаем. Как мы боялись, что ты опоздаешь! Получила телеграмму?

- Да-да! Получила.

- Ириша, открой! - постучал отец в дверь палкой.

Мать кинулась Маше навстречу:

- Приехала? Счастье - приехала!

Должно быть, они не надеялись, что Маша успеет вернуться вовремя.

В комнате беспорядочно валялись вещи, дверцы шкафов распахнуты, в углу стояла картина, снятая со стены. Не смолкая, как отдаленный гром, гудели раскаты орудий за окнами.

Мать села на диван, уронив на колени руки, и, беспомощно глядя на отца, сказала:

- Воля твоя, нет у меня больше сил. Легла бы и не встала.

- Уф! - громко вздохнул отец.

Видно было, что они оба устали.

- Почему выключено радио? - проворчал отец, вставляя в штепсель вилку. - Слушайте! Слушайте!

Передавали приказ об обороне Москвы.

- Что такое, Кирилл? - воскликнула мать.

- Я говорил! Разве я не говорил вам об этом? - лихорадочно повторял отец. - Москву не сдадут. Ясно, что именно здесь их остановят.

- Кирилл, зачем же тогда уезжать? - робко спросила мать.

- Как "зачем"? Уезжать необходимо. Студенты должны учиться. Мы должны дать им возможность работать нормально.

За весь день они только и виделись в эти полчаса: отец ушел наблюдать за упаковкой учебных пособий, Маша - к себе в институт.

Она не надеялась встретить Митю Агапова. Скорее всего, мобилизован. Маша не имела от него вестей все лето, пока жила во Владимировне.

В вестибюле пусто. Институт эвакуировался. Но в комсомольском комитете толпился народ. Многие ребята - в военных шинелях. Маша подошла к Володьке Петровых, однокурснику, члену комитета. Его воспаленные от бессонницы глаза слезились, но он пытался шутить. Впрочем, шутка получилась не очень удачной.

- Ты понравилась на своем курорте... как его... где ты была...

- Ты не смеешь! - гневно вспыхнула Маша. - Я была мобилизована на полевые работы.

- Знаю, знаю. Шучу. - Петровых протянул руку: - Давай.

- Что "давай"?

- Комсомольский билет. Сниму с учета. Куда эвакуируешься?

- Как "куда"? - изумилась Маша, забыв, что и вернулась она из Владимировки по вызову отца лишь потому, что семья готовилась эвакуироваться. - Я не еду. Посылайте, куда надо.

Володя Петровых поставил локти на стол и, мигая слезящимися глазами, произнес, не впервые должно быть, короткую, решительную речь.

- Строгова! Не буянь! Кого нужно было послать, послали. Понятно? Кто-нибудь должен учиться. А как же? Постановление правительства. Ну ладно, слушай, не спорь. Где билет? Куда едешь?

Кто-то взял Машу за локоть. Она оглянулась: Митя!

- Не спорь, Маша. Надо будет - пошлют.

Он изменился за эти три месяца. Острижен наголо. Лицо почернело от худобы и загара, черты стали жестче, и какой-то неистовый свет в упрямых глазах.

- Я звонил к вам домой, - говорил он, крепко держа руку Маши. Ответили, что ты здесь. Такая удача! Я через час уезжаю.

Завыла сирена. Все пошли в бомбоубежище.

- Какая ты, Маша... - улыбался Митя, приглядываясь к ней.

Она поняла недосказанное.

И все время в бомбоубежище, когда они произносили обидно обыкновенные слова, она понимала все, что он должен был и хотел, но так и не решился сказать.

Где-то упала бомба. Казалось, раскололась земля. Стены качнулись. Лампочка мигнула и погасла. Несколько минут было темно.

- Боишься? - спросил Митя.

- Нет.

Подошел профессор Валентин Антонович. Он держал в руке шляпу и, по обыкновению, был опрятно и изящно одет, как будто собрался на лекцию, только землистый цвет кожи и измученный взгляд говорили о бессонных ночах.

- Я вижу своих учеников в военных шинелях! Расстаемся, друзья.

Валентин Антонович взял обеими руками их руки, беспокойно вглядываясь в лица.

- Друзья! Что происходит с миром? Непостижимо! Немыслимо! Они надвигаются на нас, как Батыевы полчища. Над Москвой фашистские самолеты! Что станет с миром? Что делать? Один выход: все от мала до велика за ружье. А я не умею стрелять, и немолод, и я... растерялся.

Митя расстегнул полевую сумку, вынул томик "Севастопольских рассказов", протянул Валентину Антоновичу.

Валентин Антонович полистал Митину книжечку:

- В этом году я предполагал семинар.

- Я беру "Севастопольские рассказы" с собой, - сказал Митя.

- Берите! Непременно берите! - в каком-то возбуждении, почти со

слезами в голосе, заговорил Валентин Антонович. - Вы с собой уносите многое - идеи, мысли, чувства. Наши враги не представляют даже, как мы вооружены! Нас нельзя победить. Нет! Нет! Нет!

Снова упала бомба. Близко. Долго слышался гул.

Валентин Антонович вернул Мите книгу, нахлобучил шляпу на лоб:

- Прощайте, Агапов.

Он пошел прочь, но вернулся.

- Нас победить нельзя. До свидания, Агапов. Возвращайтесь. Вы вернетесь, Агапов. Вы мой ученик, я вас жду. Вы вернетесь. До свидания, Агапов!..

- Бедный Валентин Антонович, - вздохнула Маша, когда профессор ушел.

- Всем приходится трудно, - хмуро ответил Митя и торопливо сказал: Подари мне на память карточку... Какую-нибудь. Все равно.

У Маши был с собой студенческий билет.

Митя перочинным ножом снял с него фотографию:

- Ты здесь веселая... Маша, нас отправляют из Москвы, я не знаю своего адреса. Куда писать тебе?

- В Свердловск. Только скорее. Ты скоро напишешь?

- Да. Знаешь, я напишу сегодня.

...И вот она не получит письма.

Глава 2

Эшелон без остановок идет мимо разъездов и станций. Лес, песчаная насыпь, овраги, до горизонта пустые поля.

Маша смотрит в окно. Осталась наедине со своей родиной, с глазу на глаз.

Деревенька. Вдоль размытой дождями дороги осторожно выступают гуси, переваливаясь на красных лапах; на краю деревни - гумно, столбами вырывается мякинная пыль: обмолот.

Но вот гумно позади, и гуси, и повисшая над обрывом изба.

Вдоль железнодорожной насыпи вырос темный еловый бор.

Снова деревня. На отлете - двухэтажный каменный дом: школа. Девочка в красном галстуке выбежала на крыльцо, проводила поезд взглядом, долго махала рукой...

- Ты о чем задумалась, Маша?

- Так, мамочка... Вспомнила детство.

...В большие праздники приходил Аркадий Фролович. Он раздевался в прихожей, поправлял галстук и расчесывал перед зеркалом жесткую щеточку волос. Так же тщательно он расчесывал брови и густые, пышные

усы. Маша с глубоким вниманием следила за этой церемонией. Аркадий Фролович с иронической усмешкой рассматривал себя в зеркало.

- Ну как? - спрашивал он.

Из всех известных Маше людей Аркадий Фролович был самым удивительным человеком. Это он "вырвал из когтей смерти" ее отца, как говорила Ирина Федотовна. О том, как в 1918 году Аркадий Фролович целую ночь после боя искал своего друга Кирилла Строгова, которого все считали погибшим, и нашел в воронке от бомбы, а потом тащил на себе до санитарного пункта, эту историю Маша много раз слышала от мамы.

Она вспоминала ее, когда Аркадий Фролович появлялся в их доме.

Кирилл Петрович, прихрамывая и опираясь на палку, выходил в переднюю встретить гостя; они хлопали друг друга по плечу.

В дни, когда приходил Аркадий Фролович, Ирина Федотовна никого больше не приглашала. Аркадий Фролович был нелюдим. Он предупреждал по телефону:

- Приду отвести душу, если только никаких ваших дам и прочих джентльменов не будет.

Он приходил не часто, раз в два-три месяца, зато высиживал почти весь день, до глубокой ночи.

После нескольких шахматных партий и праздничного обеда с пирожками, жареным гусем и каким-нибудь соусом - очередным изобретением Ирины Федотовны, чаще всего неудачным, в чем, правда, никто не признавался Аркадий Фролович открывал крышку пианино. Откинувшись на спинку стула, он играл что-то длинное, с силой ударяя по клавишам, и Маше казалось, надают тяжелые камни, и было жаль и грустно, что они отрываются от скалы и летят.

Ирина Федотовна иногда говорила:

- Почему вы доктор, а не музыкант?

Аркадий Фролович вставал из-за пианино и, рассматривая рюмку с вином на свет, спрашивал:

- А? Что?

- Ты не слишком ли злоупотребляешь этим... - Кирилл Петрович кивком головы указывал на вино, - ...и этим?

Трубка Аркадия Фроловича почти беспрерывно дымилась.

- Возможно. Очень может быть.

Ирина Федотовна часто уходила к приятельнице, оставив друзей наедине и взяв с Маши слово, что ровно в десять она ляжет спать. Маша забиралась с ногами в кожаное четырехугольное кресло; о ней забывали.

Едва оставшись вдвоем, отец и Аркадий Фролович начинали

нескончаемый разговор о книгах, театре, работе, а чаще о людях и еще чаще - о прошлом. Разговор мог тянуться часами.

Аркадий Фролович медленными глотками пил вино, всюду сыпал пепел из трубки, пощипывал длинный ус и спрашивал:

- А помнишь, Кирилл?..

Забравшись в угол огромного кресла, Маша с любопытством слушала рассказы о том времени, когда папа, усатый Аркадий Фролович и дядя Иван носили гимназические мундирчики. Тогда существовало страшное пугало чудовищно рыжий инспектор Златопольский, тогда две девочки, Ириша и Поля Тихомировы, жили в деревянном доме на окраине города, где немощеная дорога зарастала летом травой, а зимой к крыльцу наметало сугробы.

Какое-то очарование чувствовала Маша в том, что все близкие и родные ей люди - отец, мама, Аркадий Фролович, дядя Иван и тетя Поля из Владимирки - прожили рядом свою трудную юность.

Приезжая на лето в деревню Владимирку, где тетя Поля уже четверть века работала учительницей, Маша старалась представить тетю Полю, как рисовали ее воспоминания отца и Аркадия Фроловича: это она гимназисткой потихоньку читала революционные книги, это она поддерживала в ссылке Ивана Пастухова и почти девочкой вступила в неравную борьбу с жандармом в мундире инспектора - Златопольским.

Аркадий Фролович, стряхивая пепел мимо пепельницы на скатерть, снова спрашивал:

- А помнишь, Кирилл?..

Революция, гражданская война, то, что Маша изучала в учебниках и что для нее было самой настоящей историей, оживало в прошлом отца, тети Поли, дяди Ивана.

Маленькая Маша не столько понимала умом, сколько чувствовала, как вся ее жизнь определена этим прошлым, таким близким, потому что оно было молодостью отцов, и одновременно далеким...

- Аркадии, что мы с тобой делаем! - вдруг спохватывается отец, увидев девочку в кресле.

- Спать, голубушка, немедленно спать! - говорит Аркадий Фролович тем неумолимым докторским тоном, каким предписывает Маше пить рыбий жир и открывать на ночь форточку.

Виновато переглядываясь, они укоряют друг друга и торопятся уложить Машу до прихода Ирины Федотовны.

Отец помогает ей расстегивать пуговицы, Аркадий Фролович ворчит, что в этом семейном доме нет никакого порядка, а сам украдкой стряхивает

рассыпанный на скатерть пепел и, размазав пятно, сконфуженно и почему-то на цыпочках отходит от стола в другой конец комнаты.

- Вот скажу маме, попадет вам! - потешается над ним Маша и решает про себя ни за что не засыпать.

Из полуприкрытой двери доносится приглушенно: "Помнишь?.." - и сон качает и уносит ее.

А поезд идет. За окном мелькают, сменяясь, деревни, кусты, осеннее поле да лес.

"Аркадий Фролович! Вот кто может помочь!"

Маша поспешно вырвала листок из тетради:

"Аркадий Фролович! Мы едва расстались, и уже я вам пишу. Вы папин товарищ. Помогите мне, милый Аркадий Фролович! Нужно найти Митю Агапова. Я ему дала неправильный адрес. Вчера он уехал из Москвы. Его квартира на Сретенке. Больше я ничего не знаю.

Аркадий Фролович, запомните: Митя Агапов, студент второго курса, сейчас - курсант военной школы; где он сейчас, неизвестно. Найдите его!"

Глава 3

К вечеру эшелон остановился.

Полустанок. Несколько голых рябин, свесивших красные кисти. Теплушка на запасных путях. Из-под снега чернеют комья земли.

Маша выбралась на платформу и, опустив в почтовый ящик письмо Аркадию Фроловичу, побежала за кипятком. У кипятильника выросла очередь.

Пока набирали кипяток, солнце зашло. На западе запылала узкая багровая полоса. Небо зеленело, как море.

Маша отнесла в вагон чайник. Кажется, эшелон остановился надолго. Она снова вышла на платформу. Закат бледнел. Неприютно торчали рябинки.

Женщина в галошах на босу ногу прошлепала по грязи от станционной пристройки к колодцу. Заскрипел журавель, поднимая бадью.

К полустанку подошел встречный поезд.

Из вагонов выпрыгивали бойцы, у кипятильника выросла новая очередь.

Маша стояла возле вагона, закутавшись в белый платок. Мимо бежал боец; заглянул в лицо, пробежал несколько шагов и повернул обратно:

- Маша!

- Сергей, ты?

В шинели он казался взрослее того улыбчивого простодушного паренька, каким Маша знала его во Владимирке. На похудевшем лице

резко обозначились скулы, серые глаза обведены тенью. Сергей Бочаров, ученик тети Поли.

Как часто, приезжая летом во Владимировку, Маша с ним и дядей Иваном уходила в ночь на рыбалку или на целый день в лес!

...Стайка рыжиков, притаившихся под широкими лапами елей; омут, поросший кувшинками; в зеленоватой его глубине остановилась длинная щука, чуть шевеля плавниками; дупло в старом дубе - следы гнезда белки; или во время покоса, когда от зноя потрескались губы, на дне оврага тайный, известный одному Сергею прозрачный родник.

В первые дни войны Сергей был мобилизован.

И вдруг Маша увидела его здесь, на незнакомом полустанке, в нескольких часах езды от Москвы. Милая Владимировка, солнце, вишни в саду тети Поли и начало войны, пережитое вместе, - все предстало перед ней.

- Сергей! Откуда ты? Куда?

- Вот так случай! Вот уж... - В замешательстве он не мог подобрать слов. - Я в Москву... Маша, ну, рассказывай скорее, кто у нас дома? Ведь ты все лето там прожила? Как Пелагея Федотовна? Наши-то как?

Боясь, что какой-нибудь из эшелонов тронется, они говорили, перебивая друг друга.

- Убрали ли хлеб? Как справляется мать? Что ребята?

Маша, волнуясь, несвязно рассказывала, что хлеб убрали, в лесу в эту осень видимо-невидимо грибов и орехов, мать Сергея с работой справляется, а Настю, сестру Сергея, приняли в комсомол.

- Настёнку? Да как же? Да она еще глупая! - орал Сергей, так взбудораживали его рассказы о доме.

В сумерках он различал блеск темных глаз Маши, печальные линии сдвинутых бровей. Сердце в груди его билось тревожно и гулко.

- Сергей, говорят, немцы к Москве подошли, - тихо сказала Маша.

- Слыхали! - небрежно ответил Сергей. - Насчет Москвы не сомневайся. Маша, а ты-то куда?

- Эвакуируемся. Так получилось. Прихожу в институт, а мне говорят: всех отослали, кого было надо, ты учись. Тут папин институт эвакуируется. Куда же мне? Я с ними.

- Ну и правильно. Что же, так всей жизни и замирать оттого, что фашисты напали?.. Маша, а что Иван Никодимыч?

- Как! Не слыхал? Дядя Иван на фронте!.. Сергей! Тетя Поля после твоего отъезда часто тебя вспоминала. Она очень... ну, как бы тебе сказать... уверена в тебе.

Сергей покраснел.

- Эх, Маша, - сказал он с чувством, - только бы дорваться! Я не страшусь. Правду тебе говорю. А еще примета хорошая - тебя встретил.

Эшелон без свистка тронулся. Маша вскочила на подножку.

- Сережа! Прощай!

Поезд пошел быстрее, быстрее, пробежал последний вагон, стук колес дальше, глуше; уплывая, качается в потемках красный фонарь. Вот и он исчез. С грустным недоумением Сергей глядел вслед. Минуту назад здесь, рядом с ним, стояла Маша. И - нет. Точно приснилось.

Звякнули буфера, вагоны воинского состава дернулись.

Сергей бросился догонять теплушку. Чьи-то руки подхватили его, он изловчился и впрыгнул в вагон.

- Вояка! - засмеялись над ним. - Кипяточку и то не раздобыл!

- Без кипятка обойдемся, - равнодушно ответил Сергей, присев у печурки.

Пламя синими языками лизало поленья. Сергей, прищурившись, смотрел на огонь.

Он думал о доме, о Москве, о том, что, может, завтра и в бой, а память о чем-то светлом жила в нем, росла и вот уже заполнила всю его душу. Словно вошел в частую рощу, куда даже в горячий июньский полдень едва проникает солнечный луч, и все лето земля хранит запах прелых листьев и влажности, раздвинул ветки и увидел белый развернувшийся ландыш.

Хорошо! Эх и хороша жизнь!

И вдруг, как будто безо всякой видимой связи, Сергей, строго сдвинув брови, вслух сказал:

- Ну что ж, повоюем!

- Чего ты? - спросил товарищ, подсаживаясь рядом.

- Повуюем, говорю.

Поезд шел к Москве.

Глава 4

Казалось, горы близко: стоит пройти вверх по улице, там они упираются темным подножием в головной арык...

Маша поднялась к головному арыку. Вода шумела и брызгалась, разбиваясь о камни, а горы ушли, и стало видно, что они далеко. На вершинах сверкал снег.

Вот уже несколько дней Маша бродила по незнакомому городу, который похож был на сад. Все было незнакомо и ново. Нужно начинать новую жизнь.

Строговы поселились в маленьком домишке на окраине города.

Ступеньки крыльца покосились, под ногами скрипели и шатались половицы.

Возле домика стоял старый тополь, роняя на черепичную крышу увядшие листья.

Кирилл Петрович уходил по утрам в институт. Домой он возвращался ночью, ел суп, который не на чем было подогреть, и жаловался, что общежитие для студентов не оборудовано, нет кипятильника для воды, в столовой очереди, не хватает аудиторий для занятий.

- Ну, спите, - говорил он, вынимая из портфеля учебные планы и закрывая лампочку газетой.

А утром снова уходил в институт, иногда выпив вместо чая холодной воды.

У Ирины Федотовны хозяйство налаживалось плохо. Она привезла из дому салфетки к столу и забыла кастрюли. Она не знала, как и что нужно устраивать, но повесила на окно занавеску, радуясь, что не нужно затемняться, и аккуратно разложила на столе книги Кирилла Петровича.

В городе по вечерам горели огни. Бомбежек не было. Неизвестно откуда, к Ирине Федотовне пришла уверенность, что война скоро кончится.

- Вот увидишь, их отгонят от Москвы. Перебьемся как-нибудь это время, - говорила она Маше.

Она готовила на обед тыкву и початки крепко посоленной отварной кукурузы. От "витаминного" питания Маша непрерывно испытывала голод.

В общем, новая жизнь в незнакомом городе с прямыми, как стрелы, улицами, вдоль которых узкими каймами бежали арыки, начиналась для Маши неважно.

"Что я должна делать?" - сотни раз задавала она себе один и тот же вопрос.

Как ни далек от фронта этот город, пусть над ним мирно раскинулось синее небо, пусть равнодушны, как вечность, тяжелые горы, - война неотвратимо пришла и сюда. Она ощущалась в многолюдности улиц, в плакатах, говорящих со стен о героизме и бедствиях, в неумолимой откровенности сводок Информбюро по радио, которое звучало из распахнутых окон домов, на площадях, вокзале.

Всюду, везде - война!

На вокзал прибывали эвакуированные заводы, эшелоны с детьми, раненые. Город с сосредоточенным напряжением работал. Маша угадывала напряженность труда на каждом перекрестке, в любом, самом отдаленном переулке, куда ей случалось забрести в первые дни своих тоскливых блужданий по городу: здесь госпиталь, там научный институт,

перевезенный из Харькова, детский дом для ленинградских детей, оборонный завод - "Вход строго по пропускам".

Войдя в проходную, Маша показала свой новенький паспорт, с необмятым переплетом и жесткими, хрустящими листочками.

"Имя, отчество, фамилия: Строгова Мария Кирилловна.

Время и место рождения: Москва, 1923 год".

- Вам куда?

- В отдел кадров.

В коридоре заводоуправления Маша невольно остановилась возле раскрытой двери завкома. Человек гигантского роста, с густой шапкой седеющих волос стоял спиной к двери. Еще при входе в заводоуправление Маша услышала раскаты его голоса.

- Сто процентов - довоенная норма. Двести - норма на сегодняшний день. Триста - на завтра. Бойцы тыла, на штурм!

"Бойцы тыла"?! Как хорошо, что Маша сюда пришла! Решено: остается работать на заводе.

Летучка кончилась. Гигант с седой головой обернулся; черные брови, как два косматых хребта, лежали над его колючими глазами.

- Откуда? Студентка? Эвакуированная? Куда вы хотите? На канцелярскую работу?

- В цех, - краснея, ответила Маша.

- Что вы умеете?

- Научусь. Вам нужны рабочие?

- Нет смысла. Не-ра-ци-о-наль-но. (Это слово директор завода выговорил по слогам.) А знаете, похоже на панику. Студентка третьего курса, не закончив, бросает учебу. Небось стипендию получали?

- Да. Но сейчас... я должна быть там, где нужнее.

- А разве мы не должны думать о завтрашнем дне? Нет, заканчивайте курс!

В сущности, он повторил то, что Маша услышала еще в Москве от Володьки Петровых.

Через несколько дней она пошла в институт. Там ее ждали неприятности, которые трудно было предвидеть заранее.

Когда она явилась в канцелярию местного института и сказала, что намерена продолжать образование на русской секции литературного отделения, ей резонно ответили:

- Подайте заявление и приложите документы.

Маша смутилась: ей нечего было приложить к заявлению. Она показала свой студенческий билет.

Заведующая канцелярией долго рассматривала Машин билет, поднеся к близоруким глазам, и вернула:

- Билет недействителен: фотография сорвана.

Маша растерялась. Этого еще не хватало! Она выждала длинную очередь в деканат: в институт поступали многие эвакуированные, то у того, то у другого что-нибудь не ладилось.

У декана было усталое, раздраженное лицо. Он торопил Машу, едва на нее взглянув: ближе к делу!

Маша не особенно связно рассказала, что институт выехал, все документы там... Она не решилась упомянуть о студенческом билете с оторванной фотографией.

- Чего же вы хотите? - спросил декан.

- Хочу, чтобы меня зачислили на третий курс.

Декан пожал плечами:

- Это невозможно. Вас на третий, кто-нибудь захочет на четвертый. Достаньте документы. Следующий! - крикнул он в дверь.

И вдруг, когда институт с его лекциями, семинарами, экзаменационными сессиями, с его читальными залами и диспутами оказался утраченным, Маша почувствовала упрямое желание учиться.

Она решила еще раз зайти в комсомольский комитет факультета. Там былолюдно, Маша села на краешек стула, рассматривая секретаря комитета Дильду Тажибаеву - ее блестящие черные косы и желтовато-смуглое лицо с продолговатыми глазами и широкими скулами.

"Красива или некрасива?"

Дильда о чем-то нетерпеливо рассуждала, в запальчивости стуча по столу крепким небольшим кулаком.

"Некрасива, - решила Маша. - И злая".

Дильда увидела ее и, узнав, приветливо махнула рукой.

"Нет, кажется, милая!" - обрадовалась Маша.

- Ну, как у тебя? - спросила Дильда.

- Все так же. Возьмите меня пока хоть на учет в факультетской организации...

- Сказано - нельзя, - возразила Дильда. - Пусть сначала зачислят. Идея! Приехал из Москвы ваш профессор. Сейчас на третьем русском будет читать. Поговори с ним.

Маша побежала разыскивать третий русский.

Студенты валом валили в аудиторию. Это была шумная девичья толпа. Никто не обратил на Машу внимания - должно быть, привыкли к новеньким.

Невысокая хорошенькая девушка с светлой челкой над крутым лбом суетливо хлопотала:

- Товарищи! Он известный в Москве профессор. Давайте устроим встречу.

Все захлопали: профессор вошел в аудиторию.

Это был Валентин Антонович. Он держал шляпу в руке, как тогда, в бомбоубежище. Редкие колечки волос стояли дыбом над лысеющим теменем, придавая профессору смущенно-взъерошенный вид, но, как всегда, он был тщательно выбрит, каждая складка костюма аккуратно разглажена, и в глазах Валентина Антоновича Маша не увидела смятения, испугавшего ее в бомбоубежище. Он кивнул в ответ на приветствия, поискал глазами, куда деть шляпу, и положил перед собой на столе.

- Дорогие друзья! Я уезжал с тяжелым сердцем из Москвы. Там тридцать лет за одним и тем же столом я привык работать в одни и те же часы. В музее остались недочитанными рукописи... В Хамовниках фашисты пытались сжечь дом Толстого. Взрывной волной сброшен памятник Ломоносову - возле университета и Тимирязеву - у Никитских ворот... Поход варваров на культуру, - сказал Валентин Антонович и, заложив руку за борт пиджака, прошелся по аудитории. - Признаться, когда я ехал сюда и видел пески, несколько суток перед глазами пески, а потом эти ваши торжественные горы... Они слишком величественны, признаться. Смотришь на них и тоскуешь о ржаном поле. Но вот я пришел в институт. Я искренне рад встретиться с вами, мои уважаемые слушатели. Я снова дома. Лермонтов когда-то сказал: "Мой дом везде, где есть небесный свод, где только слышны звуки песен". А мы скажем так: где уважается человек, труд и культура, где каждый чувствует и мыслит так же, как и ты, - там наш дом. Итак, я дома и приступаю к работе. - Он откашлялся и заговорил спокойнее и суше: - В развитии русской культуры девятнадцатого века...

Студенты наклонились над тетрадями. Трудно представить студента, который не записал бы первой лекции курса. Но скоро некоторые из них оставили карандаши, не успевая улавливать мысли, и с недоумением и интересом внимали профессору, который с такой непринужденностью сообщал о событиях литературной жизни начала XIX века, как будто был их живым очевидцем.

Лекция кончилась. Маленькая студентка с белой челкой над крутым лобиком подошла к профессору и сообщила:

- Я из Киева.

- Да? - вежливым полувопросом ответил Валентин Антонович.

Он заметил Машу.

- Подите-ка сюда! Подите! - позвал он. - Милая моя землячка! - живо сказал он, беря ее за руку. - И вы здесь? По всему свету раскидало народ.

- Валентин Антонович, - спросила Маша, - вы недавно из Москвы? Как она?

- Стоит. Лютые стужи, не видно детей, время от времени падают бомбы, и всюду войска, войска! Москва выстоит! Издали любишь ее с тоскою ребенка, потерявшего мать... Вам не трудна была первая лекция? - полюбопытствовал он.

- Немного трудна, - созналась Маша и вспомнила, что ее не принимают в институт, не придется слушать Валентина Антоновича.

Она рассказала о своих неудачах.

- Ах, эти документы! - смеясь и досадуя, сказал профессор. - Я тоже их вечно терял и всю жизнь терпел всяческие бедствия. Ну, идемте к декану. Надо вас выручать!

Глава 5

Строгову зачислили на третий курс условно, до прибытия документов, с обязательством в месячный срок сдать оставшийся несданным в Москве экзамен по старославянскому языку.

Маша снова студентка!

В первый же день она отправилась после лекции в читальню, чтобы подготовиться к экзамену. Раскрыла учебник.

Зеленый абажур отбрасывал на стол мягкий свет. От легкого шелеста бумаги явственной тишина.

Помнит ли Митя тишину читальных залов, зеленые абажуры и этот особенный свет над столами, где лежат книги?

"Митя, Митя! - подумала Маша. - Я все время тоскую по тебе!"

Она закрыла ладонью глаза.

Едва она вспомнила о Мите, прошлое снова встало перед ней. Кто бы поверил, что так скоро все это будет прошлым!

...После переводных экзаменов в институте устраивался традиционный весенний бал.

Маша вошла в зал ровно на пять минут позднее условленного срока. Чтобы опоздать на эти пять минут, она постояла в вестибюле.

Свежий ветер врывается в окна и дверь. Маша жалась от холода в открытом платице с короткими рукавами. Из фойе неслись звуки музыки, шум; где-то пели.

И вдруг ей стало жаль Митю за то, что он ждет, и она побежала.

Митя был один у окна, беспомощный среди веселья и шума: он не очень-то умел развлекаться, даже не умел танцевать. Может быть, за эти

пять минут он вообразил, что несчастлив.

Маша пробиравлась вдоль стены, мимо танцующих, к Мите, но Борис Румянцев перехватил ее на пути. Он загородил Маше дорогу и протянул веточку лиловой сирени, не сомневаясь, что польстит ей вниманием.

- Специально для тебя, - сказал Румянцев, с фамильярной уверенностью вкалывая веточку в волосы Маши. Он был очень доволен собой, этот молодой человек.

- Ах, совсем ни к чему! - ответила Маша и не успела опомниться Румянцев кружил ее в вальсе. - Слушай, пусти-ка меня!.. - сказала она с досадой.

- А если не пущу?

Обернувшись, она поймала взгляд Мити и ужаснулась - с таким изумлением он смотрел на нее.

Наконец она к нему подошла.

- Танцуй! Что ж ты, танцуй! - говорил Митя. - Весело? Верно?

Однако он казался не очень веселым.

Маша вынула из волос сирень и бросила в окно.

Митя быстро взглянул на нее, хотел что-то сказать - не сказал, потянулся, чтобы снять с ее платья обрывок серпантина, но опустил руку, не коснувшись плеча, и вдруг покраснел.

Маша смутилась.

Это был их последний бал в институте...

"Что ж я делаю! - испуганно подумала Маша. - Что толку перебирать и перебирать то, что было?"

Учебник оставался раскрытым на той же странице, и ни одно слово не было еще вписано в толстую общую тетрадь, где утром Маша вывела крупным почерком заголовок: "Конспект по старославянскому языку".

На курсе между тем занятия шли полным ходом.

Ася Хроменко, маленькая светловолосая киевлянка с черными ниточками бровей, записалась на семинар по Толстому. Она решила работать в этом семинаре не потому, что изучать Толстого ей казалось важнее или интереснее, чем Пушкина, а потому, что руководителем был Валентин Антонович.

Пушкинский семинар вел местный доцент.

- Валентин Антонович - известный профессор. Профессора всегда поддерживают студентов, которые работают у них.

- Зачем тебе нужно, чтобы он поддерживал? - спросила Маша.

- Может быть, я хочу поступить в аспирантуру.

- При чем же тут он?

Ася смеялась:

- Ты просто чудачка! А ты хорошо знакома с Валентином Антоновичем?

У Маши не хватило мужества ответить "нет".

Валентин Антонович нравился курсу. Нравилась его известность и то, что он был прост, немного рассеян и добр и охотно шутил со студентами.

Особенно нравилось студентам, что тот мир высоких человеческих чувств и идей, который составляет содержание искусства, он понимал широко и интересно.

Ясно было, что именно в этом мире заключалась его настоящая жизнь.

На лекциях Валентина Антоновича Ася садилась в первых рядах. Маша, напротив, устраивалась где-нибудь подальше. Едва заканчивалась лекция, она спешила уйти из аудитории. Маша читала книги Валентина Антоновича, была увлечена ими, но Асины разговоры о том, как полезно для будущего заручиться поддержкой знаменитого профессора, и завистливые намеки на то, что у Строговой есть такая поддержка, сердили Машу, приводили почти в отчаяние.

- Он меня совершенно не знает, - в конце концов призналась она.

Ася лукаво посмеивалась:

- А кто тебе помог поступить в институт без документов?

- Но ведь он только подтвердил, что я действительно училась в московском вузе. А документы теперь прислали.

- Ага, подтвердил? А говоришь, что не знает!

Маша избегала встречаться с Валентином Антоновичем.

Иногда, поискав ее глазами среди других, профессор спрашивал:

- Где же моя землячка?

- Строгова день и ночь учится, - спешила вступить в беседу Ася. - Она очень усердна.

- Усердие - одна из добродетелей, - улыбнулся профессор.

Ася истолковала его слова по-своему: кому не хватает таланта, приходится стараться. Она провожала Валентина Антоновича до профессорской, всегда имея в запасе заранее придуманную тему для разговора.

А Маша шла в читальню и, положив перед собой стопку книг, долго сидела над ними.

Связь между жизнью народа и жизнью искусства открывалась перед нею все значительней и яснее. Так Маша пришла к Маяковскому.

"Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!.."

Разумеется, она читала Маяковского и раньше, в десятилетке. И тогда

эти строки ей были известны, но по-настоящему они зазвучали для нее только теперь. Только теперь она поняла: истинное искусство с народом.

В этом ее убеждали книги, над которыми Маша забывала о голоде. Стихи на газетных полосах, которые писались между боями, и, может быть, где-то в окопе, стиснув, как она, зубы, их читал Митя Агапов. Убеждали лекции профессора Валентина Антоновича.

В декабре радио принесло известие: начался разгром фашистов под Москвой.

Маша бежала институтским коридором, готовая кинуться на грудь каждому встречному.

- Под Москвой немцев бьют! Вы слышали? Наши гонят фашистов!

Вдруг она увидела Валентина Антоновича. Он шел навстречу, бледный, в пальто нараспашку, галстук сбит набок, колечки волос беспорядочно спутаны.

- Валентин Антонович! - закричала Маша и всхлипнула.

Он посмотрел на нее незнакомо, откуда-то издали, торжественным взглядом:

- Потрясены? Началось. Вспомните Пушкина. "Хмельна для них славянов кровь, но тяжело будет им похмелье".

Глава 6

Огонек коптилки жалко мигал, черная струйка дыма тянулась вверх. Огонек качался. По углам качались темные тени.

Ирина Федотовна сидела у коптилки, закутавшись в платок. Она не читала, не шила, а просто наблюдала, как тянется вверх тоненькая струйка копоти.

Утром Маша наспех приносила матери ведро воды и убегала в институт. Уходил Кирилл Петрович. Ирина Федотовна оставалась одна.

"Что сегодня может случиться? Ничего. Может быть, принесут письмо".

Иногда действительно приносили письма. Сестра Поля писала из Владимирки, что в деревне много приезжих ребят, эвакуированных из разных городов, в школе прибавилось работы, а по колхозу и вовсе.

Председателем выбрали Дуню Бочарову.

"Давно ли Дуня сидела у меня за партой, русоволосая девочка, бойчее всех решала задачи! - писала Поля. Теперь мы с ней вместе потруднее задачи решаем. Весна далеко, а придет... Мужиков в деревне почти не осталось, вот мы с ней и раскидываем, две бабы, умом. Бывало в моей жизни немало экзаменов, но такого еще не случалось".

"Поля, Поля! - с горькой улыбкой думала Ирина Федотовна. - Ты-то

выдержишь и этот экзамен, а уж если кто баба, так, видно, я".

Писал Иван Никодимович с фронта.

Все друзья жили суровой, деловой жизнью.

Кирилл Петрович хмурился, видя пожелтевшее лицо Ирины Федотовны.

- Сходи к врачу. Тебе необходимо полечиться.

Ни он, ни Маша не догадывались, что Ирине Федотовне нужно не лечиться, а изменить свою жизнь, чтобы в нее вошли значение и смысл.

Однажды принесли письмо для Маши. Ирина Федотовна прочитала обратный адрес - полевая почта.

Несколько раз она брала в руки конверт, перечитывала адрес и весь день вспоминала далекий городок и свою юность за зеленым палисадом, где весной цвели вишни и яблони.

Письмоносец дергал у калитки колокольчик. Хриплым лаем отзывался старый пес Каштан. Ириша бежала через сад и у калитки разрывала конверт: "Действующая армия. Кирилл Строгов".

Теперь Маша...

Ирина Федотовна приготовила ужин. Она ждала Машу, хотела даже сходить за ней в читальню.

- Письмо! С фронта, - радостно сообщила она, едва Маша вернулась.

Маша сбросила пальто и быстро подошла к столу.

Ирина Федотовна из деликатности вышла, постояла несколько минут за дверью.

"Теперь можно", - решила она, тихонько толкнув дверь.

Маша сидела у стола, подперев ладонью щеку, и задумчиво рассматривала нераспечатанный конверт.

"Письмо не то", - огорчилась Ирина Федотовна.

Маша качнула головой, словно стряхнув задумчивость, и надорвала конверт.

"Здравствуй, Маша! Пишет тебе с передовых позиций друг твой Сергей Бочаров. Много ребят полегло на защите дорогой нашей столицы Москвы, а я остался невредимым и не тронутым пулей.

Устояла Москва и навеки будет стоять.

Маша, шлют ли тебе вести из деревни Владимировки? Спасибо Пелагее Федотовне: она мне пишет про все новости чаще родных. Мою мать назначили председателем колхоза. Пелагея Федотовна обнадеживает, что дело у нее пойдет хорошо, да и я в своей матери не сомневаюсь ничуть - она без отца нас, четверых, подняла и в общественной жизни мужику не уступит. А все-таки боязно. Ну, правда, Пелагея Федотовна иной раз

подсобит, не без этого.

Маша! Помнишь ли ты нашу последнюю встречу? Здесь есть хорошие и геройские девчата, но у меня с ними отношения формальные.

Напиши, если не забыла меня.

С комсомольским приветом

С е р г е й Б о ч а р о в".

Маша неосторожно вздохнула - коптилка погасла.

- Какая неловкая! - с досадой проговорила Ирина Федотовна, зажигая спичку.

Письмо лежало на столе.

- Очень мне грустно... Дай прочесть, что пишут с фронта.

- Что с тобой, мама? - удивилась Маша.

Ирина Федотовна прочитала письмо, налила Маше чаю.

- Что ты ответишь?

- Напишу: "Милый Сергей, я тоже не забыла тебя и Владимировку", говорила Маша, задумчиво глядя на огонек. - Напишу, что горжусь им и его матерью. Очень горжусь!

- Как ты сказала? - переспросила Ирина Федотовна, опустив на колени полотенце и блюдечко.

- Что с тобой, мама?

- А если бы ты... если бы, положим, представь себе... - Ирина Федотовна с ожесточением принялась тереть сухое блюдечко полотенцем, если бы ты вздумала написать ему про свою мать? Нет, интересно, что бы ты написала? Ах, боже мой! Все вы заняты своими делами. Разве вы можете понять!

Маша с грустной улыбкой смотрела на узенький язычок коптилки.

- Очень хорошо понимаю, мама. Я не решалась сказать тебе.

- Скажи! Ты должна сказать. Впрочем, можешь не говорить. Я знаю сама.

- Что ты знаешь?

- Знаю то... - Возбужденно размахивая полотенцем, сама удивляясь своей решительности, Ирина Федотовна призналась, о чем думала, оставаясь одна в сырой, нелюбимой комнате: - Я знаю, что, если бы работала, положим, и у меня было свое дело, а не только семья и не только дом, наверно, все уважали бы меня больше. Даже ты и даже твой отец. Может быть, поздно начинать... Но скажу тебе: я не могу больше так жить, незначительно, пусто.

В окно постучали. Маша, не успев ответить, побежала открыть дверь отцу.

- Папа, папа! - весело закричала она. - Посмотри на нашу чудесную мамочку, которая забастовала и не хочет больше варить нам на обед кукурузную кашу!

- В таком случае, - ответил Кирилл Петрович, - введем трудовую повинность и будем варить по очереди.

- Ты все шутишь, Кирилл! - смутилась Ирина Федотовна. - Кирилл! позвала она. - Нельзя же так жить, как живу я: пережить и спастись.

Кирилл Петрович раздевался у порога. Он так долго возился, что Ирина Федотовна со вздохом сказала:

- Ну что ж. Как бы ты ни ответил, я решила.

Кирилл Петрович подошел к столу, где, по обыкновению, его дожидался остывший ужин из кукурузы, и опустился на стул. Он устал за день безмерно! Ломило больное колено, даже есть не было сил. Хотелось закрыть глаза и молчать.

- Ты права, Ириша. Спасаться стыдно.

- Слышишь, Маша! Я знала, как ответит твой отец.

В этот вечер в домишке под дырявой кровлей на окраине города долго горела копилка. Ирина Федотовна и Маша до поздней ночи вели разговор.

Глава 7

Старостой третьего русского был Юрий Усков. Этот шумный, веселый, с широким носом и быстрыми глазами юноша отличался таким неугомонным характером и такой жадной общественной деятельностью, что ни одно событие в институте не обходилось без его участия.

Юрию до всего было дело. Он знал всех в институте, и его все знали. Он устраивал эвакуированных студентов в общежитии, раздобывал им талоны на питание или ордера на обувь, организовывал воскресники по оборудованию госпиталей, публичные лекции. Он же выполнял сложные обязанности посредника между деканатом и курсом.

При всем том Усков уйму читал. Голова его полна была цитатами, он сыпал ими на каждом слове. Все изречения, которые казались ему примечательными, Юрий выписывал в отдельную тетрадь и носил ее в толстом, плотно набитом портфеле.

Юрий Усков не призывался, потому что в детстве повредил на футболе правую руку, которая осталась короче левой и плохо двигалась в плече. Зато левая его рука почти непрерывно жестикулировала.

Девушки-третьекурсницы звали Ускова Юрочкой и весело с ним дружили, но с Машей у курсового старосты дружбы не получалось. Из-за Маши у Юрия Ускова поколебалось доверие и к Валентину Антоновичу: профессор, по мнению старосты третьего русского, занял в конфликте

неправильную позицию.

Конфликт произошел на первом занятии семинара по Толстому, когда между студентами распределялись работы. Усков заявил, что давно облюбовал тему, наполовину обдумал, готов работать день и ночь и близок к выводам, в высшей степени интересным и новым.

Он с таким жаром говорил о желании писать доклад о "Севастопольских рассказах" Толстого, что никто не пытался оспаривать у него эту тему. Вдруг при общем молчании Строгова сообщила, что и она намерена работать над "Севастопольскими рассказами".

- Я думал, для вас не имеет значения, выберете ли вы ту или иную тему, а мне очень важно взять именно эту, - сказал Юрий с достоинством.

- Мне тоже важно. Может быть, даже важнее, чем вам.

- Прошу объяснить, - холодно предложил староста курса, зная наверное, что Строгова не сможет привести, подобно ему, столь красноречивые доказательства своих прав.

- Я должна взять эту тему, - настойчиво повторила она.

И - всё. Никаких объяснений.

- Почему? - спросил Валентин Антонович.

Вдруг он вспомнил Москву, бомбоубежище, Митю Агапова, как Митя вытащил из сумки книгу - это были "Севастопольские рассказы" - и как печальны и нежны были у Маши глаза.

- Послушайте, - шутливо обратился он к Ускову, - вам не хочется иногда по-рыцарски уступить девушке стул или, скажем, тему?

Усков от возмущения вспыхнул.

Ни стулья, ни темы он не намерен уступать никому! Он отвергает с презрением рыцарские предрассудки средневековья.

У Валентина Антоновича пропала охота шутить.

- Придется решать вопрос так: над темой будут работать двое Строгова и Усков.

Ускова не устраивало подобное "беспринципное" решение вопроса. Он помрачнел. И несколько дней происходила путаница с аудиториями, куда-то затерялось расписание педагогической практики, преподавательница иностранных языков пожаловалась в деканате, что на третьем русском не деловое настроение.

Наконец Усков сделал попытку договориться со Строговой.

- Слушай, - сказал он вполне мирным тоном, - откажись все-таки от этой темы. Какой интерес работать вдвоем над одним и тем же? Я не спорил бы, но у меня, понимаешь, обдумано. Меня страшно увлекла эта тема. Неужели ты в самом деле не можешь отказаться?

Маше не хотелось огорчать Юрия; она охотно отказалась бы от чего угодно, но не от "Севастопольских рассказов".

- Нет, не могу, - повторила она с сожалением, однако твердо.

- Ах, так! - Юрочка вспыхнул и покраснел от досады. - Тогда объясните, по крайней мере! Я хочу знать мотивы.

- Да нет, что ж объяснять!

Усков смерил Машу враждебным взглядом. Девушка в закрытом коричневом платье. Светлые, зачесанные назад волосы. Неожиданно черные яркие глаза. Грустные губы.

Невольно он взглянул на свои рыжие, давно не чищенные ботинки вместо шнурков они были затянуты бечевками.

Юрочке захотелось курить.

Поставив к ногам огромный, почти "доцентский" на вид портфель и скрыв таким образом ботинки, он вытащил левой рукой из кармана кисет.

- Прекрасно! - произнес он язвительно. - Посмотрим, что вы сделаете с "Севастопольскими рассказами". Уступаю. Пишите. Я-то справлюсь и с другой темой.

Он дымил из самокрутки, пока Маша не ушла. Тогда он поднял с полу портфель и еще раз огорченно осмотрел рыжие ботинки с бечевками.

"Любопытно, что останется от вас, товарищ Строгова, когда я выступлю оппонентом", - успокоил он себя, решив заняться новой темой.

Однако все "солидные" темы были разобраны, оставались эпитеты в творчестве Толстого. К эпитетам у Юрочки душа не лежала. Поэтому, может быть, он не мог подавить неприязнь к Маше Строговой.

"Вы читаете много, не спорю, - думал Усков, видя Машу в читальне, но я не уверен в том, что у вас самостоятельный ум. "Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет". Что же до семинарской работы, воображаю, какие там будут открытия!"

Так убеждал себя Усков в ограниченности Строговой и рад был бы случаю убедить в этом своих однокурсников. Случай представился раньше, чем он ожидал.

Дело в том, что Маша совершенно забросила старославянский.

На столе под зеленым абажуром лежала единственная тоненькая книжечка - "Севастопольские рассказы". Маша по несколько раз перечитывала каждую строчку. Какая-то огромная, не известная ей раньше правда открылась и поразила ее своей простотой. Эти далекие люди - капитан Михайлов, Праскухин и Козельцовы, особенно Володя, у которых были обыкновенные чувства, иногда мелкие, иногда высокие, - стали живыми для Маши. Все, что пережил Володя Козельцов, мальчик,

погибший на Малаховом кургане при обороне Севастополя в августе 1855 года, - все, что он испытал, было близко, понятно, как будто пережито ею самой. Чем бы Маша ни была сейчас занята, в глубине ее души совершалась скрытая работа, что-то большое поднималось и зрело в ней, и никогда-никогда прежде не любила она жизнь с такой силой!

Маша оперлась на кулак и задумалась.

Это было на первом курсе, в начальные месяцы занятий, когда первокурсники знакомились с институтом, присматривались друг к другу, сближались.

В стенах аудиторий бушевали веселые и грозные споры. В сущности, это были не споры: о Маяковском ли шла речь, о новой скульптуре Мухиной, о картинах Левитана или о профессии учителя (институт готовил учителей), возникал ли долгий, трудный разговор о философии - то была борьба не друг с другом, а с тем жестоким, непостижимо чуждым миром, который существовал наперекор юности.

Он не только существовал - в те дни он начинал наступление: первые танки фашизма двинулись на Польшу.

В первые же недели учения в институте Маша сдружилась со многими из однокурсников. Среди них был и Митя Агапов.

Темноволосый студент с продолговатыми глазами и крупным решительным ртом держался спокойней и тверже своих однокурсников, когда ему приходилось участвовать в обмене суждениями. Не мудрено: он до вуза работал и был на три-четыре года старше вчерашних десятиклассников.

Маша скоро заметила: Агапов почти все свое время отдает подготовке к философскому семинару. Он прочитывал груды книг по философии.

- Ты отстанешь по другим курсам, - благоразумно предостерегла Маша.

- Ничего, - улыбнулся Агапов, - остальное я подгоню, когда будет нужно. Сейчас мне важно это.

- Почему? - спросила Маша, разглядывая книги: Фейербах, Гегель, Маркс и Энгельс, Чернышевский, Белинский и Герцен, Ленин.

- Меня заинтересовало, что русская философия развивалась в борьбе с западным идеализмом, - ответил Агапов. - Я хочу уяснить наш спор с идеализмом.

Маша с нетерпением ждала доклада Мити на семинаре.

В первой самостоятельной работе студента ощутилась, чем раньше, и наглядно для всех проявилась способность Агапова выделять основные, важные линии и с решительной логикой доказывать ту идею, во имя

которой и писалась работа. Он читал свой доклад, но иногда, отложив рукопись и немного прищутив глаза, словно стараясь что-то увидеть, начинал говорить.

"Диалектика Гегеля направлена в прошлое, диалектика Герцена устремлена в завтрашний день". Вся его работа неопровержимо говорила о том, что русская философская мысль была смелой, освободительной мыслью, и безнадежно трусливым выглядел рядом с ней немецкий идеализм.

...В тот вечер после доклада они долго бродили по улицам. Митя был возбужден, разговорчив.

Они забрели в один из кривых арбатских переулков: деревянный особняк с колоннами, липовый сад за забором - весной там, может быть, распускались фиалки.

- Вообрази, что мы с тобой живем в начале девятнадцатого века, сказал Митя, остановившись возле дома.

- Ах, ни за что! - воскликнула Маша.

Она искренне испугалась. Митя рассмеялся:

- Да я тоже ни за что! Но ты хотела бы жить при полном коммунизме?

- Да, - согласилась Маша, - и сейчас и тогда.

Митя задумчиво сказал:

- Я люблю нашу страну и горжусь тем, что она - разбег в будущее.

- Люблю за все, - ответила Маша.

Они постояли около старого дома...

"Что же я делаю? - вздохнула Маша. - Нужно работать, а я вспоминаю и вспоминаю, а работа стоит".

Но это было неверно.

Как когда-то Митя, уясняя спор материализма с идеализмом, решал вопросы своего собственного отношения к жизни, так теперь для нее наступила та же пора.

Казалось бы, что тут решать - пиши спокойно доклад о Толстом.

Но если этот доклад - исповедь взглядов на жизнь и искусство, писать спокойно нельзя.

Маша не знала, как взяться за дело.

Но вот сознание осветила догадка, еще неясная, смутная, но уже чем-то счастливая.

Толстой показывает народ, когда в нем раскрывается основное, и тогда понимаешь, что народ велик...

Мысли Маши летели. В чем же цель и сила искусства? Не в том ли, чтоб увидеть народ в самый трудный, высокий период истории?

Маша так углубилась в размышления, что не замечала никого вокруг, не замечала она и Ускова, который сидел невдалеке и время от времени поглядывал на нее поверх внушительного сооружения из книг, возвышавшегося перед ним на столе.

Юрий тоже работал над докладом. С любознательностью истого ученого он решил подвергнуть исследованию все высказывания и труды об эпителие, имевшие когда-либо место. Необходимо уяснить, что в этой области науки о литературе было сделано до Юрия Ускова.

Юрочка предполагал, что сделано не все, и это его ободряло. Но то настроение радости и волнения, которое овладевает человеком, когда работа становится его жизнью, - это настроение не приходило. Юрий смутно догадывался, что идет каким-то неверным путем.

"Если ты пишешь научный труд, у тебя должна быть идея", - думал он. Он мог бы обратиться за помощью к профессору.

Но нет! Взял тему и справится сам. Во что бы то ни стало!

Однако пока дело шло плохо, и так как во всем была повинна Строгова, неприязнь к ней не убывала, а росла. Ее присутствие в читальне мешало Ускову сосредоточиться. Он заметил, что перед Строговой лежит книга, но она смотрит не столько в книгу, сколько на зеленый абажур.

"Интересно, какой это будет научный доклад и что она собирается высмотреть в абажуре?"

Юрочка злорадствовал. Хотя работа сегодня не спорилась, он досидел в читальне до закрытия и захлопнул объемистый том в ту самую минуту, когда Маша поднялась, чтобы уйти. Он догнал ее в вестибюле.

- Строгова! - сказал он официальным тоном. В деканате вывешен список отстающих. На первом месте ты, и только одна с нашего курса. Имей в виду...

Маша даже побледнела. Сейчас только она вспомнила о старославянском языке. У нее был такой расстроенный вид, что в ожесточенном сердце Юрия Ускова шевельнулось нечто вроде участия. Но Ускову чужда была сентиментальность.

- Имей в виду! - внушительно повторил он, однако наставление читать воздержался, хотя предполагал это сделать как староста курса.

"Пусть узнает! - думал он, в одиночестве возвращаясь домой, прыгая через арыки, спотыкаясь в темноте и приходя от этого в более и более раздраженное состояние. - Пусть узнает".

Что должна Строгова узнать, Ускову было не совсем ясно, но, к удивлению своему, сообщив ей неприятную новость, удовлетворения он не испытал.

Глава 8

В приказе, вывешенном деканатом, предлагалось под угрозой исключения сдать экзамен в недельный срок. Это значило, что Маша должна оставить "Севастопольские рассказы" и тот мир чувств и мыслей, который возник в ее представлении, и изучать большие и малые юсы. Все были заняты семинарскими работами, через несколько дней начиналась педагогическая практика, потом зимняя экзаменационная сессия.

Все это свалилось на Машу разом. На лекциях она не закрывала учебника старославянского языка.

Ася заглянула в учебник:

- Ай-яй-яй! Как ты ухитрилась дотянуть до сих пор хвосты за прошлый год? Что ты делала все это время?

За это время Маша многое поняла. И тем не менее через несколько дней ее могли исключить из института.

- Чудачка! - сказала Ася. - Читает вперед по курсу и не делает того, что нужно. Ты пропадешь, если я тебе не помогу.

- Как ты можешь помочь? - недоверчиво возразила Маша.

Ася улыбнулась.

- Вон шествует профессор, - указала она. - У западника, кроме Байрона, можно ничего не знать. У этого старикана славяниста, наверно, тоже есть конек. Познакомься и разузнай.

Профессор шел по коридору, шаркая резиновыми ботами. Почти до пят свисала шуба на лисьем меху. Профессору было тяжело в меховой шубе. Он остановился около аудитории, снял ушанку, вытащил из кармана шубы черную круглую шапочку, прикрыл ею лысину и только потом вошел в аудиторию.

- А самое лучшее, - продолжала Ася, - признайся ему, что обожаешь старославянский. Верный способ. Всегда действует!

Машей вдруг овладела беспечность. Она спрятала учебник в портфель. Через два часа сдавать все равно ничего не успеешь. Что будет, то и будет.

Профессор сидел за столом. Маша устроилась напротив.

- Лекции слушали? Прочитали всерьез? Ясно все? - он задавал отрывистые вопросы, его зоркие маленькие глаза быстро бегали. - Не крутите бумажку. Зачем вы крутите бумажку?

Маша послушно сложила на коленях руки. "Провалит!"

- Нуте-с, рассказывайте.

Маша начала рассказывать.

- А нуте-ка, разъясните вот это, - прервал профессор. - А нуте-ка...

Маша разъясняла то, что для нее самой оставалось недостаточно

ясным. Он покачивал головой. Маше показалось - одобрительно.

"Должно быть, обойдется", - подумала она. Голос ее зазвучал бодрее.

Профессор поморщился:

- Хватит.

Она протянула зачетную книжку.

Профессор взял, взглянул исподлобья на Машу и, обмакнув в чернильницу перо, с притворным равнодушием спросил:

- К древнеславянскому языку, признайтесь, влечения не испытываете?

- Нет, почему же! - обрадованно отозвалась Маша. Напротив, интересуюсь очень.

Профессор резким движением оттолкнул книжку и встал:

- По ответам не вижу! - Он затряс головой. - Странное дело! "Очень интересуюсь", а дальше учебника - ни на шаг... Кхе-кхе! Не вижу интереса. Не вижу.

Он тяжело затопал к двери, как угрюмый, рассерженный слон. У дверей остановился и крикнул неожиданно тонким голосом:

- Вы не знаете, что такое интересоваться! Не знаете! Жаль!

Маша заглянула в зачетную книжку. Тройка.

Она стиснула зубы от стыда. Как она посмела сказать ему, что интересуется славянским языком!

Вошли Ася и Юрий Усков.

- Ну что? - с любопытством спросила Ася. - Что? - нетерпеливо и весело повторяла она. - Тройка? Ничего, пустяки. А здорово он тебя, должно быть, гонял?

У Маши все еще горело лицо.

- Если ты всю сессию поедешь на тройках, - вмешался староста курса, мы не очень тебя поблагодарим.

- Кто - мы? - спросила Маша.

- Мы - это курс, - разъяснил Юрий Усков.

"Однако, - подумал он, - где уж ей написать приличную семинарскую работу!"

Он прижал к боку свой толстый портфель - там хранилась картотека эпитетов.

Эпитеты не вмещались в портфель. Выписанные из романов Толстого на картонные квадратики, они стопками лежали дома в ящиках письменного стола.

Юрочка настойчиво думал над тем, как привести их в систему. Эпитеты сопротивлялись. Юрочке не удавалось втиснуть их в стройную схему.

- А мне все равно, будете вы меня благодарить или нет! - вызывающе ответила Маша.

- Так? - мрачно спросил Юрий Усков. - О твоих антиобщественных настроениях буду ставить вопрос на комсомольском активе... Распишись, когда ты даешь урок. - И он развернул график педагогической практики.

Маша расписалась в первой свободной клетке. После она взглянула на дату. Это было ближайшее число.

Усков спрятал график в портфель и молча ушел.

Ася сидела на кончике стола, качала ногой и с любопытством наблюдала за Машей.

- Все разобрали дальние сроки, а ты взяла что осталось. Напрасно ты ссоришься с Юркой - не вылезешь из неприятностей.

Маша пренебрежительно пожала плечами.

- Впрочем, - заметила Ася, - за девятнадцатый век - а на третьем курсе это самое главное - тебе обеспечено "отлично". Ведь уж наверно Валентин Антонович не подведет?

Маша покраснела.

- Постараюсь девятнадцатый век сдавать не ему, - холодно сказала она и ушла.

- Подожди! Почему ты рассердилась, чудачка? - закричала Ася вдогонку.

Но Маша не обернулась.

Ася засмеялась и, соскочив со стола, отправилась искать людей - она не любила оставаться одна.

Маша бесцельно шла по улицам. Вдоль улиц, как часовые, выстроились гиганты березы, совсем не похожие на те милые растрепанные березки, какие Маша знала во Владимировке. У здешних берез были мощные стволы и уродливые в зимней наготе толстые сучья.

Сверкало солнце в этот февральский день, лужи стояли на мостовой. "И это зима?" - с досадой подумала Маша.

Она пошла домой. Наверно, мама опять все бросила и устраивается на работу.

Дома было письмо от Аркадия Фроловича. Маша прочитала записку, вложенную в общий конверт:

"Дорогая Машутка! Не сумел выполнить просьбу. Митю Агапова не нашел. На днях меня переводят из Москвы. Машутка, старайся быть бодрой".

Маша подошла к окну. Ничего не изменилось. Так же тяжелой, неподвижной громадой высились горы, заслоняя мир, как стена. Тени

погустели на склонах, солнце зашло.

"Значит, письма от Мити не будет, - подумала Маша. - Может быть, я о нем никогда не узнаю".

Глава 9

Когда Дильда спросила Ускова, есть ли на третьем русском актив, на который можно вполне положиться, в числе первых Юрий назвал Асю Хроменко.

Вернувшись из комитета, он отозвал Асю и, шагая рядом с ней по коридору, сообщил, что на завтра назначен воскресник - необходимо разгрузить для госпиталя саксаул, нужно мобилизовать весь курс.

Ася сморщила лоб, с огорчением вспомнив все неотложные дела, намеченные на воскресенье, но Ускову бодро ответила:

- Добьемся, чтобы наш курс был первым по институту!

Усков подsunул под правую руку портфель и, размахивая левой, изложил план действий.

- Сейчас устроим летучку, - сказал он. - Тебе поручаю индивидуальную обработку. У тебя есть подход. Что, если нам взять полторы нормы, Ася? А?

"Хорошо тебе говорить - с одной рукой! - подумала Ася. - Ты-то не будешь грузить".

И ответила:

- Конечно, полторы. Иди открывай собрание.

Юрий поднялся на профессорскую кафедру, вынул из портфеля листочки с тезисами и разложил перед собой. Он приготовился к выступлению, собираясь произнести агитационную речь. Но, увидев с высоты кафедры однокурсников, которых хорошо знал, со многими дружил, Юрий вдруг почувствовал неловкость. Неужели их надо агитировать? Дорофееву, например. У Дорофеевой, самой старшей по возрасту студентки на курсе, муж полковник, на фронте, дома двое детей; все знали, как Дорофеевой трудно жить и учиться, и уважали ее.

"Нет, не буду агитировать, - решил Усков. - Поговорю просто".

И, решив поговорить просто, он как раз и сказал то самое важное, что нужно было сказать.

"Субботниками бьет рабочий класс по неразгруженным картофелем и поленьям..." - хотел он в заключение произнести стихи Маяковского, но в это время вошла Строгова. И ход мыслей у Юрия прервался. Юрий переставал быть самим собой, когда его оценивали пристрастно и недоброжелательно, как, казалось ему, оценивает Строгова.

Настроение у него упало. Он не процитировал Маяковского и кое-как

закончил свое выступление, с досадой думая, что провалил завтрашний воскресник. После него говорили мало. Кто-то поинтересовался, будет кормежка или захватить еду с собой.

- Боюсь, не все придут завтра, - сказал после митинга Усков Дорофеевой.

- Почему? - удивилась она. - Да что с тобой?

- Ничего особенного... Я не уверен в завтрашнем дне.

- Вот уж напрасно! А я так совершенно уверена.

Она не понимала, почему у него испортилось настроение.

Зато прекрасно поняла Ася:

- Тебе помешала Строгова, я знаю. Есть такие люди, которые сами ничего не делают, зато всегда всех критикуют. Кажется, она слишком высокого о себе мнения.

- Почему ты опаздываешь? - хмуро осведомился Юрий у Строговой.

- Да так. Были дела, - ответила Маша.

- Вечно ты занята своими личными делами! - с раздражением заметил Усков. - Какая ты комсомолка, если общественные интересы у тебя на последнем месте?

- Откуда ты взял? - изумилась Маша.

Но Усков не пожелал объясняться.

- Когда появилась эта Строгова, я как-то невольно спутался, - сказал Усков Асе. - Теперь я понял, в чем дело: она индивидуалистка. Я не очень-то люблю такие типы, у которых не сразу разберешь, что они думают. Если ты комсомолец, у тебя душа должна быть открыта. Так я считаю. Вот, например, ты: что на уме, то и на языке. С тобой как-то легко, а уж учишься ты, во всяком случае, лучше Строговой.

Ася охотно поддержала разговор:

- А ты заметил, что Строгова учится с нами полгода и ни с кем не дружит? Я пыталась подойти поближе, но ничего не получилось. Уж если я не сумела с ней сблизиться, так никто не сумеет, поверь!

- Как же можно сблизиться с такой индивидуалисткой! - согласился Усков, которому понравилось это язвительное определение Машиного характера, и он настойчиво его повторял. - Вот и сегодня... Опоздала - и никаких объяснений.

Маша не подозревала, как жестоко осуждено ее поведение. Опоздала она из-за матери.

Вот уж больше недели Ирина Федотовна устраивалась на работу. Она побывала в школе, в библиотеке, даже в столовой, где требовалась буфетчица, но всюду то или иное препятствие вставало на ее пути.

Ирине Федотовне не удавалось найти работу, не потому, что работники не требовались, а потому, что она ничего не умела делать. Однако вернуться к прежнему сидению в нелюбимой и до сих пор не обжитой комнате Ирина Федотовна не могла. Она продолжала искать.

Однажды она задержалась на перекрестке, чтобы пропустить санитарный автобус. Автобус остановился у госпиталя. Открыли заднюю стенку, санитары осторожно выдвинули носилки. Ирина Федотовна увидела лицо, совсем юное, но обросшее курчавой каштановой бородой, высокий желто-белый лоб.

Санитары качнули носилки, с носилок неловко повисла рука. Ирина Федотовна поспешно шагнула и поправила руку. Раненый открыл глаза.

Ирина Федотовна прислонилась к перилам крыльца. Сердце дернулось резким толчком и застучало часто и больно. Она стояла и смотрела, как из автобуса выдвигали одни за другими носилки. Когда автобус уехал, Ирина Федотовна вошла в госпиталь...

Вечером в комнате, как всегда, дымила коптилка, из щелей окна дуло. Ирина Федотовна и Маша, поджав ноги и закутавшись в шубы, сидели вдвоем на кровати.

- И вот я решила, - рассказывала Ирина Федотовна, - теперь меня не собьешь. И хотя они удивляются, что я кончила гимназию, а иду в санитарки, но тебе, наверно, понятно.

- Очень, очень понятно! - ответила Маша.

Но утром она увидела, как у мамы валяются из рук вещи; она то сядет, то постоит у окна, то охнет и все смотрит на часы. Перед уходом Ирину Федотовну совсем оставила бодрость.

- Ты проводила бы меня, - попросила она упавшим голосом.

Маша отвела маму в госпиталь. У проходной будки Ирина Федотовна задержалась и слабо кивнула Маше.

Но всего этого староста курса не знал. Он сказал Асе:

- Чего доброго, наша индивидуалистка и на воскресник не явится.

"Индивидуалистка" на воскресник явилась. Она пришла в старом отцовском ватнике, подпоясанном ремешком, и имела такой решительный вид, что Дорофеева сразу выбрала ее себе в напарницы.

Платформы с саксаулом стояли на запасном пути, последний вагон эшелона не был виден.

- Ого! - сказала Маша, подворачивая рукава. Только не тянули бы. А то проспоят полдня из-за норм.

Строгову не устроил эшелон. Это несколько удивило Ускова. Он сунул Асе портфель, с которым не расставался даже сейчас, и побежал

выяснить нормы.

Едва заполучив в свои руки всем известный портфель, Ася почувствовала прилив энергии.

- Девчата! - закричала она. - Чего вы ждете? Начинайте, чтобы не тратить время!

- В самом деле, чего мы ждем? - согласилась Маша.

Она вскарабкалась на платформу.

- Эй, посторонись! - и сбросила вниз корягу.

- Не торопись. Не делай лишних движений, - учила Дорофеева.

Но Маше хотелось и торопиться, и делать лишние движения!

- Раз, два... У-ух!

Ася кричала снизу:

- Девчата! Товарищ Дорофеева! Бросайте дальше! Не загромождайте проход!

Она ходила вдоль эшелона и командовала:

- Эй! Эй, вы там! Чего вы так близко бросаете?

Работа пошла. Ася направилась искать Юрку, но он сам мчался навстречу.

- Слушай, - сказал он, тяжело дыша, - платформы распределены, но остались две лишние. Я говорю: "Ладно, давайте третьему русскому". Как ты считаешь, выполним?

- Конечно, - ответила Ася.

Усков увидел у нее свой портфель.

- Дай-ка, я запрячу его под платформу, а сверху саксаулом прикрою, предложил он.

- Чепуха! - возразила Ася. - Мне портфель не мешает. Ты не беспокойся.

Она шагнула в сторону, увидев, что с крайней платформы спускается студентка. Это была Катя Елисеева, которую называли "тридцать три несчастья" - неудачи преследовали ее. Вот, уронила варезку.

Ася подала Елисеевой варезку и снова отправилась вдоль платформы наблюдать за работой. Время от времени она покрикивала:

- Девочки! Как у вас там? Все в порядке? Перевыполним, факт!

Усков в недоумении потер лоб ладонью.

"Гм... Странно..."

Он прикинул, как бы забраться на платформу, и, уцепившись за край левой рукой, занес ногу за борт и повисел там немного, проклиная свою правую руку, которая чертовски отравляла ему существование. Он с трудом вскарабкался на саксаул и, увидев Машу, выругал себя за то, что попал

именно на эту платформу. Однако висеть снова на левой руке было так неудобно, что он решил остаться здесь.

- Смотри-ка, смотри! - испуганно говорила Маша. - Физики нас перегоняют. Дорофеева, мы пропали! Честное слово, пропали мы с тобой!

- А слыхала, как Суворов с Кутузовым кашу ели?

- Ах, да что ты мне про Кутузова! Тут перегоняют, а она про Кутузова!

- Маша с сожалением поглядела на свои хорошенькие вышитые варежки и показала Ускову: - Подумай! Не догадалась взять старые! Э, была не была! - махнула она рукой и опять ухватилась за корягу.

- Постой-ка, - неожиданно для себя сказал Усков, протягивая рукавицы. - Давай я спрячу твои в карман.

- А как же ты? - не решалась Маша.

- Я привык. Бери. Говорю, бери!

- Ну, теперь все в порядке! - обрадовалась Маша.

У нее покраснелись щеки, блестели глаза, светлая прядка волос выбилась из-под платка.

Ускову стало весело; он вытянулся, приложил ладонь ко рту и заорал во все горло:

- Ребята, наподдай!

С разных платформ слышались в ответ голоса. Эхо подхватило: "А-а-ай!"

Вечером, окончив работу, студенты отдыхали на кучах саксаула, удивляясь тому, что разгрузили такую махину.

Усков кричал Дильде:

- А ты видела, кто две лишние платформы разгрузил? Третий русский!

- Видела! Да! - так же громко кричала Дильда. - Только я видела, что и физики вам помогали.

Подошла Маша. Медленно, с опущенными руками. Казалось, если бы нужно было сбросить хоть одну корягу еще, руки уже не поднимутся. Она вернула Юрию рукавицы.

- Спасибо.

Он неловко вытащил из кармана варежки:

- Устала?

Маша улыбнулась и не ответила.

Глава 10

После воскресника Маша на лекциях садилась рядом с Дорофеевой. Ей было уютно с этой медлительной студенткой, которая и училась не спеша, но так же добротнo и прочно, как разгружала саксаул.

- Мозоли? - удивилась Дорофеева. - У меня никаких мозолей нет.

Она показала широкие чистые ладони. Маше все нравилось в Дорофеевой: серьезность, сосредоточенность, спокойный характер.

Но удивительнее всего изменились отношения с Юрием Усковым.

В первый же после воскресника день он молча разложил на столе перед Машей график педагогической практики и опустил палец на какую-то клетку. Маша равнодушно ждала, припоминая, что такое сделала, к чему на этот раз счел нужным "прицепиться" староста курса.

- Скоро твой урок, - сказал староста курса.

- Да, - согласилась Маша, нахмурившись, ибо ничего хорошего от своего урока не ждала.

- Приготовилась?

- Когда я могла? - возмутилась Маша.

- Можешь не готовиться.

"Практику отменили", - подумала Маша.

Юрочка неопределенно покрутил левой рукой:

- Видишь ли... Собственно говоря, Дильда, конечно, права: я должен как староста курса учитывать индивидуальные особенности каждого и прочее. Словом, если ты сейчас очень занята, я могу дать урок. А ты вместо меня позднее.

Маша удивленно молчала.

- Не беспокойся. Разговор с методисткой и расписание уладить я беру на себя.

Вот это был жест!

Усков знал, что в оставшиеся два дня не успеет хорошо подготовиться и, так же как Маша, провалит урок, но готов был принести себя в жертву.

- Нет, спасибо, как-нибудь уж, - ответила Маша краснея. Она подняла глаза, снизу вверх посмотрев на Юрия, и вдруг расхохоталась: - А как же ты Валентину Антоновичу говорил, что рыцарские предрассудки отрицаешь?

- При чем тут рыцарство! - рассердился староста курса. - Между всякими кавалерскими штучками и товарищеской помощью такая же принципиальная разница, как... - Он замялся, подыскивая внушительное сравнение, но в аудиторию вошел профессор.

Юрочка не успел подобрать сравнение. Пока профессор раскладывал на столе книги, Юрочка поспешил сообщить Маше:

- Что касается доклада, то я, представь, втянулся в свою работу об эпитетах. И сделал, представь, очень важные выводы о том, что мировоззрение и эпитеты - казалось бы, не такие близкие вещи, однако связь самая тесная. Абсолютно точные выводы!

Профессор начал лекцию. Юрий умолк.

В тот же день, едва дослушав лекции, Маша направилась в методический кабинет факультета. Она побаивалась методистки. Маше казалось, стоит методистке раз взглянуть на нее - тотчас догадается: "Вот студентка, которая ничего не смыслит в методике". Действительно, в методике Маша была не сильна. Она пропускала лекции, пользуясь всяким благовидным предлогом, и, так как слушала курс урывками, без системы, он казался ей скучным.

Методистка Марина Николаевна была немолодой, за пятьдесят лет, женщиной. Она гладко зачесывала седые волосы, закручивая их на затылке в небрежный пучок, носила мужской пиджак, галстук, полуботинки на толстой каучуковой подошве.

Накинув на плечи меховую телогрейку, Марина Николаевна сидела возле включенной плитки и грела над нею то одну, то другую руку, читая тем временем газету.

- А знаете, - обратилась она к Маше, - дела у нас здорово налаживаются. Уж одно то, что по всему фронту остановлено их наступление, впервые за все время войны - ого! - это много.

- Разве только остановлено наступление? - возразила Маша. - Под Москвой они отброшены с потерями, на много километров.

- Да-да!.. Что-то я вас не помню... - Методистка внимательно разглядывала Машу.

- Я по поводу урока, - объяснила Маша. - У меня через два дня урок.

- А-а... Ну, давайте!

А Маша держала в руках всего лишь четвертушку бумаги, где написан был план.

Она составила этот план в полчаса.

Тема - басня Крылова "Волк на псарне".

Столько-то минут на биографию, столько-то...

Над чем тут мудрить?

Сейчас она с неожиданным страхом ждала суждения методистки. Марина Николаевна пробежала глазами Машин план и отложила листок. Выражение живого интереса на ее лице сменилось досадой.

- Зачем вы хотите им читать эту басню? - сердито спросила она.

- Как - зачем? Ведь в программе...

- Программа программой. Но - вы-то, вы!.. Неужели вам не захотелось поинтереснее и хоть немного по-своему ввести в класс Крылова?

- Но, - ответила Маша, невольно задетая, - ведь существуют законы, как строить урок. Надо знать эти законы...

- Правильно, надо! Поэт должен тоже знать законы стихосложения. Да

ведь с одними законами - не поэт.

- Понимаю.

- Педагогика потому и искусство, что открывает просторы для творчества. Что и как - в преподавании эти вопросы вечно новы, как во всяком искусстве.

- Марина Николаевна, дайте мой план! - Маша взяла со стола четвертушку бумаги.

Методистка с любопытством следила за ней. Маша разорвала бумажку:

- Попробую сделать все по-другому.

Глава 11

Когда, окончив десятилетку, Маша поступала на литературное отделение педагогического института, меньше всего она думала о профессии педагога. Вообще о специальности она в то время почти не задумывалась. Конечно, такое легкомыслие непростительно было даже для ее семнадцати лет. Многие десятиклассники еще в школе определили свой жизненный путь. Геолог-разведчик, инженер, астроном, врач - сколько профессий!

Именно потому, что все они были одинаково хороши и серьезны, Маша ни на одной не могла остановить выбор. Она любила литературу. Но разве любовь к литературе - профессия?

"Что я буду делать потом, после вуза?" - задавала себе Маша вопрос.

Однако четыре года, отделявшие от окончания института, казались таким долгим сроком!

"Увидим, что будет потом!"

Маша поступила на литературное отделение. Она доучилась до третьего курса, а вопрос, кем же быть, так и не был решен.

Учительницей? Была в этой профессии будничность, страшившая Машу. Один, два, три года, десять лет подряд повторять в классе, когда родился Пушкин и что такое подлежащее? И все?

Маше казалось, что это все.

Но в последний приезд Маши во Владимировку произошел разговор с тетей Полей.

Они сидели на крылечке. Позади дома - вишневый сад; на отлете, вся видная с крыльца, стояла школа.

- Раньше это была церковноприходская школа, вовсе неприглядная на вид, - рассказывала тетя Поля. - От недосмотра крыша проржавела, в дожди протекала, в классе провалились две половицы. Долго пришлось кланяться старосте, пока починил... После революции в школе, помню, был митинг.

Провожали в Красную гвардию пятерых добровольцев. Все это были ребята, которым еще до семнадцатого года я потихоньку от старосты и законоучителя отца Леонида читала "Окопную правду", когда Ивану Никодимовичу случалось прислать с фронта. Теперь один из тех добровольцев, Петр Семеныч, председатель колхоза... Озорной был в ребятах нынешний председатель колхоза! - добавила тетя Поля с улыбкой.

Потянул ветерок, перебрал на голове ее тронутые сединой волосы, шелохнул на плечах край косынки. Вечерний закат, раскинувшийся в полнеба, отбросил на лицо мягкий розовый свет.

У правления колхоза ударили в железную доску. Мальчишка лет десяти, в длинных, до пят, штанах, стучал в нее палкой, сзывая, должно быть, бригадиров на собрание. Тетя Поля последила за ним взглядом и, обернувшись к Маше, сказала:

- Вот и ты будешь учительницей...

- Я? - искренне изумилась Маша. - Нет, едва ли.

- Что такое?

Маша смутилась.

Нелепо и странно было бы ответить тете Поле: скучно!

Вместо ответа Маша спросила:

- Тетя Поля, что самое главное в деле учителя?

Подумав, тетя Поля сказала:

- Воспитать человека, Машенька! Создавать настоящих людей. Нелегкое дело...

Как-то случилось, что на эту тему больше не возникал разговор. Да и не до того было. Началась война. Тетя Поля проводила на фронт многих своих учеников...

"Воспитать человека!" - вот о чем думала Маша, в лихорадочной спешке готовя свой первый урок.

Она плохо провела эту ночь: часто просыпалась, смотрела на часы и лишь под утро заснула. Детские, милые видения снились ей: полянка, где на длинных стеблях стояли лиловые колокольчики; почти задевая их крыльями, пронеслись стрижи; выскочил заяц из леса и сел, сложив уши.

Утром Ирина Федотовна едва добудилась Машу. Торопливо одевшись, Маша побежала в школу. Все-таки она очень боялась урока и по дороге придумывала причины, из-за которых он мог бы не состояться.

Урок состоялся.

В классе вдоль стен на скамьях сидели студенты с блокнотами. Одна девушка, прикрывшись портфелем, доедала завтрак. Им хоть бы что! Спокойны. Маша прошла по коридору в том состоянии изнурительной

тревоги, когда хочется одного - чтобы поскорее все кончилось. Как-нибудь, только скорее.

Она вошла в класс со звонком.

- Здравствуйте, дети! - сказала Маша, не различая лиц, не узнавая своего голоса.

Ребята стояли, дожидаясь разрешения сесть; не дождались и начали усаживаться сами, весело переглядываясь и хлопая крышками парт.

Студенты, сидевшие вдоль стен, сразу принялись записывать что-то в блокнотах.

"Сейчас начну. Вообразу, что я пионервожатая, как бывало на сборе", сказала себе Маша. И начала:

- Ребята! Давно, больше ста лет назад, армия Наполеона пересекла границы нашей страны...

Юрий Усков сложил тетрадь в трубку и, приставив ко рту, свистящим шепотом подсказал:

- Забыла переключку по журналу сделать!

- Ах, в самом деле! - испугалась Маша.

Но поздно исправлять ошибку.

Девочка на первой парте, коротко стриженная, с круглой гребенкой, которую она поминутно щупала на затылке, очевидно боясь потерять, негромко произнесла:

- У нас не история, а литература по расписанию. А вы про историю рассказываете.

"Обязательно провалю урок!" - со страхом подумала Маша.

- Ничего, слушай дальше, - ответила она девочке. Это было в июне. Осенью армия Наполеона вошла в Москву. Наполеон ликовал. "Я победитель, думал он. - Россия повержена. Мне поднесут ключи от города и на блюде хлеб с солью". Но никто не приносил Наполеону ключи от города.

В классе стало тихо. Маша, которая смотрела только на стриженую девочку, осмелилась взглянуть на других. Ребята слушали.

Какие хорошие и любопытные у них глаза! Маша только теперь это заметила. В сущности, от нее зависело, оставит сегодняшний день след в их жизни или пройдет без следа.

Эти мысли промелькнули в голове Маши в один коротенький миг, пока она окинула класс внимательным взглядом, и вдруг забота о том, понравится она своим критикам или нет, потеряла значение.

Она рассказывала, как Наполеон вошел в пустую Москву. Образ оставленного войсками и жителями города так живо возник в ее

воображении, что она рассказала детям об осенних листьях, которые ветер срывает с деревьев и несет вдоль пустынных улиц, о вое голодных псов по ночам, о дыме пожаров. Из окон кремлевского дворца Наполеон смотрит, как город горит.

Толстый мальчик с красными щеками, в которых тонула крохотная кнопка носа, поднял руку:

- Вот так победитель!

Класс рассмеялся.

- Наполеон шел в Москву, чтобы покорить народ, но ошибся в расчетах, - продолжала Маша. - Он решил вступить в переговоры о мире.

Толстый мальчик фыркнул:

- Видит - ничего не выходит, о мире замечтался!

- Ну, наши покажут ему! - в азарте крикнул кто-то на весь класс. Наши такой ему мир пропишут, чтоб не лез больше в Москву!

Стриженная девочка на первой парте уронила с затылка гребенку и, шаря по скамье, сердито приговаривала:

- Ладно вам! Не мешайте! Раскричались!

- А что наши сказали? Что Кутузов сказал? - не унимались ребята.

- Кутузов хитрец, он ответит!

- Чего ему отвечать! Скомандует войску...

Юрий Усков свернул тетрадь в трубку и подсказал:

- За дисциплиной следи! В классе шум.

Действительно, в классе был шум. Удивительно, как он был Маше приятен! Она не остановила ребят.

Некоторое время они рассуждали о том, как следовало бы ответить Наполеону на просьбу о мире. Но заговорила Маша, и дети умолкли.

- Жил в это время писатель Иван Андреевич Крылов... - И Маша стала читать басню Крылова "Волк на псарне": - "Я, ваш старинный сват и кум, пришел мириться к вам..."

Ребята не выдержали и шумно прервали чтение.

- Э-э! Ишь ты какой! - раздались со всех сторон голоса.

На задних партах встали, многие тянули руки к учительскому столу, целый лес рук.

- Говори ты, - наугад вызвала Маша веснушчатую светленькую девочку, которая нетерпеливо суежилась и протягивала дальше всех руку.

Девочка встала, сконфузилась и забыла, что хотела сказать.

Вместо нее ответила стриженная.

- Здорово Крылов Наполеона высмеял, - заявила она и, скорчив гримасу, передразнила: - "Пришел мириться к вам"!

- Раньше бы приходил! - крикнул кто-то.

"Вот вы какие! - смеясь и радуясь, думала Маша. - С вами не заскучаешь".

Она дочитала басню и спросила:

- Знаете теперь, как ответил народ?

Дружный хор голосов повторил:

- "...с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой!"

На секунду в классе водворилась тишина.

"Они поняли, - подумала Маша. - Что же им еще объяснять?"

Студенты писали в блокнотах. Боже мой, что они пишут все время?

Стриженная девочка, которая поминутно роняла гребенку и то лезла под парту искать, то шептала что-то на ухо соседке и вообще была ужасной непоседой, ни к кому не обращаясь, сказала:

- Кто-нибудь написал бы про Гитлера басню!

Она оглянулась на краснощекого толстяка, махнула рукой, засмеялась и опустила глаза с тем хитрым видом, который ясно говорил: "У нас есть секрет, но вы не спрашивайте, все равно не откроем".

И не утерпела:

- А у нас один тоже басню написал!

Испугавшись, что проболталась, она спрятала лицо под крышку парты и смущенно хихикала там.

- Неужели? - обрадовалась Маша. - А кто? Пусть прочитает.

Все закричали:

- Говори, говори! Ну, чего ты? Говори!

Толстый мальчик поднялся, важно заложив за ремень руки.

- Какая басня! Так просто... - сказал он с притворной небрежностью, скосил глаза в угол и прочел:

ШАКАЛ

Напал на нас один шакал

И во всю глотку заорал:

"Я завоюю ваш Урал!"

Но наш боец ему ответил:

"Москву, дурак, ты не заметил.

Ты под Москвой сломаешь ноги

И не найдешь домой дороги".

И верно, под Москвой шакал

Свою веселость потерял.

А я могу мораль подвести:

Шакал тот Гитлер сам и есть.

И мы фашистов разобьем

И Гитлера с Герингом убьем!

Стриженная девочка ликовала. Мальчик, косясь в угол и скромничая, добавил:

- Под конец не очень складно. Может, я по-другому придумаю.

- Не надо! - закричали ребята. - И так хорошо!

- Хорошо, - согласилась Маша.

- Я книжки про героев люблю, - сказал мальчик.

"Ну, кажется, мы уклонились от темы", - подумала Маша.

Юрий между тем, показав потихоньку часы, шепнул:

- Скоро звонок. Закругляйся.

Но "закруглять" было нечего.

Маша кончила урок.

До звонка оставалось десять минут. Она выполнила свой план на десять минут раньше, чем требовалось.

- Ребята, выучите дома басню. Запишите в дневники задание.

Прошло еще две минуты.

"Что же делать?" - лихорадочно соображала Маша.

Студенты, положив блокноты на колени, выжидали.

"Что делать?"

Вдруг блеснула надежда на спасение.

- Ребята, - сказала Маша, - может быть, вы кое-что не поняли? Задавайте вопросы. Что вы не поняли? Спрашивайте.

Она молча умоляла ребят, чтобы они спрашивали. Но в школе целый месяц проводили практику студенты-историки, и ребята знали, что студентам за уроки ставят отметки: хорошо объяснил - пятерку, плохо - двойку. Маша ребятам понравилась. Они хотели ее поддержать.

- Поняли, всё поняли! - весело закричали они, хотя у каждого в запасе было довольно вопросов.

До звонка оставалось шесть минут.

- Тогда урок окончен, - упавшим голосом сказала Маша. - Идите на перемену.

Дети в недоумении переглянулись, живо повскакали с мест и, еще больше влюбленные в Машу, окружили учительский стол. Многие бросились к выходу.

Учительница с испуганным лицом загородила дверь, раскинув руки, как наседка крылья:

- Куда вы? Звонка не было. На место! На место! Что вы делаете? - с

упреком сказала она Маше. - А если директор услышит шум?

Методистка, сдерживая смех, пробиралась из класса.

- А вот мы в кабинет к директору сейчас и направимся. Будем обсуждать урок Строговой.

Первым, не глядя на Машу, прошмыгнул мимо Усков, и Маша поняла: пропала!

Собрались в кабинете. Студенты с блокнотами перешептывались, опуская глаза. Методистка, напротив, ожила и, потирая ладони, лукаво посмеивалась.

- Кто начинает? - спросила она веселым баском.

Ася Хроменко улыбнулась, на щеках у нее заиграли ямочки...

- Пожалуйста, - охотно предложила методистка.

В уроке Строговой ошибки были явны, их мог перечислить любой. Ася боялась, что кто-то перечислит раньше ее, поэтому заторопилась взять слово. Важно было не то, какой дала Маша урок, а как интересно и умно об этом уроке скажет она, Ася.

Она увлеклась и сыпала словами: конечно, первый урок и, конечно, нет опыта, но забыть проверку по журналу, не дотянуть до звонка и стоять, как памятник, когда в классе содом, - слишком много ошибок!

Все было именно так, и у каждого студента это записано в блокноте, но чем дальше перечисляла Ася промахи Маши, тем большее охватывало всех недоумение.

- А все-таки урок хорош, - задумчиво сказала Дорофеева, когда Ася выложила свои соображения. - Что-то в нем есть...

- Именно, вот именно! - шумно подхватил Усков. - Вначале я сбился с толку, но теперь понимаю. В уроке Строговой - принципиальные выводы, спроектированные на современность...

Усков принялся излагать мысли о простых и обыкновенных вещах так мудро, что в конце концов запутался, оборвав выступление на полуслове.

Начался спор. Одни говорили, что урок совсем плох, другие - хорош.

Слово взяла методистка.

- Промахи ваши заметили все. Промахи нетрудно заметить. А вы, голубушка моя, - Марина Николаевна погрозила пальцем Асе Хроменко, главное проглядели, вот что я вам доложу! У пятиклассников нынче со стариком Крыловым знакомство состоялось, а вы проглядели. Подружились ребяташки с баснописцем Крыловым. Строговой за это спасибо... Знаете ли вы, товарищи практиканты, что такое творчество в педагогической работе? Почему сегодня оживление в классе? Почему ребяташки быстро все поняли, обо всем догадались? Спросите у

Строговой. Она вам расскажет. Учитель дома, над книгой создавая урок, испытал волнение мыслей и чувств - дети в классе ему отозвались. Холодным пришел в класс учитель - батюшки мои, скука какая! И дети - те, да не те. Вот откуда все идет - от учителя! Берегите в себе огонек! Если он не горит в вас, никого не зажжете!

Вечером Маша писала письмо:

"Родная моя тетя Поля! Помните ли вы один наш разговор, когда летом я жила в вашей милой Владимировке? Я сказала вам или подумала: скучно быть учительницей. Тетя Поля, кажется, я ошибалась".

Глава 12

Никто не удивился, когда Строгова на экзаменационной сессии сдала несколько экзаменов досрочно, а за литературу XIX века заслужила особое одобрение Валентина Антоновича.

- Хотела бы я знать, за что он так расхвалил нашу москвичку? спросила Юрия Ася.

- Наверно, за то, что отвечала отлично и не похоже на других, ответил он не задумываясь.

- Давно ли за непохожесть на других ты называл Строгову индивидуалисткой? - уличила Юрочку Ася.

Она произнесла эту фразу с вызовом, полагая, что быстрая смена взглядов не служит украшением человека. Усков поставил портфель на пол и свернул сигарку.

- Вопрос об индивидуализме надо обсудить принципиально, - строго заметил он.

- Выдернешь десять цитат из разных книг?

- Могу привести практические примеры из жизни.

- Есть наблюдения?

- Есть.

На мгновение Усков увидел настороженность в Асином лице, однако она рассмеялась, и он узнал наивные ямочки на ее щеках.

- Вот тебя индивидуалистом уж никак не назовешь! - воскликнула она с той простодушной искренностью, перед которой Юрий чувствовал себя безоружным.

"Черт ее разберет!" - подумал он с досадой.

Ася вынула из портфеля книгу, полистала страницы.

- Посмотри, - небрежно предложила она.

Усков ахнул - это была та самая книга, которую он давно и безуспешно разыскивал. Он ухватился за нее и не в силах был выпустить из рук.

- Как раз к твоей теме, - улыбнулась Ася.

- Ну еще бы! Ах, черт!

- Можешь взять.

"Все-таки у нее есть товарищеская закваска, - рассуждал Усков, подкупленный Асиной щедростью. - Но в то же время она здорово себе на уме. Загадочный тип! Не разберешь".

Наконец наступил знаменательный день. Юрий вышел из дому за час до занятий он жил на окраине города; для неторопливой ходьбы часа было достаточно.

Юрий озабоченно прижимал к боку свой толстый бывалый портфель. Он был нервно настроен. Явно бесспорны научные выводы, к которым Юрий пришел, и все же...

Переулком шагал двугорбый верблюд. Верхом на верблюде сидела женщина в ватных штанах и платке, обмотанном вокруг головы, как чалма. Верблюд надменно покачивал головой. Юрий проводил их задумчивым взглядом.

"Я не нуждаюсь в похвалах, - продолжал он уверять себя. - Тщеславие есть пережиток, недостойный комсомольца, но если нужно за убеждения драться - я готов".

Он походил на петушка, нахохлившегося перед боем.

- Наш штатный оратор! - приветствовала его Дорофеева.

- В предвкушении торжества, - добавила Ася.

Усков не мог удержать довольную улыбку.

В аудиторию быстро вошел Валентин Антонович:

- Начнем, начнем, не будем терять время!

Он указал Ускову место рядом с собой.

Усков открыл портфель и выложил на стол картотеку эпитетов, почувствовав при виде ее прилив бодрости.

Он откашлялся, поднял глаза к потолку, так как вид аудитории рассеивал внимание, и произнес вступительную фразу, которую долго лелеял:

- Раньше чем перейти к собственным выводам, мы сочли нужным тщательно ознакомиться с историей вопроса. Мы подвергли исследованию...

Дорофеева оперлась щекой на широкую белую ладонь и сосредоточенно слушала. Валентин Антонович расправил галстук, взбил гребешком реденькую гривку над теменем и удобнее устроился на стуле.

- В результате, - продолжал Усков, - мы пришли к заключению, что все существовавшие до сих пор попытки дать научное объяснение природе эпитета, как наиболее существенного элемента поэтического стиля, не

выдерживают критики... - Он покосился на профессора и снова обратил взор в потолок. Мы ломались бы в открытую дверь, если бы стали доказывать несостоятельность классификации литературоведа... - Он назвал известное имя.

- Но все же? - слегка недоумевая, прервал Валентин Антонович.

- Но все же, - без тени смущения подхватил Усков, - мы уделили этому ученому достаточно внимания.

На щеках Ускова выступили красные пятна, левая рука привычно вступила в действие. Чем больший азарт охватывал докладчика, тем энергичнее жестикулировала рука. Усков подверг сокрушающей критике важнейшие работы по эпитету советских и дореволюционных исследователей и с ехидной усмешкой перечислил в дополнение ряд малоизвестных имен. Для студента Ускова не существовало авторитетов.

Он сделал небольшую, полную драматизма паузу, во время которой Дорофеева тихо вздохнула, опершись на обе ладони, и сообщил с непоколебимостью истинного энтузиаста науки:

- Наш уважаемый профессор Валентин Антонович в своих трудах...

Валентин Антонович не повел бровью. Он держался мужественно, пока его "опровергали".

Усков перешел к изложению собственной теории.

Теория его заключалась в том, что выбор эпитетов целиком определяется мировоззрением писателя. Усков немало потрудился над тем, чтобы заключить все разнообразие эпитетов Толстого в стройную схему, он разнес их по рубрикам и мучительно долго придумывал наименование каждой рубрики.

Казалось, ключ к пониманию Толстого он надежно держит в руках.

Сейчас следовало в этом всех убедить. Усков приступил к картотеке.

- "И первый раз после Аустерлица он увидел то высокое вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нем, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе".

Усков прочитал и умолк. Неожиданно он испытал беспокойство. Возникшая теперь пауза непонятно для студентов затянулась. Перед Юрием предстала вдруг жизнь, большая, пленительная, трудная, и та железная схема, которую он изобрел, ничего не прибавляла к ее пониманию. Жизнь в книгах Толстого была сама по себе, а схема эпитетов, сочиненная Усковым, сама по себе.

Ключ выпал из рук.

Усилием воли Юрий подавил волнение и продолжал перебирать свои

карточки, на которых по кусочкам разложил Толстого.

Ася не слушала. Она перестала слушать после того, как Юрий изобличил Валентина Антоновича в ненаучности его заключений.

Ася пришла на семинар в полной уверенности, что будет хвалить Ускова, хотя не знала, какие открытия ей предстоит услышать. В глубине души она считала Юрочку "занозой". Враждовать с ним не было смысла. Но когда Усов обрушил критический пыл и на Валентина Антоновича, Ася круто изменила намерение.

"Дурак!" - энергично решила она и приступила к обдумыванию контрвыступления. На этот раз она не брала первая слова. Дорофеева отняла от щек большие белые руки и, грустно рассматривая их, сказала:

- А ничего нового о Толстом из доклада Ускова я не узнала. Напротив, Толстой-художник от меня куда-то ушел...

Усков побледнел.

Студенты выступали один за другим, и с каждым новым выступлением Усков стремительно погружался в пропасть.

Катастрофа была неожиданной и полной.

Усков смотрел на свою картотеку в тупом оцепенении, не умея скрыть горе и не догадываясь, что его нужно скрывать. Когда Валентин Антонович поднялся, Усков сгорбился. Ему хотелось зажмуриться.

- Друзья! - сказал Валентин Антонович. - Мы выслушали доклад, который многих из вас, как я вижу, привел в смущение. Наш уважаемый коллега отверг все работы, существовавшие до него, зачеркнул опыт предшественников, и получилось убыточное озорство. Но не только в озорстве беда вашей работы, товарищ Усков. (Юрий поднял голову и тотчас опустил.) Есть и посерьезнее ошибки. Беда ваша в том, что вы, сами не подозревая того, свели свой труд к номенклатуре, и в результате - схоластика.

Все ниже опускал Усков бедную голову. Вдруг он насторожился, щеки зарделись.

- В самом начале вашего научного пути, - говорил профессор, - я хочу вас предостеречь...

"Значит, еще не конец, - блеснула в мозгу Юрия живительная мысль. Он говорит: в начале пути".

- Ваша работа дерзка, и дерзость ее ни на чем не основана, выводы ваши далеко не научны, но... - продолжал Валентин Антонович, - но все же я чувствую в ней то внутреннее волнение, которое дает нам право в вас верить. Есть один грех, который я не прощаю. Это - равнодушие. Человек, равнодушный к работе, навсегда безнадежен.

Он окинул аудиторию взглядом, задержался на Асе. Ася ответила почтительной и чуть восхищенной улыбкой. Почему-то профессор вдруг рассердился, надвинул шляпу на лоб и ушел, не задержавшись для разговора, как делал обычно.

Занятия кончились. Студенты расходились по домам, в читальню, столовую. В аудиториях, коридорах было шумно, кто-то шутил, смеялся, спорил о чем-то. Был день как день. Что же случилось?

Один студент писал полгода работу. Ничего путного не вышло из этой работы. Разве никогда не случалось того же с другими? Однако Юрий был несчастен. Он шел, свесив голову, ничего не видя кругом, пока его не догнала Маша.

Точно проснувшись, Юрий оглянулся по сторонам и только теперь заметил, как буйно и неудержимо делает свое дело весна. Еще утром земля была скована морозом, а сейчас шумно неслась в арыках вода, выплескивая через края пену, журчали ручьи, разливаясь в низинах. Синим блеском сверкало небо; вдали поднимались белые шатры гор. Длинное облако с позолоченной солнцем каймой зацепилось за вершину горы и остановилось в раздумье.

Маша молча шагала рядом с Усковым.

Год назад она так же шла с Митей Агаповым Девичьим полем в Москве. Была тоже весна. Таял снег, серые тучи затянули низкое небо, но в лицо дул теплый и влажный ветер; в голых березах кричали грачи.

"Где ты, Митя?"

- Ты увидишь, как цветут в горах тюльпаны, - рассказывал между тем Юрий. - Представляешь, желтый, лиловый, розовый луг?

Он с таким жаром описывал прелести весны в горах, что Маша поняла, как он страдает от своей неудачи и боится, что все презирают или жалеют его.

- Ты столько прочел книг, что я поразились, - сказала Маша. - Ты удивительно трудоспособный!

Притворное оживление Ускова погасло.

- Вон идет ишак. Тоже "тру-до-спо-соб-ный".

- Брось, Юрий, хандрить.

- Я напишу две, три или триста работ, но научусь работать, как нужно!
- упрямо сказал он.

"Какой славный и смешной!" - подумала Маша.

- Всего, - простился Юрий.

- Зайдем к нам, - предложила Маша. - Сегодня и мама выходная.

Юрочка прислонился спиной к тополию, поставив у ног портфель. Не

хотелось тащиться через весь город домой и в одиночку предаваться отчаянию. А солнце как сумасшедшее в один день растопило снег и залило светом всю землю. Тяжело на душе! Беспросветно.

Маша подняла с земли портфель Юрия:

- Идем!

- Маша! - кричала мать, слышав шаги на крыльце. - Не догадаешься, что я сегодня устроила!

"У них симпатично", - подумал Усков, очищая с ног грязь.

- Мама, товарищ по курсу, - представила Маша.

Ирина Федотовна встретила Ускова с неестественной любезностью:

- Присядьте, пожалуйста. Очень приятно.

"Не вовремя, - догадалась Маша. - Интересно, в чем дело?"

Ирина Федотовна уселась на трехногий табурет и вступила с Юрием в "светский" разговор:

- Откуда эвакуированы? Ах, здешний! Скажите, действительно здесь летом жара доходит до шестидесяти градусов? Неужели? Помилуйте, но как тогда жить?

Маша старалась не расхохотаться. Но мать не обращала на нее никакого внимания.

- А театр у вас прелестный! Вообще в такой дали - такой культурный город...

"Хочет выпроводить, ясно", - соображала Маша.

- Мама, - вмешалась она, - Юрий ничего не понимает. Он сейчас проглотит тебя. От голода падаем. Хоть кукурузы!

Ирина Федотовна убедилась, что дипломатия не удалась: придется накормить этого длинноволосого парня в рыжих ботинках и с таким толстым портфелем, что страшно смотреть.

Она поставила миску на стол. Маша, подняв крышку, от изумления ахнула: в миске были котлеты.

- Неужели настоящие?

Ирина Федотовна счастливо кивнула.

Как только Ирина Федотовна кончила его развлекать, Усков перестал испытывать стеснение. Он не мог ни о чем сейчас говорить, кроме своей неудачной работы.

- Ты не замечала, иногда в сознании происходит какой-то скачок, сказал он Маше. - Просто удивительно! Только сегодня я понял, что строил дом без фундамента. Если бы я сейчас начинал, все было бы по-другому. Нет, Валентин Антонович умница, что ни говори. Я его уважаю.

- Я тоже, - подтвердила Маша.

- Валентин Антонович положил меня на лопатки. Позор!..
- Слушай, Юрий, когда что-то делаешь, иногда и ошибешься.
- Да-да конечно, - рассеянно ответил Усков.

А Ирина Федотовна слушала их разговор и с невольной обидой думала, что Маша даже не спросит, откуда взялись котлеты.

Ее так и подмывало рассказать, как утром она обнаружила в чемодане белые брюки Кирилла Петровича и на рынке продала за полцены первому встречному. Так получились котлеты. В теории Ирина Федотовна была практична, она мысленно распределила котлеты на три дня.

"Теперь осталось на два", - высчитывала она.

- Мамочка, можно еще? - спросила Маша.

"В конце концов, котлет могло вовсе не быть, если бы я оставила брюки в Москве", - рассудила Ирина Федотовна.

Накормив Ускова, она почувствовала к нему расположение: симпатичный студент!

Ирина Федотовна развеселилась и принялась рассказывать Ускову о том, как у нее сначала не ладилось в госпитале: однажды главный врач раскричался за перепутанные градусники, хотел даже уволить, она места не находила от срама, но теперь все вошло в норму.

- Видишь, - многозначительно заметила Маша Ускову, - бывает.

Да, теперь Усков это знал.

Он уходил от Строговых, когда солнце опустилось за горизонт, в арыках утихла вода, лужи на мостовой затягивал тонкий ледок; после горячего синего дня наступала холодная ночь. "Каждый день приносит опыт, рассуждал Юрий сам с собой, - но сегодняшней стоит года. Я даже не помню, когда он начался".

"Вы думаете, мы строим нашу культуру на голом месте? - обращался он к воображаемому оппоненту, прыгая через арык. - Нет, в том-то и суть нашей культуры, что она берет все лучшее в прошлом, а устремлена в будущее. Туда..." Усков не заметил, что оспаривает собственные выводы из утреннего своего доклада.

"А славные Строговы! - вспомнил он, подходя уже ночью к дому. Вообще есть хорошие люди. - И - работать, работать, работать!"

Глава 13

В апреле, едва сошла вода, зацвели яблони и абрикосы.

Широкоскулые коричневые мальчишки с узкими глазами продавали на перекрестках лиловые фиалки и тюльпаны с гор. Горы потемнели, лишь на вершинах их лежал снег.

Наступило лето сорок второго года. В домах не выключали радио.

Установленные на площадях громкоговорители по несколько раз в день извещали о положении на фронтах. Сводки были лаконичны и беспощадно правдивы. Люди слушали молча.

Ежедневно на фронт отправлялись эшелоны с орудиями, боеприпасами, хлебом. С рассветом в парке имени Горького начинались военные учения. Время от времени на улицах раздавались торжественные звуки оркестра. Шли бойцы с вещевыми мешками, шинелями через плечо, свернутыми валиком, с блестящими на солнце котелками.

Толпа провожала бойцов до вокзала.

Для студентов началась страдная пора - экзаменационная сессия.

Приезжим приходилось туго: жара усиливалась. Весь день в небе висел раскаленный шар солнца. Трава желтела и сохла. Слабо звенели ручейки на дне арыков. Студенты спасались от зноя в институтских аудиториях с теневой стороны, собирались кучками и готовились к экзаменам. Читали в одиночку и вместе, дочитывались до изнеможения и уж не спорили, не обсуждали прочитанное, а просто старались запомнить побольше, побыстрее и завидовали тем, кто успел одолеть за день лишних двадцать или тридцать страниц.

Дорофеева, с запавшими глазами, монотонно читала вслух. Когда она прерывала чтение, сам собой возникал разговор. Он начинался обычно с вопроса: "А что нынче в сводке?"

Все знали сегодняшнюю сводку, но кто-нибудь вынимал из портфеля газету. Если случался фельетон Эренбурга, Алексея Толстого, стихи Симонова или новые главы из Василия Теркина, беседа затягивалась.

- Я уверен, - говорил Усков, разглаживая прочитанную газету и убирая в портфель, - готовится грандиозная битва. Помните, что было под Москвой? Это лето многое решит. Может быть, все.

Ася спрыгнула с подоконника, отряхивая светлое платье.

- Больше нет сил зубрить. Все равно достанется знакомый вопрос. Мне на экзаменах везет.

Она ушла.

- У нее никого нет на фронте, - сказала Дорофеева.

- Какое это имеет значение? - вспыхнул, как порох, Усков. - Я не понимаю... Почему ты так односторонне смотришь на вещи? Ты считаешь, что только через личное горе можно понять общее?

- Нет, нет, - торопливо ответила Дорофеева, понимая, чем он задет. Я так не считаю.

Усков отправился в деканат. Там распределяли студентов по районам на летние работы. В глубине души Усков мечтал, чтобы третьему русскому

достался ближайший от города плодоовощной совхоз "Гигант", но именно потому, что был членом комиссии, он не произнес ни слова, когда обсуждалась судьба его курса, и третий русский получил назначение в самый отдаленный район.

- Это просто бессовестно! - говорила Ася, встряхивая челкой. - Ты мог бы добиться для нас лучшего места, а нам досталось худшее. У нас на курсе половина эвакуированных. Мы там погибнем от жары.

Худенькая Елисеева, вялая и неловкая, очередная неудача которой состояла в том, что ее зачетная книжка бесследно пропала как раз во время экзаменов, уныло вздохнула.

- Но тебе безразлично, конечно, куда мы поедем, - насмешливо продолжала Ася, - ты-то ведь не поедешь!

Усков побледнел. Он с такой силой сжал кулак, что ногти впились в ладонь. Эта искалеченная рука - несчастье его и проклятие!

- Возмутительно, что ты говоришь! - сказала Маша, брезгливо пожав плечами.

- Я хочу сказать только: если кто-то попадает в лучшие условия, то почему не мы? - пояснила Ася.

- А если кто-то попадает в худшие условия, то почему не мы? возразил Усков.

- Дело в том, что ты должен сказать: вы, а не мы, - рассмеялась в лицо ему Ася.

- Юрий! - произнесла Маша, и он, подавив в себе гнев, вышел, хлопнув дверью.

Вечером он пришел к Строговым.

Ирина Федотовна пекла во дворе на таганке лепешки. Юрий сел на ступеньку крыльца и через раскрытую дверь наблюдал, как Маша укладывает чемодан. Завтра она уезжает.

- Не знаю, как Маша будет там... - горевала Ирина Федотовна.

Маша вышла на крыльцо. Она обернула косу вокруг головы - коса легла, как веночек. Маша встала у перил. Солнце заходило и последним лучом обласкало ее загорелое плечо, тонкую шею, скользнуло по платью и яркой полоской легло у ног.

- А вот и папа! - сказала Маша.

Кирилл Петрович поставил палку у крыльца, сел на ступеньку рядом с Юрием и молча курил.

- Плохо под Сталинградом, папа? - спросила Маша.

В голосе ее звучала надежда, как будто отец мог ответить что-то другое, не то, что все знали из газет: немцы идут к Сталинграду и вступили

на Кавказ. Знать это было так мучительно, что казались нереальными безоблачность неба, мирное журчание арыков, торжественное спокойствие гор и величавость гигантского тополя, стоявшего словно страж у крыльца в тишине наступающей ночи. Посередине двора под таганком ярко рдели огненные угли.

- Папа, плохо? - снова спросила Маша.

- Плохо... Ты, умница моя, завтра едешь?

- Да.

- Правильно, поезжай.

- Но скажите... - начал, откашлявшись, Юрий. - Как ни трудно, если человек держит оружие в руках, он борется. Пусть это оружие - лопата, пусть он, как Маша, убирает в колхозе свеклу, он все же борется! Ну, а если человек не может бороться?

- Почему? - быстро спросил Кирилл Петрович. - Почему он не может бороться?

Юрий показал правую неработающую руку.

Кирилл Петрович усмехнулся и кивнул на свою палку.

Он встал, прихрамывая подошел к погасающему костру, пошевелил прутом угли.

- Вы не спрашивали себя, почему в этот страшный час, когда фашисты у Волги, здесь, в далеком тылу, работают не одни оборонные заводы? Работают литературные вузы и педагогические институты, а вчера я видел афишу: ваш профессор читает публичную лекцию об искусстве. Фашисты рвутся к Волге, а вы в это время обдумываете свою курсовую работу...

Юрий вскочил, уронил на ходу палку Кирилла Петровича и подбежал к костру:

- А... а не кажется это бессмыслицей, от которой могут опуститься руки?

- Что бессмыслица? Что педагогический институт не закрыт?

Кирилл Петрович ворошил прутом угли. Сноп огненных брызг взлетел вверх и осыпался. Ночь надвинулась плотнее и гуще.

- На самой заре жизни, - говорил Кирилл Петрович, - враги взяли Республику Советов в кольцо. Жгли. Казнили. Терзали на части. Мы вырвались из смерти! Устояли. Неужели сейчас мы слабее? Нет, не слабее. Учитесь, Юрий.

Маша неслышно подошла и обвила руками шею отца:

- Папа, милый мой папа!

Костер погас. Над горизонтом поднялась луна, косые тени протянулись по земле от кустов и деревьев. Повеял с гор ветерок, прощуршал в листьях

тополя и затих.

Глава 14

Маша уехала на полевые работы. Уехала Дильда и все остальные студенты. Только Дорофеева получила отпуск: пришло извещение, что ее муж, тяжело раненный, лежит в чкаловском госпитале.

Усков хлопотал, доставал для Дорофеевой пропуск, проводил на вокзал, усадил в вагон и стоял на платформе, пока не скрылся из виду поезд.

Со всего курса в городе оставались он и Ася. Ася принесла медицинскую справку о том, что не может выехать в поле, и хладнокровно передала Юрию:

- Представь, у меня не в порядке легкие.

После того как у Аси произошел с Валентином Антоновичем с глазу на глаз разговор, оставшийся в тайне для всех, она изменила планы. Она не собиралась больше в аспирантуру.

Юрий скучал без друзей.

Однажды в городском парке он встретил Валентина Антоновича. В белых брюках, в сандалиях на босу ногу, без шляпы, профессор прогуливался по боковой аллее. Юрий с разбегу налетел на него. Ничего не оставалось, как поклониться и спросить о здоровье.

Может быть, профессору прискучило бродить в одиночку по аллее, может быть, он вспомнил неудачный доклад старосты третьего русского и догадался, что неспроста вихрастый, шумный студент в его семинаре умолк, - Валентин Антонович заговорил с Юрием. Они протолковали полдня в густой тени городского парка о литературе, о положении на фронтах.

Юрий воспрянул духом, найдя нового друга. Но ненадолго. Такова, должно быть, была его судьба: скоро и Валентина Антоновича пришлось проводить на вокзал.

Валентин Антонович уехал в Москву.

Усков работал. Отрезав в запас ломоть хлеба, он уходил утром в читальню, закрывая книгу, когда в глазах от усталости начинало рябить. Иногда он из читальни заходил к Строговым. Они сидели втроем на крылечке до поздней ночи. Ирина Федотовна читала вслух Машины письма.

Однажды, придя к Строговым, Юрий застал Ирину Федотовну одну. Кирилла Петровича тоже вызвали в Москву. Ирина Федотовна затосковала без Маши. Теперь Юрий каждый день забегал к ней. Он приходил и спрашивал: "Приехала?" - и оставлял для Ирины Федотовны огромные

красные яблоки, от тяжести которых надламывались ветки в саду его матери.

Студенты вернулись с работ только в октябре.

Черные от загара, они шумно прощались на вокзальной площади, долго жали друг другу руки, хотя расставались всего до завтрашней лекции. Жизнь в палатках, работа с утра до вечера в поле, три трудных летних месяца так сдружили и сблизили, что сейчас казалось странным расходиться по своим домам.

- А знаешь, свекла у них, пожалуй, без нас осталась бы в поле, говорила Маша Рязанцевой, тихой, молчаливой студентке, которую раньше почти не знала.

- Наверняка осталась бы. Молодцы все-таки мы!

- Если будущим летом опять на свеклу пошлют, Марию Демченко догоним.

- Жаль, что не на оборонный завод!

- Кто будет урожай убирать, если всех на оборонный завод?

- Товарищи! Девочки! Смотрите-ка, что стало с городом!

Город преобразился. Он был весь золотой, оранжевый - осень пламенела в каждом листочке. Невиданно синее небо отражалось в арыках.

Маша в изумлении шла знакомыми улицами, не узнавая их. Всю ее охватило предчувствие счастья. Сейчас придет домой, и должна же она наконец получить ответ на запросы, которые она разослала повсюду, чтобы найти Митин след! Митя жив. Маша знала это.

Она замедлила шаги перед домом, издали увидев на крыльце мать. Кто-то с ней был. Он. Митя, ты! Безумец Маша! Она побежала, веря в чудо, что-то крича.

Ирина Федотовна узнала Машу и тоже кричала и махала рукой. За спиной ее стоял Юрий Усков.

- Совсем негритенок! - восклицала Ирина Федотовна, обнимая и целуя ее. - Африканец! А худа! Жалость смотреть! И волосы выцвели. Почему ты так смотришь?

- Письма есть?

- Конечно. Целая куча.

- Мама! Мама! От кого письма?

- От дяди Аркаши. От Ивана и из Владимировки.

- А мне?

- Как же: целых три.

Ирина Федотовна принесла письма - три знакомых треугольника, все от Сергея.

Усков сидел на перилах, ожидая, когда Маша прочтет письма, чтобы вступить в разговор. Его одолевало нетерпение. Он не подозревал все-таки, что так обрадуется ее возвращению.

- А Сергей в госпитале, - сказала Маша. - Пишет, что ранен легко.

- Да? - с участием ответила Ирина Федотовна, припоминая, кто такой Сергей. - Маша, что ж ты о папе не спрашиваешь? Папа уехал в Москву.

- Как?!

- Вызван наркоматом. Две недели как уехал и уже прислал телеграмму. Прибыл благополучно. Я боялась. Говорили, в районе Волги дорогу бомбят. Обещал, приедет в Москву, вышлет нам вызов.

- Неужели папа уехал? - дрогнувшим голосом спросила Маша.

- Конечно. Все говорят - хороший признак, что в Москву начинают вызывать. Ты глупая, если не радуешься. Спроси Юру, он скажет.

- Да, - подтвердил Юрий, но, спохватившись, принялся объяснять: он не согласен с тем, что Маша глупая. Подобное утверждение противоречило бы истине, но факт вызова Кирилла Петровича в Москву... и так далее.

- Сейчас прочтет лекцию. Мочи нет, как учен! - шепнула Ирина Федотовна.

Маша улыбнулась одними губами.

- Что ты такая? - встревожилась Ирина Федотовна.

Маша поцеловала мать и ушла мыться в душ. Мити нет. Пора привыкать. Мити нет.

Пока она мылась под душем, отгороженным в углу двора досками, Усков ходил вдоль забора, обдумывая новости, которые следовало сообщить.

Он стосковался по душевному разговору.

Была одна новость, которую ему не терпелось открыть Маше. Перед отъездом Валентин Антонович вручил ему Машин доклад. Строгова способна! Надо знать Валентина Антоновича, чтобы оценить скупую его похвалу.

"Сколько времени она будет плескаться там?" - думал Усков, теряя терпение.

Маша вышла из душа в теплом халате, завязав полотенцем мокрые волосы, немного побледнев от вечерней свежести. Она села на ступеньку, прислонившись к перилам, и тихо сидела.

Юрий разгадывал загадку: почему у Маши светилось лицо, когда она открывала калитку, и что случилось с ней после?

Впрочем, бесполезно допытываться, почему она смеется или плачет.

- Я уверена, что мы победим. Обязательно! - заговорила Маша. - Когда

я училась, у меня не было чувства, что воюю, а там было.

- Понимаю! - воскликнул Усков.

Начинался душевный разговор, о котором он стосковался, который нужен ему был, как хлеб.

- Понимаю: там ты могла пощупать то, что ты сделала, "весомо, грубо, зримо". А здесь, в институте...

Маша вспомнила зимние вечера в читальне, работу над докладом, тревогу и радость и счастливое сознание необходимости того, что делает.

- Нет, - прервала она Юрия, - и в институте у меня бывало такое же чувство.

- Вот именно! - торжественно подтвердил Юрий. - Маша! Сказать ли, о чем я думал все лето, пока вы там работали? Твой отец прав! Тысячу раз прав! Мы не одними пушками воюем. Нет. Тысячу раз нет! Маша, я рад, что ты вернулась. Знаешь, у меня идея! Уверен, что ты поддержишь. Организуем научно-философский кружок для четвертого русского. Мы должны быть вооружены!

Хлопнула ставня. Покатились по дорожке сухие листья.

- Ого! - сказал Усков. - Будет буря... Мы должны быть вооружены! Сейчас больше, чем всегда... Ого, как завертывает!

Ветер рванул круче, поднял пыль и понес по дороге. Тополя зашумели. Они раскачивались из стороны в сторону, вдали рос гул, хлопали калитки и ставни.

- Буря! - закричал Усков. - Завтра договорим. Я разовью тебе свою точку зрения. До завтра, Маша. Бегу! - Он действительно побежал, нагибая голову: пыль и песок засыпали глаза.

А город, недавно сверкавший на солнце, посерел и угас, горы задернула мгла; низко, во все небо, клубилась, как дым, черная туча. Возле крыльца скрипел старый тополь. Темный, с растрепанными сучьями, он шатался и гнулся, содрогаясь от яростных порывов ветра.

"Выдержит или нет? - подумала Маша. - Как его треплет, беднягу!"

Ураган налетел еще несколько раз шквалами и внезапно утих; по крыше, ступенькам крыльца и пыльной дорожке запрыгали крупные капли; через мгновение лил дождь.

Лежа в постели с закрытыми глазами, Маша представила знакомое поле, кукуруза шуршала высохшими листьями; потом Юрий стоял у крыльца и, размахивая рукой, говорил, что четвертый русский надо идейно вооружить, а буря ломала старый тополь, вцепившийся в землю корнями. Маша подумала вдруг успокоенно: "Я знала, что выдержит" - и заснула.

Хотя Ирину Федотовну очень скоро перевели из санитарок в госпитальную лабораторию помощницей лаборантки, тем не менее девятая палата оставалась предметом ее забот и попечений.

Это была палата, где лежал тот юноша с желтым лицом, обросшим каштановой бородой. Юноша в бреду звал мать и ссорился с Наташей. Наташа требовала поднять паруса, а он спорил, что поднимать паруса нельзя, ругал Наташу, кому-то жаловался и кричал: "Наташка, стреляй в того! Стреляй, дура!"

Бедной Наташе доставалось.

Ирина Федотовна подносила к посиневшим губам мальчика воду. Он жадно глотал.

Когда он умер, написать было некому. Он был из Одессы.

В девятой палате стояли три койки. На одной лежал майор с тяжелым ранением в ногу. Он лежал с весны.

Наконец главный хирург сказал, что нога сохранится, не останется даже хромоты; через полгода возможно возвращение на фронт. Тогда у майора обнаружился вдруг тяжелый характер. Он выпытывал у Ирины Федотовны, врут доктора или нет. Ирина Федотовна убеждала, что доктора не врут, а жена не приезжает из Ярославля потому, что трудно достать пропуск и не на кого оставить детей. Иногда Ирине Федотовне не удавалось убедить майора. Он отворачивался к стене. Ирина Федотовна все же не отходила от кровати.

"Господи, если я уйду, кто с ним будет так нянчиться?" - думала она.

Выслушивание жалоб майора, писание писем под диктовку безрукого лейтенанта и просто разговоры в девятой палате - все это не было основной работой, но делать это Ирине Федотовне казалось важнее того, что она делала в лаборатории.

Она называла раненых из девятой палаты "мои ребятки", хотя майору шел сороковой год. Она была озабочена, кому поручить их, когда Кирилл Петрович пришлет вызов в Москву. Где найти заместительницу?

Заместительница явилась в госпиталь сама.

Однажды Ирина Федотовна переходила по доскам госпитальный двор. Доски настилались на пути к служебным постройкам: двор лежал низко, осенью его заливало водой. К кухне вела широкая дорога в три доски, такая же широкая - от главного входа к проходной будке, но к флигельку в отдаленном углу двора, где помещалась лаборатория, проложена была одна узенькая дощечка. Сколько ни жаловалась Ирина Федотовна завхозу, вторую доску не настилали.

- А кому туда ходить? - апатично возражал завхоз. - Вы с лаборанткой

и по одной пройдет.

Так и ходили по одной, балансируя, чтобы не оступиться в грязь.

На этой узенькой дощечке Ирина Федотовна столкнулась лицом к лицу с незнакомой девушкой и прежде всего посмотрела на ее ноги. Девушка была обута в открытые туфли и мелкие галоши.

- Не разойдемся, - сказала Ирина Федотовна. - Придется вам вернуться обратно.

- Пожалуйста, - вежливо ответила девушка. - Я куда-то попала, сама не знаю куда.

Она пошла назад. Ирина Федотовна, следуя за девушкой, опытным взглядом оценила ее светлое пальто и шляпку в тон пальто.

- Где вам делали? - нечаянно спросила Ирина Федотовна.

Девушка сразу поняла, о чем речь, и ответила:

- На Крещатике.

- Ах, в Киеве! - обрадовалась Ирина Федотовна, хотя в Киеве была лишь раз, в ранней молодости, и смутно помнила холмы и сады этого живописного города.

Пока они гуськом дошли по доске до лаборатории, девушка рассказала, где в Киеве лучшее ателье, где причесываются артистки и как хорошо одевались киевлянки до войны - куда москвичкам!

Завязалась оживленная беседа о милых пустяках. Они остановились около флигеля продолжить разговор.

"Славная девушка, с широкими взглядами, - определила Ирина Федотовна, мысленно сравнивая ее с Машей. - Маша односторонняя. Она - как Поля, но Поля росла в другое время, когда за идейность преследовали: несовместимо было интересоваться нарядами и читать запрещенные книги".

Девушка показала Ирине Федотовне справку: "Анна Хроменко, студентка четвертого курса, направляется в госпиталь для общественной работы".

- Не знаете ли вы Машу Строгову? - спросила Ирина Федотовна. - Тоже студентка, моя дочь.

- Как же, - ответила Ася. - Мы на одном курсе.

Ирина Федотовна решила, что это просто прелесть - такое совпадение.

"Посмотрим, какая у нашей недотроги мать", - заинтересовалась между тем Ася.

Она давно заметила, что Маша избегает близости с ней, и Усков перестал откровенничать с тех самых пор, как "там" возникла дружба. Асю вызвали в комитет.

Дильда с хмурыми узкими глазами, устало подперев кулаком голову, спросила:

- Какие ты выполняешь общественные поручения?

Ася вмиг сообразила: "Неспроста! Это они мне в отместку за то, что выступала против на уроке и на докладе".

Она решила поговорить с Дильдой по душам, но разговор не получился.

Дильда покачала головой:

- Не надо! Строгову знаю, Ускова знаю. О себе расскажи.

Тогда Ася чистосердечно призналась:

- Давно уж хочу взять общественную работу... У меня привычка: если братья, так по-настоящему. Но у нас на курсе организаторы такие...

- Какие?

- Нерасторопные.

На всякий случай Ася выбрала осуждающее, но все же довольно мирное слово.

Дильда сдвинула ниточки-брови.

Она не поняла значения слова, но спрашивать у Аси не хотелось.

Оказалось, что Ася мечтает работать в госпитале...

Теперь она стояла у деревянного флигеля и охотно знакомилась с Машиной матерью.

Ирина Федотовна пригласила Асю в лабораторию, усадила на табурет и сказала, что вот только наклеит ярлычки на двадцать бутылочек, а затем сама проводит ее в главное здание и познакомит с "ребятами".

- Вы учитесь на педагогическом факультете. Но вам не идет быть учительницей, - сказала Ирина Федотовна, у которой ее новая знакомая вызывала интерес и симпатию.

- Нет, конечно, нет! - рассмеялась Ася. - Я буду журналисткой.

Наклеив ярлыки на бутылки, Ирина Федотовна проводила Асю в девятую палату.

Безрукий лейтенант спал, майор лежал на спине и настойчиво изучал потолок, третья койка была пуста - выздоравливающий гулял в коридоре. По тому, что майор не шевельнулся при их появлении, Ирина Федотовна догадалась - его опять одолевает хандра.

- Алексей Степаныч! - осторожно позвала она. - Познакомьтесь. Журналистка.

- Никаких интервью! - отрезал майор.

Ася улыбнулась:

- Будьте покойны, нет.

Она не возражала против того, что ее отрекомендовали журналисткой. Напротив, послала Ирине Федотовне приветливый взгляд и ловко поправила у майора подушку, хотя в этом не было нужды.

- Благодарю, - буркнул майор.

"Очень мила, очень!" - отметила про себя Ирина Федотовна.

- Позвольте вам чем-нибудь помочь, - просто сказала Ася.

- Мне требуется одно, - ответил майор мрачно, - чтобы моя нога научилась ходить без костыля.

- Представьте, - воскликнула Ася, - сейчас в кабинете врача слышала разговор о вашей ноге! Самое большее через месяц вам не понадобятся костыли.

Майор приподнялся на локте:

- Нет, в самом деле?

"Я спокойна, - решила про себя Ирина Федотовна. - Скорее бы прислали вызов. Я поручу ей своих ребят".

Так завязалось знакомство.

Всякий раз, когда Ася приходила в госпиталь, Ирина Федотовна зазывала ее в лабораторию, и начинался тот увлекательный разговор, который доставлял равное удовольствие обеим собеседницам.

Ася сидела у Ирины Федотовны в лаборатории, подальше от колб и пробирок, чтобы не испачкать светлое пальто, и посвящала ее в свои планы.

- Нет, меня не тянет больше к научной работе. В конце концов, все наши ученые - ску-учнейшие сухари! Это меня оттолкнуло. Каждый выбирает работу в зависимости от темперамента. Я верю в удачу и в случай. Кроме того, имеют значение связи.

"Ах, Маша! - думала Ирина Федотовна. - Сидит до поздней ночи в читальне. Ночью Усков провожает ее домой. Они стоят у забора и говорят о дипломных работах, о последнем воскреснике и о том, какие вопросы нужно обсудить на комсомольском активе. Потом бедный Усков тащится через весь город к себе".

Жизнь Маши представлялась Ирине Федотовне однообразной и скучной. Ужасно жалко ее!

Ирина Федотовна всегда была охотница до празднества, и теперь мысль о развлечении, которое необходимо устроить для Маши, крепко засела ей в голову.

- Маше под Новый год исполнится двадцать. Приглашаю вас на пирог, сказала она Асе.

Вот и Новый год скоро. Дни летели. Труд, забота о раненых так

заполняли время Ирины Федотовны, что она давно позабыла тоску одиночества. Лишения и неустроенность быта, которые раньше донимали до слез, теперь переносились легче. Ирине Федотовне некогда было заниматься мелочами: к вечеру она так уставала, что с трудом добиралась до постели.

Положив голову на подушку и наслаждаясь заслуженным отдыхом, она размышляла некоторое время о Москве и Кирилле Петровиче (как-то он там один, без меня?) и засыпала до утра.

Глава 16

Всю ночь валил снег. Местные жители не помнили такого снегопада, а приезжие привыкли ничему не удивляться. Под утро на улицах лежали корявые сучья, подломившиеся от снега, висели оборванные провода, стал трамвай, до окон пушились высокие сугробы, но тучи разошлись, и в небе не осталось ни облака.

Маша вышла с матерью из дому и на мгновение ослепла от блеска и густой синевы неба.

- Это для тебя такой день, Маша! - воскликнула Ирина Федотовна. Сегодня тебе двадцать лет. Смотри же, не забудь, приходи домой в семь - к десяти соберутся гости.

Ирина Федотовна была полна ожиданием праздника, хотелось, чтобы праздник получился уютный и шумный, как в Москве, до войны.

- Как-нибудь отработаю поскорей в лаборатории и даже в девятую не зайду. Или зайду на минутку поздравить, а потом прибегу печь пирог. Маша, будет майор. Вчера выписался. Кажется, Ася совсем закружила ему голову.

И она свернула в переулок, к госпиталю, а Маша пошла в институт.

После лекций был научно-философский кружок.

Рязанцева делала доклад на тему "Реакционные черты философии Канта". Усков посылал ей записки с вопросами, она краснела пятнами и терялась; Дорофеева, как обычно, переводила на язык простых и ясных понятий то, в чем путалась Рязанцева.

Маша сначала слушала плохо. Потом ее что-то задело, и она ушла от Кати Елисеевой, которая мешала ей слушать, шепотом сетуя, что на следующем собрании поставлен ее доклад, а ей этот Кант так же нужен, как японский император.

Рязанцева добросовестно, но с полным равнодушием изложила двенадцать кантовских категорий, присущих рассудку. Спокойствие Рязанцевой и задело Машу.

"Как она может, как может!" - досадовала Маша, удивляясь

невозмутимости Рязанцевой.

- Разрешите вопрос, - попросила она.

Усков, председатель кружка, охотно и важно кивнул.

- Я хочу знать, - сказала Маша, - считает ли докладчица основным в философии Канта непознаваемость мира?

Рязанцева, которая в каждом вопросе предполагала подвох, смешалась и неуверенно ответила:

- Да.

- Я поняла из доклада, - говорила Маша, сердясь и волнуясь, - Кант утверждает, что человек слеп, как котенок.

Рязанцева не помнила, чтобы Кант где-нибудь выразился именно так.

Маша продолжала:

- Идут века, все изменяется, но человек никогда до конца не прозреет, мир для него непознаваем - так говорит Кант. Мне эта философия не нравится, в ней неуважение к человеку. А марксизм говорит: что мы не знаем сейчас, узнаем после. Правильно я понимаю? Скажите мне, правильно?

Усков откашлялся и глубокомысленно ответил:

- Ты уходишь с позиции научных доказательств в область настроений и чувств.

- Нет уж, позвольте... - возразила Дорофеева.

Было ровно семь, когда Маша вышла из института. Она напонила Ускову и Дорофеевой, чтобы не опаздывали, и заспешила домой помогать маме.

На дверях висел огромный проржавевший замок, который предназначался главным образом для психологического воздействия на злоумышленников, так как отпирался без помощи ключа.

"Странно! Мамы нет", - удивилась Маша.

Она еще больше удивилась, прочитав оставленную на столе записку: "Приходи в госпиталь, как только вернешься".

Никаких признаков предстоящей встречи Нового года не заметила Маша в комнате. Напротив, скомканное белье лежало грудой на кровати, валялся опрокинутый табурет, из кастрюли ползло на стол тесто.

"Все понятно, - догадалась Маша. - Наверно, мама что-нибудь напутала на работе и под Новый год ей был нагоняй".

Она съела корку черствого хлеба с солью и кусочком праздничной колбасы и отправилась выручать маму. В лаборатории Ирины Федотовны не было.

- Где Строгова? - спросила Маша санитару в главном здании.

Тот указал. Маша открыла дверь в кабинет дежурного врача и увидела Аркадия Фроловича. Да, это был он.

Он стоял к Маше спиной, говоря что-то врачу и Ирине Федотовне, но Маша сразу узнала его сутулую круглую спину и коротко остриженный затылок. Он обернулся, и Маша увидела знакомые длинные усы. Усы стали белые, не сохранилось ни одного черного волоска.

Это было похоже на Аркадия Фроловича - свалиться как снег на голову именно под Новый год.

Он поманил Машу и взял ее обеими руками за щеки:

- Могла быть толще!

Он вынул трубку изо рта, положил на стол и обнял Машу. Отстранил от себя, оглядел, снова обнял:

- Хороша! Кстати... - И, как когда-то в детстве, в Москве, вытащил из кармана плитку шоколада: - Это тебе на рождение, а кроме того...

- Аркадий Фролович, - решительно перебила Маша, - я без памяти рада вам! Слышать не хочу о подарках!

- Кроме того, - продолжал Аркадий Фролович, - я выполнил твою просьбу.

- Что? - Маша побледнела. Сердце упало и взлетело вверх. Несколько секунд она как будто качалась на качелях.

- Я его нашел, - сказал Аркадий Фролович, зажигая трубку. - Черт! Почему она не горит?

Ирина Федотовна испуганно ахнула:

- Что я наделала - пирог пропал! Маша, я устроила его в девятую палату, где раньше лежал майор.

- Кого ты устроила, мама? - спросила Маша, с ужасом думая: сейчас все это окажется страшной ошибкой.

Аркадий Фролович тронул Машу за плечо и легонько подтолкнул:

- Девятая палата, по коридору направо, потом налево, третья дверь. Задето легкое.

Направо, налево, третья дверь...

Но перед дверью Маша остановилась.

Прошло полтора года. Вдруг...

Толстененькая, кругленькая сестра с пухлым ребяческим ртом, пробегая по коридору, спросила:

- Вам кого?

И Маша вошла.

Она увидела только Митю, как будто он был один в палате. Никого и ничего вокруг. Она встретила его внимательный, настойчивый взгляд, он не

улыбнулся. Маша поняла - ждал. И чувство доверия и близости, не только не ослабевшее, а, наоборот, окрепшее за эти полтора года, с новой силой охватило ее.

Она быстро прошла через палату, наклонилась над Митей и поцеловала его в губы, не думая о том, так она делает или нет и можно или нельзя ей его целовать.

- Маша! - сказал он, неловко обнимая ее.

Ей было неудобно стоять нагнувшись, она видела его страдающие, счастливые глаза.

- Сядь, - сказал Митя.

Она взяла стул.

Кто-то смотрел на них с соседней койки, но она не замечала: в палате был один Митя. Так близко.

Он показал ей взглядом, чтоб она наклонилась.

- Если бы я знал... - сказал он шепотом, - я ничего не знал.

- Как же так? Я все время писала, писала тебе!

Она вспомнила, что письма пропали, и с досадой и смехом перебила себя:

- Ах, глупая я!

Они довольно бестолково беседовали, но смысл и радость их встречи были не в том, какие произносились слова. Говорили и признавались в нежности взгляды, улыбка, застенчивое прикосновение руки.

- Поцелуй меня еще, - попросил Митя, от неуверенности и смущения бледнея.

- Нет. Больше нет.

- Почему?

- Не знаю, - прошептала Маша.

Провела ладонью по его руке в грубом больничном белье, от плеча к локтю. Бережно и несмело.

- Митя, ты не можешь рассказывать?

- Сейчас? Нет. Вихрь в голове. Стучат колеса: тук-тук-тук. Еду, еду. Не сердись. Все как в тумане, как во сне. Ты мне не снишься, Маша?

- Не снюсь, - серьезно ответила она. - Митя, после госпиталя ты вернешься туда?

- Да. Конечно.

Она взяла его руку в свою и не выпускала.

- Митя, ты знаешь, здесь был в эвакуации Валентин Антонович. Тебе интересно?

- Очень интересно!

Он весь встрепенулся. Скулы его чуть покраснелись. Студенческие незабываемые годы, вернетесь ли вы? Библиотечные полки, забытые книгами. Семинар в тесной, домашней какой-то аудитории, где профессор становится понятней и ближе, а студенческие голоса раскатываются подобно громам и сшибаются в спорах. Жизнь бегом. И веселая жадность: узнавать, узнавать, узнавать! И Маша.

Он увидел ее на первой лекции. Ее лицо, страстно серьезное и вместе ребяческое, поразило его. Удивленно распахнутый взгляд.

- Маша, у тебя есть здесь друзья?

- Как же, есть. Дорофеева. Усков.

- Усков?

Страшноватый, противенький холодок внезапно кольнул его сердце.

- Кто такой Усков?

- Однокурсник. Мы с ним очень сошлись последнее время, - беспечно открывала Маша. - Симпатия. Работаем в одном семинаре. И вся общественная работа вместе. Я его к тебе приведу.

- Нет. Не стоит.

Он осторожно отнял у нее руку, занес за голову и, лежа так, каким-то вдруг ставшим сторонним, изучающим взглядом рассматривал Машу.

Та и не та. Она закладывает теперь косу вокруг головы и кажется, стала выше, чем раньше. Старше. Что-то гордое в ее голове, оплетенной косой, как венцом. Новость. И манера подносить руку к волосам, чтобы поправить, и опускать, не коснувшись. Новость. Незнакомое коричневое платье с высоким строгим воротничком, в котором она так прелестна! И ее незнакомая жизнь среди неизвестных друзей!

Она могла поцеловать его еще раз, если бы захотела!

- Между прочим, - сказал он сдержанно, стараясь скрыть свою подозрительность, - много несчастий происходило оттого, что жалость принимали за другое чувство.

- Нельзя не жалеть человека, когда он страдает, - простодушно возразила она.

- А...

Митя до подбородка натянул одеяло. Внезапно он почувствовал вялость и пустоту во всем теле, и что-то в душе его съежилось.

- Расскажи, как ты училась.

Удивляясь равнодушию просьбы, Маша послушно принялась рассказывать о лекциях, о своем докладе в семинаре Валентина Антоновича, но ничего похожего на то, что она пережила и испытала, в ее словах не отразилось. Перемена в Мите, мгновенно ею угаданная, мешала

Маше, и потому она стеснялась и не умела рассказать обо всем пережитом.

Митя почти не слушал. Он думал: "Неужели ты не видишь: мне важно и необходимо одно. Мне необходимо знать: ты любишь меня или из жалости и участия пришла к раненому товарищу, солдату, а жизнь у тебя своя, отдельная? Неужели ты не догадываешься, что я не могу просить тебя: говори об этом. Только об этом!"

Его лихорадило. Глаза блестели сухим, горячим блеском.

- Митя, милый! - испугалась Маша. - Тебе очень плохо?

- Совсем не плохо, - ответил он, невольно раздражаясь.

Она положила на лоб ему ладонь:

- Мы живо тебя здесь поднимем на ноги. Вот увидишь. Будешь совершенно здоров!

"Ты все-таки не говоришь о том, - думал Митя, наслаждаясь прохладной нежностью ее ладони. - А если бы я был здоров, не лежал пластом и был равен тебе, я повторял бы все время, что люблю тебя. А ты не говоришь. Почему?"

Вошла сестра, напустилась на Машу:

- Посетители в такое время! Кто вам позволил? Сейчас начнется обход.

- С Новым годом, Митя! - сказала Маша.

- Как! Новый год? Уходишь?

Она обернулась у двери и видела все тот же странный блеск в глазах Мити.

- Все будет хорошо, Митя. С Новым годом!

В коридоре Маша дождалась сестру:

- Пожалуйста, нельзя ли узнать температуру?

- Он кто вам? Жених? - спросила сестра.

- Да.

- Спуститесь в вестибюль. Ждите. Приду после обхода врача.

Маша сидела на скамье в вестибюле и ждала. Она не знала - много прошло времени или мало. То, что происходило в ней, было так необыкновенно, так хорошо, и Митя был здесь, в этом доме! Маша не хотела уходить.

Вдруг она увидела: одиннадцать часов. Сестры все еще не было. Маша ждала. Наконец сестра появилась.

- Вы здесь? Я забыла. Тридцать восемь и пять. Завтра будут вынимать из ноги осколок. Ничего особенного. Идите домой.

Глава 17

Усков притащил на Новый год целых три елки. Он вез их через весь город на салазках и расставил вдоль стены, как на параде. Но Ирина

Федотовна, едва управившись с пирогами, живо нарушила симметрию. Беспорядок был ей больше по сердцу.

В честь Нового года дали электрический свет; пахло хвоей, на столе стояли бутылки с вином. Аркадий Фролович курил трубку и с довольным видом молчал.

К десяти собрались гости. Всех удивила Ася. Она убрала со лба челку и гладко причесала волосы, разделив на прямой пробор и низко опустив на уши. В лице ее появилось выражение кроткой задумчивости. Майор сказал, что Ася похожа на мадонну. Ася полагала, что майор должен грустить, потому что завтра уезжает. Но майор был беспричинно весел и одновременно ухаживал за Дорофеевой, Асей и Ириной Федотовной.

Ася с досадой подумала, что напрасно пришла.

Ирина Федотовна, закончив наконец хлопотать по хозяйству, присела к гостям и, взглянув на часы, обратилась к Аркадию Фроловичу:

- Расскажите-ка еще раз, Аркадий.

- Ириша, я же рассказывал.

- Это мне, а теперь всем. Да не забудьте подробности.

- В самом деле, Аркадий Фролович! - попросила Дорофеева.

Аркадий Фролович выбил пепел из трубки.

- Рассказывать я не мастер. Изложу коротко факты. Собственно говоря, в том, что Маша потеряла своего курсового товарища, в какой-то мере повинен я. Да. Но и вы тоже, Ириша. Мы-то знали, что изменился маршрут. Маша не знала. "Ну, старик, - сказал я себе, - если ты оказался недогадливым, изволь исправить ошибку!" Взятся разыскивать Митю Агапова. Справочный стол, адресное бюро... Заметьте, происходило это в Москве осенью сорок первого года. Так или иначе, адрес Агапова раздобыл. Приезжаю по адресу. Квартира пуста. Выехали. Куда? Неизвестно. Продолжаю искать. Не так это легко, между прочим, в военное время. На Митин след напасть не могу, но адрес матери нашел. Посылаю письмо в Ташкент. Ответ: умерла. Вскоре меня назначают главным врачом санитарного поезда, и я из Москвы уезжаю. Посылаю в Ташкент письмо за письмом: так и так, пришлите адрес Агапова. Ответа нет.

Пишу туда и сюда. За всю жизнь не писал столько писем, как за это время. Особенно мне захотелось Митю найти, как узнал, что умерла мать. А санитарный поезд разъезжает с фронта в тыл, из тыла на фронт. У меня в привычку вошло не пропускать ни одного госпиталя. Два раза находился Агапов, оба раза не тот. И вот случилось под Сталинградом... В этот раз раненых было особенно много. Я оперировал без передышки почти целые сутки.

Наконец через два часа отправляемся. Стою в тамбуре, курю. И пришла мне в голову мысль: не забежать ли еще разик в эвакуопункт? И ведь знаю, что зря, а иду. В привычку вошло - характер педантичный. Ругаю себя, но иду. И представьте...

Аркадий Фролович затянулся, выпустил облачко дыма.

- Именно теперь я его и нашел! "Покажите-ка мне списки раненых, прибывших за последние сутки", - попросил я сестру... Ну, знаете... Ко всему уж привычен, а завертелось в глазах, когда увидел фамилию Агапова. Естественно: сутки без сна. На этот раз Агапов оказался тем, кто мне нужен... Удивительно: у всех спички горят, у вас не горят!.. - проворчал Аркадий Фролович, чиркая отсыревшие спички. - Понятно, я не имел права требовать, чтобы Агапова тут же переселили в мой санитарный поезд. Черт возьми, обидно упустить из рук, а времени - считанные минуты! Сказал все-таки начальнику эвакуопункта: "Дайте мне этого парня". - "Зачем он вам нужен?" - "Намылю ему голову за то, что так долго пропадал!" В конце концов они должны были куда-нибудь его отправить. Пускай же едет туда, где его ждут. Вот и весь сказ.

- А вы сказали ему, куда везете? - спросила Ася, выслушав эту историю с живым интересом.

- Нет. А пожалуй, да, - неопределенно буркнул Аркадий Фролович.

- Где Маша? - спохватилась Ирина Федотовна. - Юрочка, пойти бы вам встретить?

Юрий вскочил и так поспешно выбежал из комнаты, что надевал куртку, уже шагая по улице.

К ночи морозило. Снег хрустел под ногами. Юрий пришел к госпиталю. Никого.

Он ходил по тротуару взад и вперед, не выпуская из виду проходную будку.

Юрий старался представить, какая Маша сейчас, что она чувствует и как удивительно, наверно, быть счастливым.

Впрочем, Юрий знал, что такое быть счастливым. Он был счастлив, когда увлекался работой. Читал книги. Порой непонятный восторг овладевал им. Он выходил потихоньку из дому и стоял у ворот. В небе тихо мерцали редкие звезды. Необыкновенно стоять и думать под звездами!

После таких бессонных ночей Юрий особенно охотно бежал в институт; он был деятелен, быстр, находчив, беспокойные планы один за другим возникали в его голове. В сущности, жизнь - непрерывная цепь открытий. Юрий думал о каждом из них. Но о любви он избегал думать.

- Который час? - спросил он у прохожего.

- Одиннадцать.

Юрий продолжал дежурить около будки. Она сейчас выйдет. Надо успеть все обсудить. Вдруг это не дружба - то, что связывает его с Машей? Вдруг это любовь?

Юрий испугался. Ему стало жарко, он снял шапку и растерянно провел рукой по волосам.

Очень плохо, если это любовь. Тогда вся его жизнь изменится, и завтра же... нет, сегодня, сейчас он должен уйти навсегда!

Как раз тот момент, когда Маша вышла из госпиталя, Юрий пропустил. Он увидел ее, когда она была уже далеко, и, вместо того чтобы уйти навсегда, бросился со всех ног догонять.

- Маша, - сказал он, стараясь казаться спокойным, - разные мысли пришли мне в голову, пока ты была в госпитале. Например, такой вопрос: могут ли дружить девушка и... Ну, например, наши отношения можно считать дружбой?

- Станный вопрос! - удивилась Маша. - Да, конечно. Что же еще?

Она ответила не задумываясь: должно быть, ни разу сомнения не взволновали ее простодушное сердце.

Юрий почувствовал горечь и радость.

Значит, все остается по-прежнему. Появление Мити Агапова ничего не меняет. Да и что же могло измениться в их отношениях? Да здравствует дружба!

Их обогнали двое. Женщина с досадой упрекала спутника:

- Даже под Новый год не мог уйти на полчаса раньше с завода! Осталось десять минут. У нас все не как у людей!

Маша рассмеялась:

- У нас тоже не как у людей. Бежим, Юрий!

Они побежали и когда распахнули дверь в комнату, оба красные, хохочущие и возбужденные, все стояли с поднятыми стаканами вокруг стола и ждали последнего удара часов.

- Ура! - закричал Юрий, не успев сбросить с плеч куртку. - За победу! Поднимаю свой первый тост за победу! За Сталинград! За Москву!

- За советского человека, - добавил майор.

- За человека и за высокие человеческие чувства.

Ася выпила вино, кончиком языка осторожно облизнула подкрашенные губы и спросила:

- Какие чувства ты имеешь в виду, Юрий?

- Прежде всего дружбу.

- А! - иронически протянула она.

Начался тот беспорядочный шум, который возникает после первой же рюмки в компании людей, не привыкших пить вино. Дорофеева, похлопывая ладонью по столу в такт словам, что-то доказывала Аркадию Фроловичу и горячилась, хотя тема была вполне отвлеченной. Ася с неподражаемой искренностью признавалась майору, как ошиблась в призвании, потому что истинное ее призвание заключается в том, чтобы перевязывать раненых и главным образом на поле боя. А Маше вдруг показалось нестерпимо смешным, как они с Юрием неслись по улицам, боясь опоздать. Юрий, глядя на нее, хохотал таким заразительным смехом, что Аркадий Фролович несколько раз произнес: "Хэ! хэ!" Это означало, что Аркадию Фроловичу тоже весело.

- Аркаша! - позвала Ирина Федотовна. - Идите, поговорим.

Они сели на кровать, которую Ирина Федотовна, накрыв шалью, превратила в тахту. Аркадий Фролович медленными глотками пил вино, ничего не ел и курил трубку. Ирина Федотовна с грустью увидела, как он сутулит плечи, спина совсем стала круглой, седые усы.

Ирина Федотовна надела московское праздничное платье из черного шелка и золотую цепочку, но на душе у нее было нерадостно.

"Это потому, что нет Кирилла, - думала она. - Вот прошло почти тридцать лет, а я все та же - тоскую без Кирилла и радоваться не могу без него".

- Аркаша, - сказала она, - я думала, будет весело, а так печально! Где Кирилл, где Иван, где будете вы через несколько дней?.. Плакала бы, не осушая глаз.

Аркадий Фролович смущенно откашлялся. Он не предполагал, чтоб о нем кто-нибудь мог заплакать.

- А помните, - сказал он профессиональным бодрим тоном (ему казалось - люди всегда нуждаются в том, чтобы их лечили или утешали), помните, к вам пришли однажды два гимназиста - Строгов и я. Вы были юная, тоненькая, и глаза у вас, как у Маши, сияли.

- Как же! - воскликнула Ирина Федотовна, помолодев и оживившись. Как мне не помнить этот день. С него началась моя жизнь.

Аркадий Фролович стряхнул пепел из трубки на колени и, не заметив, продолжал говорить:

- На гражданской, под Киевом, Кирилл был тяжело ранен. Я медик второго курса; ни одного доктора поблизости. Это была моя первая операция. Он остался хромым на всю жизнь.

- Вы мне его спасли... Аркадий Фролович, - помолчав, сказала Ирина Федотовна. - Поглядите на Машу - она вся светится от счастья.

- О чем ты, мама? - крикнула Маша, краснея и грозя пальцем.

Она налила до краев две рюмки и несла их, боясь расплескать.

- Это вам, Аркадий Фролович, и тебе, мама. Выпьем за победу и жизнь!

Усков обрадовался случаю и опять закричал:

- Ура! Ура! Ура! - и опрокинул на скатерть стакан.

Ася посмотрела на него долгим взглядом и улыбнулась загадочно.

Глава 18

Гости разошлись, но Аркадий Фролович сидел. Он курил и изредка покашливал, выбивая на блюдечко пепел.

- Что это за дом, в котором нет даже пепельницы? - вздохнул он, вынимая из кармана конверт. - Маша! Мое дело лечить, а не разгадывать ребусы. Может быть, ты забыла Агапова. Откуда я знаю? Я слышал, у тебя здесь много друзей. Я не говорил Мите о тебе. Если молчишь, то, по крайней мере, ничего не напутаешь.

Он дал Маше письмо и ушел.

Должно быть, он и сидел так долго потому, что обдумывал, отдать Маше письмо или вернуть Мите.

- Милый Аркаша, всю жизнь был чудачком, - устало улыбнулась Ирина Федотовна. - Я боялась - вдруг просидит здесь всю ночь до утра!

Она легла, оставив на столе грязную посуду.

Маша перемыла посуду. Синел рассвет за окном, когда она прочитала письмо.

"24 декабря 1942 года

Здравствуй, Маша!

Наконец я узнал, что ты жива. Могли разбомбить эшелон, с которым ты выезжала из Москвы. Ничем другим нельзя было объяснить молчание, во всяком случае первые месяцы. Я ведь не знал, что ты и не приезжала в Свердловск. Аркадий Фролович не сказал, где ты и как ты живешь. Одно из двух: или он готовит сюрприз, или имеет основания ничего не рассказывать. Меня злит манера скрывать от человека неприятность. Если ты вышла замуж, что тут особенного? Ты могла выйти замуж еще и тогда, в Москве, если бы тебе было немного больше лет. Мне некому писать в тыл. Все наши институтские ребята на фронте.

А моя мать умерла.

Не знаю, случалось ли тебе пережить несчастье. Вдруг пришло извещение, что мама умерла в Ташкенте от тифа. Обычно от нас идут такие вести к вам. Со мной произошло наоборот.

После ее смерти я ни от кого не получал писем.

25 декабря

Вчера поднялась температура. Аркадий Фролович отнял у меня карандаш и тихонько сказал:

"Фу-ты, черт!"

Он не похож на доброго дядюшку из романов Диккенса, поэтому я подарка не жду. Скорее всего, я тебя не увижу.

Ты, наверно, удивляешься, что я не пишу о войне. Я не пишу, но она все время во мне, хотя от войны нас отделяет сейчас четверо суток пути и на станциях уже незатемненные окна. Кажется, нас везут в Среднюю Азию. Я не буду скрывать. Конечно, и страх был. Но дело в том, чтобы, вопреки ему, делать что нужно и непременно, обязательно, во что бы то ни стало, если он есть, скрывать от других. Но об этом трудно писать.

Я был командиром орудия. Наш расчет называли веселым. И верно, ребята подобрались молодцы.

Когда нас перекинули с прежнего места, мы думали, что прямо с ходу направят в Сталинград. Все знали, что там плохо, и удивлялись, почему нас сразу не послали в бой.

Две недели мы жили в рощице, в землянке: боев не было, но войска подбрасывали непрерывно.

Теперь понятно все, зачем это делалось. Готовился массированный удар. Наступление.

В роще было хорошо.

Один раз меня вызвали в штаб. Поручили прочитать лекцию. Там знали, что я студент. Первый раз в жизни я читал лекцию. Представь, довольно прилично. Скучаю о книгах. О зеленом абажуре в читальне.

27 декабря

Маша, я не писал два дня. Скоро приедем. Так и не знаю, где ты. Кстати, я почти не вижу Аркадия Фроловича. Он главный врач нашего поезда. Он неприветлив, но почему-то у всех убеждение, что попасть к нему - удача: обязательно вылечит. Мне было плохо эти два дня, поэтому я не писал.

28 декабря

Никак не могу кончить письмо. Решил: кончу перед самым приездом и отдам Аркадию Фроловичу. Маша! Какое счастье жить!

Однажды нас окружили. Мы были три недели в окружении. Тогда я понял, какое счастье жить!

После, уже в рощице под Сталинградом, когда можно было подумать, опомниться, я перечитал "Севастопольские рассказы". У меня была только одна эта книга. Почти невероятно, что я сохранил ее даже в окружении. И

твою карточку тоже.

Никогда раньше я не задумывался над книгой, как здесь, в землянке, во время вынужденного отдыха от боев.

Мне очень понятны герои Толстого. Сколько правды в душевных движениях!

В искусстве всего нужнее и пленительней правда. Ты согласна со мной, Маша?

Я закрыл книгу и вышел побродить.

Была морозная светлая ночь, иней запушил нашу рощу, она стояла белая. Я вообразил: когда-нибудь раньше была такая же ночь, мглистый свет луны сквозь облачное небо, деревья в снегу, а то, что я чувствую сейчас и что пережил не однажды во время боев, уже пережито когда-то Володей Козельцовым.

Меня взволновала эта мысль. И вот тогда я понял - и мне это кажется очень важным - свое отличие от Володи Козельцова. Я понял, что моя любовь и ненависть - это не то, что любовь и ненависть Володи Козельцова. Володя Козельцов был офицером русской армии и гордился тем, что он русский... Французский же офицер гордился тем, что он француз... До войны у этих офицеров не было оснований ненавидеть друг друга. Кончилась война кончилась и ненависть, рожденная войной.

Как все по-другому сейчас! Разве наше отношение к фашистам определилось только с началом войны? Мы воевали с ними, начиная с четвертого класса, когда носили пионерские галстуки. Помню, на сборе читали стихи Маяковского:

Во всех уголках земного шара

Рабочий лозунг будь таков:

Разговаривай с фашистами языком пожаров,

Словами пуль, остротами штыков.

Я воевал с ними, когда первокурсником писал свою работу на семинаре марксизма-ленинизма. Помнишь, Маша?

Мало верить - нужно знать.

Тогда я узнал, что никакие силы не остановят движения к коммунизму.

Сейчас я знаю: воюя с фашистами, мы защищаем не только свое право на жизнь, но и свои убеждения, решаем сроки наступления коммунизма.

Постепенно я начинаю смотреть по-иному на Козельцова Володю. Нет, я во многом не повторяю его. Я тоже русский, все русское дорого мне, но свою родину прежде всего и сильнее всего я люблю за то, что она Советская Родина.

Хорошо, Маша, спокойно.

До завтра!

29 декабря

Нужно тебе рассказать, как произошла наша встреча с Аркадием Фроловичем. Был отдан приказ о наступлении. Мне долго везло, в течение десяти дней почти непрерывных боев расчет оставался цел. Но потом осколком был убит второй номер и ранен был я. Я пришел в себя в санитарном поезде. Надо мной стоял доктор в белом халате. Он сразу не понравился мне. Не понравились его усы, как у моржа, и манера говорить - отрывистая и резкая.

Я не знал, что он не спит вторые сутки, но и выспавшись, он не становится ласковее.

Потом к нему привыкаешь, и кажется, что все так и надо - ежик, усы, ворчанье.

Он сказал:

"Ну вот, я нашел вас, Митя Агапов".

Когда потеряешь много крови, ничему не удивляешься и плоховато соображаешь. Я не удивился, что этот незнакомый мне доктор знает меня и даже искал...

Маша, на фронте я спрашивал иногда твою карточку:

"Какая ты теперь? С кем? Где?"

Где же, в самом деле, ты, Маша, теперь? Как мы встретимся? Да полно, помнишь ли ты меня?

Что бы ни было, будь счастлива!

А г а п о в"

Глава 19

Первого января у Мити была повторная операция - вынимали осколок. Машу к нему не пустили.

Маша не помнила, как прошел этот день. Она была озабочена, где достать цветы, но так и не достала, и рада была, что забыла съесть шоколад Аркадия Фроловича. Отнесет Мите.

К вечеру Маша не выдержала и расплакалась. Обидно. Так бессмысленно прошел этот день! Митя один, никто не положит руки на его горячий лоб.

На следующий день ее опять не пустили в госпиталь. Толстенякая сестра с ребяческим ртом виновато объясняла:

- Знаю, сочувствую, но не могу. Мне за вас попало от дежурного врача. Сегодня опять он дежурит, а завтра - другой. Тогда приходите.

Маша оплакивала потерянные из жизни два дня. Она осунулась, стала бледна и подурнела.

Наконец разрешили навестить Митю. Маша вошла.

В палате была Ася. Зачем?

Раньше Митя был один. Маша не разглядела никого, кроме Мити. Теперь она заметила безрукого лейтенанта и третьего раненого, с забинтованной головой. Он с отчаянными усилиями косил глаза, чтобы видеть Асю. Ася стояла в ногах Митиной кровати и, должно быть, рассказывала что-то забавное: все трое были веселы.

- А вот наконец и Маша пришла! - Ася взяла ее под руку и подвела к Митиной кровати. - Сядем.

Она усадила ее с собой на один табурет и обняла за плечи. Две подружки!

Митя смотрел на одну и другую.

- Куда ты пропала? Фу! - с ласковым упреком сказала Ася.

- Не пускали.

- Как! Все-таки ты, Маша, порядочный ротозей. Ведь ты же знала, что я прикреплена к девятой палате!

- Забыла, - каким-то безжизненным голосом ответила Маша.

Все в ней замкнулось. Как глупо она держит себя! Зачем оправдывается перед Асей?

- За-бы-ла! - протянула Ася. Она с грустным изумлением взглянула на Митю: "Это, пожалуй, не ротозейство. Что-то другое". - Вам пить?

Она привычно и ловко приподняла Митину голову вместе с подушкой, поднесла к его губам стакан.

Он выпил несколько глотков.

- Нет, я не хотел. Спасибо.

Глаза его не блестели лихорадочным блеском, как в прошлый раз; должно быть, температура спала.

Маша взглянула на табличку: 37,3.

- Ася, дайте мне папиросу, - сказал Митя. - Если не трудно.

Маша встретила Митин взгляд и с ужасом прочитала в нем: "Мне не хочется пить, не хочется курить, но она так хорошо и весело все делает".

Ася зажгла спичку, подождала, пока разгорится.

- Какой же труд! - просто ответила она, но в выражении ее лица и улыбки Маша узнала то радостное оживление, которое видел и Митя и должен был понять так: "Мне не трудно, а, наоборот, приятно подавать вам папиросы и спички. Мне хочется делать все, чтобы вам стало лучше. И живите легко".

"Вот видишь, - смущенно, оправдываясь, объяснил Митя взглядом. Пусть она говорит и хлопочет. Так славно у нее получается".

Маша смяла в кармане шоколад, который захватила для Мити.

Те двое раненых помнят или нет, как она поцеловала Митю?

- Ах да! - воскликнула Ася. - Этого я вам еще не рассказала.

Она улыбнулась Маше с веселой беспечностью. В том, что Ася делала и говорила, не было никакого расчета. Она не знала, зачем ей нужно понравиться Мите, но безошибочно угадывала, что нужно делать, чтобы нравиться, и как устранить то, что может этому помешать.

- Расскажу вам, как они чуть не испортили нам встречу Нового года. Мы ждали их, ждали, а они явились с Усковым ровно в двенадцать. Били часы, когда Усков ворвался и закричал во все горло. Таким счастливым я его еще не видела. Юрочку в роли Ромео стоит посмотреть. Мы с Дорофеевой наблюдали весь вечер. Он, бедняга, не умеет скрывать свои чувства. Но, Маша, дался тебе этот Усков! Ей-богу, он не стоит тебя.

Митя сделал слишком большую затяжку, поперхнулся дымом и мучительно закашлялся.

- Ты перед обходом врача ушла тогда, Маша?

- Да. Немного потом задержалась.

Он смотрел на нее пристально, остуженным взглядом.

"Митя! Что ты делаешь, Митя?" - с грустью думала Маша.

Лицо его вытянулось, и видно было, этот человек тяжело болен и страдает.

Ася поднялась и ушла к раненому с забинтованной головой. Она переставила вещи на его тумбочке, подоткнула одеяло. Опять все это было не нужно, но приятно и мило.

- Ты должен знать, Митя, - с усилием сказала Маша, - я ни в чем тебя не обманываю. Зачем мне нужно обманывать тебя?

- Не знаю, - отчужденно уронил он.

- Митя, пойми!

Но вернулась Ася. Она села на табурет, обняв Машу за плечо. Маша отстранилась и встала.

- Уходишь? - спросила Ася. - В самом деле, иди, - заторопила она. Скоро обед. Врач не любит, когда посторонние на обеде.

Она хорошо освоилась в девятой палате и спокойно распоряжалась здесь.

- До свиданья, Митя, - сказала Маша. - Я приду после.

- До свиданья, - безучастно ответил он. Оживление его остыло. Он был скучен и скрытен.

- Я останусь помочь им обедать, - почему-то нашла нужным объяснить Ася.

- Да? Ты остаешься? - Маша помедлила.

Но Митя молчал.

Она перепачкала халат шоколадом. Санитарка принялась браниться, но Маша отдала ей плитку, и санитарка, пораженная, замолчала.

Что это было? Что над Машей стряслось?

"Он позволил Асе вмешаться... - думала она, возвращаясь из госпиталя. - Не понимаю почему? Почему он меня не позвал? Он мог сказать одно слово: останься! Как быстро он мне не поверил! Митя, как ты смеешь не верить мне? - Вся ее гордость возмутилась в ней. - Я ничего тебе не буду доказывать. Ты должен все понять сам. Если любишь. О Митя! Должно быть, ты не любишь меня".

Ирина Федотовна не заметила, как надменно подняла Маша голову, войдя в дом, чтобы все знали: никого не касается то, что случилось.

- Маша! - говорила Ирина Федотовна, с плачем протягивая телеграмму. Милая Маша! Не может этого быть! Нет?

Она требовала, чтобы говорили "нет", надеялась, верила и, отчаявшись верить, падала духом.

Маша прочитала телеграмму. "Кирилл тяжело болен. Доктора опасаются жизнь. Немедленно выезжайте. Одновременно шлю вызов. Поля".

- Мамочка! - заплакала Маша, обнимая мать, состарившуюся за два часа от горя, гладила ей щеки и волосы, уговаривала: - Нет! Нет! Нет!

Ирина Федотовна всхлипывала. Маша уложила ее в постель.

- Маша! Может быть, обойдется?

- Обойдется, мама. Он у нас крепыш, никогда не болел. Поправится, увидишь.

- Он там один, Маша. Какое несчастье, что он там один!

- С ним тетя Поля. Постарайся уснуть, мама!

- До сна ли? О боже!

Она все же уснула.

Маша сидела возле. "Когда я видела в последний раз папу? припоминала она. - Да, на дворе, у костра".

Вечер перед отъездом на полевые работы, когда небо душным шатром нависло над землей, возник в ее памяти.

Отец ворошил прутом угли в костре. Искры взлетали вверх и, падая, гасли. Смыкалась ночь. Рядом, в этой ночи, притаилась беда.

"Неужто мы слабее, чем были? Нет, не слабее", - говорил отец.

Костер вскинулся яростной вспышкой. Маша увидела лицо отца: запавшие щеки, резкую морщину меж бровей.

"Папа! - думала Маша. - Нам надо переговорить с тобой обо всем, когда я приеду. Папочка, папа, ты настоящий человек, ты верный друг, а я ни разу тебе не сказала об этом! Мы с мамой просто счастливицы, что ты у нас есть".

Поздно ночью в окно постучали. Пришел Аркадий Фролович.

- Поезд завтра в двенадцать ночи. Достал даже плацкарты. Дней через восемь-девять будете в Москве.

- Что вы думаете о папе, Аркадий Фролович?

Он ответил неохотно:

- Не нравится мне телеграмма. Поля сдержанный человек. Боюсь, худы дела. Жаль, что нельзя лететь самолетом.

Глава 20

Юрий и Дорофеева ушли с лекции помогать Строговым собираться.

Усков принес для Кирилла Петровича банку яблочного варенья. Ирина Федотовна запаковала ее отдельно, не поинтересовавшись, как Дорофеева складывает вещи. Усков побежал доставать рейсовые карточки и продукты на дорогу. Ирине Федотовне было все безразлично. Она не принимала участия в сборах.

- Мой муж был тяжело ранен, - сказала Дорофеева. - И, видите, поправился.

- Да, - с благодарностью ответила Ирина Федотовна. - Я тоже надеюсь. Кирилл ни разу не болел... Но из-за Маши у меня начнется сердечный приступ! Где Маша?

До поезда оставалось еще очень много времени, но Ирина Федотовна места себе не находила и тосковала ужасно!

Усков побежал разыскивать Машу.

Маша ждала в канцелярии института, когда напишут нужные справки. У нее было такое печальное лицо, что Усков тут же вступил в препирательство с секретаршей, которая слишком долго возилась. Совсем не к месту он процитировал стихотворение Маяковского "Прозаседавшиеся". Секретарша возразила, что у нее довольно обязанностей, не хватало еще заседаний. Она разгневалась, и дело пошло еще медленней. Наконец поставлена последняя печать.

В комитете, как всегда, толпился народ. Дильда вышла проститься в коридор.

- Через полгода кончу вуз, - сказала она, - уеду в аул. Дождусь, когда старики придут за советом - значит, работаю хорошо. У нас строгие старики.

- Тебе не придется ждать долго.

- Не знаю. После войны приеду в Москву, найду тебя. Тебе хорошо было у нас?

- Хорошо.

Дильда крепко, по-мужски, пожала руку Маше маленькой сильной рукой.

Она стояла, перебирая тугую, как бечевка, косу, и смотрела, как Маша идет вдоль коридора.

- Теперь последнее, - сказала Маша Ускову.

Он ответил:

- Я провожу тебя и туда.

Усков понимал, как трудно Маше расставаться с Митей. Ее прямая и открытая любовь вызывала в нем уважение.

- Может быть, я задержусь, - сказала Маша, когда они подошли к госпиталю. - Не стоит ждать.

- Ладно, я посмотрю.

Маша ушла, а он в задумчивости уселся на пенек у арыка.

"Я настоящая скотина, - сказал он себе после недолгих размышлений. Я не умею оказывать моральную поддержку и, как типичный эгоист, теряюсь при виде чужого несчастья".

Он растерялся бы больше, если бы знал, что произошло в девятой палате.

Когда Маша вошла, Митя думал о ней. Он думал: "Если сейчас откроется дверь и войдет не сестра и не доктор, а Маша, значит, все мои подозрения неверны".

Трижды открывалась дверь и входили доктор, сестра, санитарка. Но он задумал в четвертый и пятый раз. Наконец вошла Маша.

Митя положил на тумбочку Машину карточку.

Он все утро рассматривал ее. Он хотел спокойно и трезво обсудить факты.

"Эту карточку я сам снял перочинным ножом со студенческого билета. Решительно ничего, кроме этой карточки, в наших отношениях не было. Меня могли убить. Но жизнь идет своим чередом.

Ася сказала: "Никто никогда не слышал от Маши о вас. Все удивляются, откуда вы взялись. А как же Усков?" - спросила Ася.

Я не вмешиваюсь. Пожалуйста. Но мне не нравится, когда целуют из жалости, а потом три часа гуляют с Усковым и врываются в дом за две секунды до Нового года, оба бог знает какие счастливые, и это в первый же день, когда меня привезли. Сколько бы я ни ломал голову, факты останутся фактами".

Но едва Маша вошла и Митя увидел ее осунувшееся лицо, факты потеряли значение. Они просто перестали существовать. Было одно: чувство глубокой, сосредоточенной радости, и оно приходило с Машей. Оно приходило с ней, и ни с кем больше.

"Сейчас все выясню и навсегда отброшу и не буду больше мучить себя и ее, особенно ее", - думал Митя.

- Маша, здравствуй! Все утро тебя жду. Лежу пластом, сам себе надоел. Не велели двигаться. Маша, я тебя ждал. Мне многое нужно узнать. Ты сегодня совсем новая, Маша.

- Лежи спокойно, Митя, - ласково сказала она.

- Маша! Ты же не врач. Или ты приходишь только потому, что я ранен? Ты одна? - настойчиво спросил он.

- Нет. Внизу ждет Усков.

"Надо было сказать, что одна, - спохватилась она и покраснела, поймав себя на том, что хотела солгать. - Откуда это непонятное желание лгать? Что я хочу от него скрыть? Опять начинается вчерашнее..."

И, краснея сильнее, до страдания, она сказала упрямо:

- Внизу меня ждет товарищ по курсу, Усков. Митя, зачем ты спрашиваешь? Что тебе нужно узнать?

Маша хотела, чтобы он понял: я вся перед тобой, мне нечего таить и скрывать - я не умею. Но опять, помимо ее воли, чувство оскорбленности, оттого что любовь и верность надо доказывать, сковало ее.

Митя увидел ее напряженное лицо. Чужое лицо. Чужая Маша.

И снова все перевернулось. Как кривое зеркало искажает предметы, так в Митином сознании все осветилось неверным и уродливым светом.

Ася права! Маша ему далека. А жалости он не хочет!

Тоска и обида ослепила его.

Он не успел отдать себе отчет в том, что сделает сейчас, рука сама протянулась к тумбочке.

- Я тебя ждал, чтобы вернуть карточку.

У девочки на фотографии круглые щеки, две толстые косы за плечами и ничем не омраченный взгляд. Прощай, прежняя Маша!

Теперь Митя Агапов - солдат без прошлого. Он сам освободил себя от воспоминаний.

А Маша представила: он приготовил заранее карточку; он решил вернуть ее еще вчера, когда здесь была Ася.

Они смотрели друг на друга в отчаянии и горе и молча обвиняли друг друга.

- Спасибо, - сказала Маша. - Странно, что ты ее сохранил.

- Случайно.

- Такая плохонькая фотография, не стоило беречь, - беспомощно пробормотала Маша.

Если бы они были в палате одни! Еще не поздно! Если бы только они были одни!

Уже во дворе Маша вспомнила, что не сказала об отъезде в Москву. Вернуться? Она не вернулась.

Она шла по деревянному настилу через двор с такой осторожностью, словно сейчас самым важным было не оступиться.

"Я потеряла тебя второй раз. Теперь навсегда".

За то недолгое время, пока Маша была в госпитале, Юрий успел обдумать по пунктам речь, которая должна была оказать Маше моральную поддержку. Он вскочил, когда она вышла из проходной будки, но запнулся на первом же слове. Лицо у Маши - как запертая дверь.

Юрий забыл все намеченные пункты и сказал:

- Если когда-нибудь тебе нужна будет настоящая помощь, помни, что есть человек, который... Словом, помни: у тебя есть друг.

Она молча кивнула.

Глава 21

До Куйбышева ехали вместе с Аркадием Фроловичем. За несколько часов до города с Ириной Федотовной случился сердечный приступ.

Маша никогда раньше не видела, чтобы Аркадий Фролович терялся. Он открывал походную аптечку, аптечка прыгала у него в руках.

У Ирины Федотовны пульс падал, а Аркадий Фролович долго не мог впрыснуть камфару. В Куйбышеве Ирину Федотовну вынесли из вагона на носилках. Аркадий Фролович с ком-то говорил, убеждал, требовал, и Ирину Федотовну положили в железнодорожную больницу. Аркадий Фролович вызвал главного врача и опять убеждал и требовал. Главный врач не выдержал натиска и предложил Маше остановиться у него.

Первую ночь Маша провела в палате около матери. Аркадий Фролович тоже сидел у изголовья и только время от времени выходил курить.

К утру Ирине Федотовне стало лучше.

- Что же делать, надо ехать, - сказал Аркадий Фролович.

Он не мог больше задерживаться.

Маша осталась одна, подавленная болезнью матери, шумом чужого, переполненного людьми города и сдержанной вежливостью в доме главного врача, где она чувствовала себя виноватой в том, что стучит в дверь, входит, оставляет в прихожей следы, спит на чьей-то постели, и в том, что вообще существует.

В вагон Строговы попали только через неделю.

Ирина Федотовна молчала. В ее черных, ставших огромными за время болезни глазах застыло выражение скорбного ожидания, пугавшее Машу. Замелькали дачные поселки. Москва. Вечерний вокзал, платформы, электрички у платформ, синие огни. Строгость жизни военной Москвы. В метро Ирина Федотовна растерялась, ухватилась за Машин рукав.

- Позвони, - попросила она. - Ох, Маша, мне не дойти до дому!

Маша опустила в автомат монетку, набрала номер. Гудков не было. Она набрала еще - опять нет гудков.

Маша вспомнила, что номер сменили, папа писал об этом, но новый номер она потеряла.

Они вышли из метро у Охотного. Маша узнала простор Манежной площади, университет, кремлевские стены, деревья Александровского сада в морозном тумане.

Они пешком прошли до Пушкинской площади и, когда вспыхнул зеленый огонек, пересекли трамвайную линию.

Дом стоял темный, с глухими окнами; кое-где в узкие щелки пробивался свет.

Они поднялись на третий этаж. Дверь открыла тетя Поля. Она отступила назад, вместо того чтобы обнять сестру, и Маша увидела, как мама быстрым движением вскинула руки тете Поле на плечи, молча пристально всмотрелась в глаза, прильнула к груди головой и без звука тяжело рухнула на пол.

Глава 22

В Москве у Пелагеи Федотовны оказалось множество дел. Надев каракулевую шапочку и повязавшись сверху платком, она уходила с утра. Надо зайти в Наркомпрос, в Дом пионеров, раздобыть нужные книги.

Несколько раз Пелагея Федотовна наведывалась в военкомат, но не добилась толку. Никто не знал, что с ветеринаром Пастуховым. В списках убитых не значится.

К вечеру Пелагея Федотовна возвращалась домой. Она медленно поднималась по лестнице, отдыхая на каждой площадке. Ирина Федотовна выходила к сестре в кухню. Кухня стала теперь самым жилым местом в доме, здесь на окне лед не намерзал таким толстым слоем. Она садилась ближе к плите, но газ еле горел. У такого огня не согреешься. Пелагея Федотовна ставила на конфорку кофейник, терпеливо дожидаясь, когда забулькает вода и из носика потянется горячая струйка пара. В кухне как будто немного теплело от этой тоненькой струйки.

Пелагея Федотовна подробно рассказывала, где побывала за день, кого

видела, о чем говорила. Ирина Федотовна безмолвно слушала. Выпив кофе, она уходила к себе и ложилась на диван, отвернувшись к стене. Целый день перед глазами Ирины Федотовны один и тот же узор на спинке дивана. "Если бы Кирилл не поехал со студентами на лесозаготовки, ничего не случилось бы, думала Ирина Федотовна, глядя на этот узор. - Но студенты были рады: они любили его. Хорошо, пусть поехал, ничего не случилось бы, если б он догадался, как тяжело простудился, и сразу пошел в больницу, а не лежал здесь один, словно в погребке, целых три дня, пока не потерял сознание".

Ирина Федотовна закусила край подушки, слезы выступили у нее на глазах.

Приоткрылась дверь. Маша тихо спросила:

- Мама, ты спишь?.. Мамочка! - позвала она, постояла и, не дождавшись ответа, ушла на цыпочках.

"Если б я не заболела дорогой! - думала Ирина Федотовна. - Они недосмотрели за ним без меня. Он умер оттого, что я опоздала".

Маша вернулась в кухню. Тетя Поля открыла банку желтого меду, душистого, как липы в цвету.

- Выпей с морозу кофе с медом.

Маша остановилась на пороге, не отвечая тетке. В ее позе, опущенных руках, в выражении потерянности и недоумения на лице было что-то нестерпимо жалкое, грустное.

"Батюшки! - подумала Пелагея Федотовна. - Завтра мне уезжать! Как я их брошу?"

- Машенька! - сказала она. - Да что же ты ни слова не вымолвишь? Надо жить, Маша...

Маша посмотрела на тетку непонимающим взглядом.

Если бы горе ее вылилось слезами, наверно она почувствовала бы облегчение. Но за все эти дни она не заплакала. Она не видела своего отца мертвым, в ее сознании он оставался живым. Она помнила его слова, улыбку, немного окающий говор. На письменном столе лежали его записки, конспект последних лекций. Его старая палка с надписью: "Киев, 1920 год" - стояла в углу. Отец был живой, он был частью ее собственной жизни. Но его больше не было. Она силилась постигнуть, что такое - не быть, и не могла.

Пелагея Федотовна бережно обняла ее.

Маша отвернулась, подумав с неприязнью: "Сейчас тетя Поля скажет что-нибудь очень правильное. На все случаи жизни у нее есть ответ. Но разве может что-нибудь меня утешить?"

Тетя Поля не успела ничего сказать - заговорило радио. Маша не видела раньше здесь радио и теперь поняла: отец жил в кухне и перенес сюда репродуктор.

"...Под Сталинградом закончено окружение немецких войск..." Четкий, необычайно ясный голос долго звучал в доме.

Хрустнув пальцами, тетя Поля сказала:

- Маша, а ведь Иван Никодимыч под Сталинградом. Теперь, может, я узнаю о нем. И Сережа там.

Она в возбуждении прошлась по кухне, ее темная с проседью коса опустилась на плечо. Нетерпеливым движением Пелагея Федотовна уложила косу, заколов шпилькой.

- Сережа! Я его растила. Всю свою душу вложила в него. Везде, на всех фронтах, мои ученики! И Иван Никодимыч... Ах, Маша!.. - Она взялась рукой за грудь, обессиленная опустилась на стул и упавшим до шепота голосом договорила: - Изболелось мое сердце, чуя несчастье! Одна беда вошла в дом, а другая стоит у порога. И я все жду, жду, и нету больше у меня сил...

Маша, потрясенная, смотрела на тетку. И вдруг все, что она думала о смерти, тоска, ужас, отчаяние, - все отступило перед чувством любви и жалости. Она стала на колени перед теткой и, целуя ей руки, твердила:

- Тетя Поля! Он жив, он вернется! Верьте мне, он вернется!

Она бессвязно повторяла одни и те же слова. В них не было смысла, но была та сила участия, которая спасает человека.

Пелагея Федотовна затихла, провела ладонью по смоченному слезами лицу. Она стыдилась взрыва чувств, ей было неловко.

- Может, и вправду вернется. То думаю - нет, а то сердце подскажет: жив, увижу.

- Поверьте мне, тетя Поля! - убеждала Маша. - Да и подумайте сами: ведь он ветеринар, не в бою.

Пелагея Федотовна покачала головой:

- Это так. Только пуля не разбирая летит. Иной раз и ветеринара заденет.

Она принялась собирать вещи и уже другим, успокоенным голосом говорила:

- Заждались меня ребяташки мои. Да и Дуню одну на весь колхоз оставила. Она, чай, у околицы все глаза проглядела. А может, и на станцию лошадь гоняет встречать. С нее станет. Зато я ребятам книг добыла! "Пионера" с начала войны не видали, а я привезу.

Утром Пелагея Федотовна поднялась до рассвета. Как ни трудно было

оставить нагретую за ночь постель, Маша в один миг отбросила одеяло и, словно в ледяную прорубь, опустила ноги на пол. Пелагея Федотовна привязала за плечи рюкзак с книгами, простилась с сестрой:

- Ириша, может, надумаешь ко мне во Владимировку?

Ирина Федотовна переехать во Владимировку наотрез отказалась.

- Прощай, Поля. Напиши про Ивана.

Маша вышла с Пелагеей Федотовной из дому. В густой синеве неба над непроснувшимся городом висел запоздалый остренький серпик луны, изредка проезжал грузовик, и снова пустынные улицы.

- До чего же меня потянуло домой! - негромко говорила Пелагея Федотовна. - Нет для меня во всем мире места лучше, роднее Владимировки!

Они вошли в метро. Тревожный свет синих ламп тускло озарял вестибюль. В синем свете, похожие на призраки, двигались люди.

На вокзале, прощаясь с Машей, тетя Поля сняла варежку и с ласкою погладила Машину щеку теплой рукой:

- Ступай-ка домой. Мать береги.

Рассветало, когда Маша подходила к дому. Утро было свежо и чисто, улицы полны звона трамваев.

Громкоговоритель на площади повторял вчерашнее известие о победе. Люди останавливались, слушали, и что-то неуловимо общее было в лицах разных, не похожих друг на друга людей - выражение надежды и строгости.

Глава 23

Прошло довольно много времени, прежде чем Маша собралась к Валентину Антоновичу. По возвращении из эвакуации он стал деканом факультета. Он помолодел в Москве: колечки волос завивались задорнее, бывалая живость вернулась глазам, движениям - легкость, даже довоенный франтоватый галстук появился на шее.

- Здравствуй, землячка! - приветствовал он Машу. - Собираемся понемножку в родные пенаты. А я не забыл ваш доклад! Не забыл.

Приятно, что Валентин Антонович так запросто ее встретил: не надо объяснять приход. Маша пришла в кабинет декана без всякого повода. Так много связано с Валентином Антоновичем! Отчаяние и надежды первых военных месяцев. Бомбоубежище. Эвакуация, голод. Стихи Пушкина и "Севастопольские рассказы". Целая жизнь.

Валентин Антонович закурил, бросил папиросу, постучал по столу пальцами. Что-то его беспокоило.

- Юноши приходят, уходят, а учитель стареет и превращается в брюзгу, которому мир кажется слишком трудно устроенным.

- Случилось что-нибудь, Валентин Антонович? - спросила Маша, не очень веря его старости.

- Да. То есть, нет. Просто я заскучал. Это административное кресло не по мне. Нет, не по мне. Вот, пожалуйста. - Он взял трубку зазвонившего телефона, пожав плечами и призывая Машу в свидетели, как не дают ему покоя. - Восседаю здесь в кресле, - продолжал он, положив трубку, - а дома - начатая статья о "Слове о полку Игореве". Мечтаю об этой статье, как голодный о хлебе, но, видно, не скоро суждено ей сдвинуться с места... А вы, Строгова? Кстати, о вашем докладе. Вы можете его углубить, и он будет вполне на уровне выпускной курсовой работы.

- Почему вы предлагаете мне льготные условия? - замкнувшись, спросила Маша.

- Да нет же, нет! - засмеялся профессор. - Уверен, что вы справитесь с новой работой. Стро-го-ва! Вы оправдываете фамилию. Строгая. В древние времена такие за убеждения шли на костер. Сейчас - на подвиг. На труд без пощады к себе. На любовь, которая спасает, как маяк...

Пожалуй, для первой встречи он наговорил слишком много добрых слов Маше. Но что-то в душе ее встрепенулось и захотело жить.

Многих старых друзей она недосчиталась в институте. Не было Володи Петровых: Володя погиб на фронте. То про одного, то про другого из однокурсников Маша узнавала: воюет, убит, пропал без вести.

Не было...

Но Маша заставляла себя не думать о Мите. И все же думала...

"Митя, я хочу узнать только одно: здоров ли ты? Не хочу ничего больше знать о тебе. Никогда не забуду, что ты мне не поверил. Пусть меня судят самым страшным судом - этого я не могу забыть и простить!"

Она со страхом ждала, что кто-нибудь спросит о Мите Агапове. Но не один Митя - многие выбыли из курса. И лишь Борис Румянцев, у которого глаза, нос, подбородок и скулы стали острее и жестче, и весь он теперь походил на осторожную хитрую птицу, встретив Машу, вспомнил Агапова.

- Интересно, как он на фронте, - сказал Румянцев. - Здесь, в институте, Агапов всячески старался быть на виду, но в действительности он был заурядным студентом и даже не слишком начитанным.

Это была ложь. Маша едва не задохнулась от гнева, но сдержала себя и почти равнодушно ответила:

- Возможно, за эти два года, пока он воюет, ты обогнал его в чтении книг.

Нет, она не будет вступать в споры, защищая Митину честь!

Румянцев смутился. Не очень-то благородно унижать отсутствующего

соперника, который к тому же на фронте.

- Правда, Агапов был упорен в работе, как вол, нужно отдать ему справедливость, - снисходительно признал он.

Как вол? Но разве не помнит Румянцев, что Митя умел на лету ловить каждую мысль, а голова его всегда была полна счастливых догадок? Он талантлив, вот в чем дело.

- Агапов не только упорен, - сухо сказала Маша. - Он шел всегда впереди, потому что не мог не идти впереди. С этим надо согласиться, если ты честен.

Вот она и не выдержала и снова поспорила, вместо того чтобы спокойно промолчать. Какое ей, в сущности, дело до Мити Агапова? Талантлив ли, умен ли бывший ее однокурсник, что с ним, где он теперь - все это не ее судьба.

Как грустно стало в институте!

Стены промерзли. Камень хранил двухлетнюю стужу, дыша знойной сыростью. В середине лекции возникал иногда равномерный шум: это студенты притопывали окоченевшими ногами. Профессор сбегал с кафедры вниз, поднимался, жестикулировал. Ему удавалось таким образом сохранить в себе то минимальное количество тепла, какое необходимо было, чтобы довести лекцию до конца.

Маша редко бывала в институте. Ей зачли все досрочно сданные в эвакуации зачеты. Оставалось прослушать два курса.

Румянцев язвительно заметил:

- Говорят, в эвакуации были сильно снижены требования. Напрасно ты не разделалась там со всеми экзаменами.

- Говорят часто глупости, - невозмутимо возразила Маша. - Кажется, тебе нравится их повторять.

Такие стычки возникали не раз. Митя Агапов был здесь ни при чем. Просто Маша не любила Румянцева. Впрочем, скоро она перестала его замечать.

Новая работа захватила ее, и опять в ее представлении возник поэтический мир. Она инстинктивно сторонилась того, что было чуждо этому миру.

"Романтизм позднего Горького" - так называлась ее работа. Она читала, и тонкая, едва уловимая ассоциация, возникшая в воображении, или неожиданно поразившая мысль заставляли ее бежать в библиотеку и разыскивать книги, которые, казалось, не имели даже отдаленной связи с темой. Непреодолимая потребность знаний побуждала идти вперед.

Она не знала, когда скажет себе: довольно. В тетрадке с помятыми

уголками, что сберегалась с восьмого класса школы, Маша записала слова Горького:

"И так хочется дать хороший пинок всей земле и себе самому, чтобы всё - и сам я - завертелось радостным вихрем, праздничной пляской людей, влюбленных друг в друга, в эту жизнь, начатую ради другой жизни красивой, бодрой, честной..."

К той большой правде о жизни, которую она узнала от Толстого, прибавлялась новая, неизъяснимо прекрасная правда. Она побуждала к действию. В ней был завтрашний день. Мечта и действительность, реальность и вымысел неразрывно сливались.

Но наступило одно горестное утро, когда жизнь, полная сосредоточенной, упоительной работы ума, оборвалась на полном разбеге. В этот день, проснувшись поутру и выглянув, как из берлоги, из одеяла и подушек, Маша увидела на стекле затейливые ледяные узоры. На дворе мороз. Едва Маша проснулась, в комнату вошла мать. Ирина Федотовна так укутана была в халат, телогрейку, платки, что двигалась неловко и медленно. Маша с болью и страхом замечала на лице матери всё новые следы болезни, печали и старости.

Ирина Федотовна виновато сказала:

- У нас нечего есть.

- Не может быть! Ты что-нибудь путаешь, мама.

Тетя Поля, уезжая, оставила в доме много продуктов.

Они вместе отправились осматривать буфет и кухонные полки, поискали в чулане. Нигде никаких следов съедобного. Экономно, однако, они похозяйничали!

- Я не хочу есть, - храбро заявила Ирина Федотовна.

- И у меня тоже нет аппетита.

- Ну иди, занимайся, если можешь.

"Могу. Конечно, могу", - уверяла себя Маша, раскрывая тетрадь. Она подточила карандаш и задумалась.

Вчера фразы сложились в голове.

Романтизм?

Но если голодна и больна твоя мать, и вплотную к тебе придвинулись грозные будни, и сердце сжалось от страха в бедный комочек, а ты должна сказать: что такое романтизм?..

Маша писала:

"...Горький видел высокую и суровую правду жизни. Он умел домыслить к суровой правде желаемое и возможное. Неистребимая жажда практического изменения жизни - вот что такое горьковский романтизм".

Смеркалось, когда она положила затупившийся карандаш. Она чувствовала себя легкой, невесомой. Казалось: если встанешь на цыпочки, можно подняться и улететь.

Вдруг кольнула тревога. Что мама? Она заглянула в комнату к матери и поспешно прикрыла дверь. Невыносимо тяжелым показалось ей то, что она увидела: Ирина Федотовна стояла перед буфетом и в темноте что-то искала.

Маша схватила судки и побежала в студенческую столовую. Она перелила в одну миску порцию кислых щей, в другую сложила кашу и при этом так скребла ложкой тарелку, что едва не продавала. Не было никаких надежд, но все же она попросила подавальщицу:

- Нельзя ли взять завтрашний и послезавтрашний обеды? Я очень занята, - объяснила она, - я не могу ходить сюда каждый день.

- Нет, нельзя. Нельзя.

Маша принесла домой обед. Они съели его молча. Им уже не хотелось больше притворяться бодрыми.

Ирина Федотовна сразу заснула и так тихо дышала, что Маша несколько раз наклонялась послушать. Сердце ее разрывалось от жалости. Все же она ушла в кухню, поставила на газ чайник и перечитала исписанные за день листочки... Маскировочная штора отрезала кухню от мира. Жестокая метель свистит за окном.

Что стало бы с миром, если бы страна твоя, Маша Строгова, не удержала свои боевые позиции?

Она посидела, слушая свист и голоса метели, и лихорадочно схватила карандаш.

На следующий день Ирина Федотовна не поднялась. Пришел доктор.

- Упадок сердечной деятельности. Обычное явление среди людей ее возраста в наше время.

Однажды у подъезда остановился автомобиль. Санитары в белых халатах вынесли на носилках худенькую, с заострившимся носом, старую Машину мать.

Захлопнулась дверца. Автомобиль для перевозки больных, пронзительно свистнув, уехал.

Маша вернулась домой. Она долго стояла посреди комнаты. На диване подушка, на ней вмятый след головы. Дом опустел. Тишина. И Маша наедине со своим мужеством, голодом и мыслями о романтизме.

Глава 24

Поезд шел трое суток. Первые сутки Сергей Бочаров спал. Соседи пытались разбудить его, трясли за плечо, но Сергей только мычал или, поднявшись рывком, оглядывал в изумлении купе и, виновато

улыбнувшись, опять падал головой на свернутую валиком шинель.

Сквозь редкую щетинку небритых щек к концу дня проступил слабый румянец, дыхание становилось ровнее, складка усталости разгладилась около губ. На вторые сутки Сергей проснулся и уже до самой Москвы почти не засыпал.

Первым делом он занялся хозяйством: привел в порядок вещевой мешок, почистился, побрился, туго затянул ремень и, выпив три кружки горячего чаю вприкуску, отправился заводить знакомство с проводником, который приглянулся ему еще при посадке.

Махорки у Сергея запасено было вдоволь. Покурили и разговорились.

Сергею не терпелось узнать про Москву: как там жизнь, какие перемены и не опоздает ли, чего доброго, поезд.

Проводник поинтересовался, за какой надобностью торопится товарищ сержант в Москву.

Сергей, покраснев и от волнения чуть захлебнувшись, признался, что едет в Москву получать Звезду Героя.

- Ишь ты! - сказал проводник. Он кашлянул и внушительно произнес: По виду из простых ты, парень, самый простой, однако Героя дают не за вид, а за дело.

Поезд пришел вечером.

Сергей в Москве был два раза. Один раз - когда Пелагея Федотовна привозила школьников на экскурсию, и второй - мимоходом, когда резервная, только обученная часть, высадившись октябрьской ночью на Северном вокзале, быстрым маршем пересекла город по направлению к Киевскому и с ходу была брошена на оборону Подмосковья.

И вот Сергей опять стоит на московской мостовой. Глаза его успели привыкнуть к темноте и различали вокзал, железнодорожную арку. Он мог бы отправиться в путь, но знал, что заблудится в улицах, кривых переулках, неожиданных просторах площадей, и поэтому вернулся в метро. Через полчаса Сергей поднимался на шестой этаж гостиницы "Москва". Там Герою Советского Союза сержанту Бочарову был отведен отдельный номер.

Девушка в белом переднике осведомилась, что нужно товарищу военному. Товарищ военный сконфузился. Ни за что в жизни не посмел бы он утруждать такую красивую, нарядную девушку. Он поинтересовался только, где Палашовский переулок.

- Палашовский? Почти рядом. Подняться по улице Горького.

Сергей остался один, с любопытством разглядывая отведенное ему помещение, где все блестело, сверкало.

Он посидел немного на кончике стула, но стало неловко и скучно, словно кто-то насмешливо подглядывал из-под портьеры.

Он разделся, погасил свет и снова - в который уже раз! - подумал: неужели правда все, что с ним случилось? Неужели он, Сергей Бочаров, крестьянский парень из Владимировки, придет завтра утром в Кремль и Михаил Иванович Калинин вручит ему Золотую Звезду?

Укутавшись до самой макушки одеялом, Сергей задумался над своей удивительной судьбой.

И странно: когда бы Сергей ни начинал думать о себе, воспоминания приводили его к отроческим годам, когда он мальчишкой бегал в школу.

...В густом вишневом саду стояло кирпичное красное здание.

Утром Сергей высматривал из окна, когда на дороге покажется Пелагея Федотовна в черной каракулевой шапочке, с кипой книг под мышкой, и пулей вылетал из избы. Он встречал учительницу и нес ее книги.

- О чем сегодня будете рассказывать по истории, Пелагея Федотовна? спрашивал Сергей.

Никто не умел так рассказывать, как она!

Сергей помнил в уголке класса свою парту, солнечные пятна на стенах и полу, карту, подвешенную на гвоздике, и голос учительницы Пелагеи Федотовны.

Словно живые, возникали перед глазами события давно прошедших времен - в борьбе, в великом напряжении сил росла, мужала Родина.

Невский, Дмитрий Донской, Пожарский, Суворов, Кутузов - один за другим в воображении вставали герои, но самым любимым героем Пелагеи Федотовны и ее учеников был Чапаев.

На уроках, посвященных гражданской войне, талант Пелагеи Федотовны раскрывался во всю силу; заражая волнением школьников, она их учила, будила в них мысли и чувства.

Чапаев был идеалом Сергея.

Урал, Урал-река!

Ни звука, ни огонька.

Чапаев винтовку сорвал со стены:

"Ребята! Не время досматривать сны".

Кровавый рассвет над станицей встает,

Казацкие кони храпят у ворот.

Урал, Урал-река!

Вода холодней штыка.

"Последнюю пулю пошли по врагу.

Живые, скрывайся на том берегу!"
Вдогонку палят - недалет, перелет.
И, раненный в руку, Чапаев плывет.
Урал, Урал-река!
Слабеет его рука.
До красных отрядов, река, добеги,
Скажи, что любимый Чапаев погиб.
Пусть конница мчится, пусть пули свистят,
Пусть красные белым за все отомстят.
Урал, Урал-река!
Бурлива и широка.

Армия отступала. Часть, с которой шел Сергей, вышла к переправе через реку, когда разведка донесла, что справа обнаружена небольшая группа противника, слева же, в том месте, где почти под прямым углом река делала крутой и резкий изгиб, сосредоточены крупные неприятельские силы. Неожиданное появление немцев на левом фланге на том берегу реки грозило смертельной опасностью. Командир части мог принять одно-единственное решение: при любых условиях овладеть переправой. И он принял его.

Ожидание близкой опасности, которая подстерегала где-то рядом, овладело всеми. Не слышно было ни выстрелов, ни шума самолетов, день был ясен, но тревога росла и передавалась от бойца к бойцу. Не нужно было подгонять усталых людей. Все устремились к одной цели.

Целью был мост.

Хотя все знали, что на той стороне, за мостом, раньше чем опустится солнце, а может быть, и при переправе, томительная неподвижность осеннего дня взорвется огненным шквалом, сейчас каждый нетерпеливо и яростно хотел выйти на ту сторону реки.

Как ни трудно было соблюдать боевой порядок, Сергей, преодолевая усталость и все нарастающее беспокойство, не выпускал из поля зрения бойцов и время от времени покрикивал:

- Эй! Подтянись!

Он кричал грубоватым, осипшим голосом и сам подбодрял себя выкриками, но предчувствие, которое томило и его, перешло теперь в уверенность: что-то должно произойти. Поэтому, когда подбежал связной и, вытирая рукавом пот, струившийся ручьями по щекам и шее, позвал Сергея к капитану Веснухину, Сергей не удивился и не испугался, а как-то даже успокоился. Он перепрыгнул канаву и побежал полем. За несколько минут бега он успел с поразительной ясностью увидеть и удержать в памяти

темную зелень озимых, синеву неба и похожее на копну сена дымчатое облако, повисшее над горизонтом.

Капитан Веснухин курил, но при виде Сергея отбросил папиросу.

Сергей вытянулся:

- По вашему приказанию прибыл!

Капитан внимательно посмотрел на него и произнес отчетливо:

- Переправа началась. Необходимо соединиться с нашими на том берегу. Тогда, если понадобится, примем удар немцев с тыла.

- Слушаю, товарищ капитан! - ответил Сергей, стоя навытяжку и стараясь угадать, что от него требуется.

- А там, - капитан плавно повел рукой в сторону рощи, - возможно появление группы противника. Есть основания полагать, что немцы попытаются и здесь выйти нам во фланг и сорвать переправу.

- Слушаю, товарищ капитан! - повторил Сергей, с ужасом чувствуя, что бледнеет.

Не отрывая от Сергея настойчивого взгляда, капитан сказал, что нужно выставить в роще заслон. Нужно продержаться два часа, пока часть успеет переправиться.

- Есть продержаться два часа! - крикнул Сергей громко и бодро, чтобы уверить капитана, как не страшен и понятен для него приказ.

- Когда переправа закончится, пустим пять зеленых ракет, и это значит, что вы можете отходить.

Все сказано, но капитан медлит отпустить Бочарова.

Сергей ждет.

- Я в вас уверен, Бочаров. Идите!

Меньше чем через десять минут отделение Сергея Бочарова вступило в осиную рощу. Роща пылала на солнце. Красноватый отблеск ложился на лица бойцов, когда они проходили между тоненькими осинками. Сухо шуршали под ногами листья.

Сергей шел впереди. Теперь ожидание неизвестной опасности не мучило его больше. Опасность была известна, и требовалось быстро и решительно сообразить, как ее уменьшить и ослабить.

Наверно, немцев больше, чем людей у Сергея. Может быть, рота или две, брошенные сюда в разведку, чтобы прощупать выход к шоссе. Если это разведка, то ее можно и должно обмануть.

Роща кончилась внезапно, словно кто-то сверху срезал ее, и начиналась луговина в полкилометра шириной, а дальше - такой же тихий осинковый лесок, охваченный пламенем осени. Лучше нельзя придумать позиции. Сергей велел бойцам окопаться здесь, на краю рощи.

Бойцы сосредоточенно рыли окопы и маскировали ветвями. Сергей проверял окопы и ругался, что вырыто плохо, зная: ничто так не успокаивает людей перед делом, как придирчивое внимание командира к мелочам.

- Кому лежать - тебе или дяде чужому? - спросил он Степана, рыжеватого, с белыми ресницами парня, которого прозвали "Мигай" за его привычку хлопать ресницами.

- Гляди!

Сергей оглянулся. Среди деревьев соседнего леса показались немцы. Сергей насчитал тридцать, сорок человек и перестал считать.

Немцы остановились на краю луговины, видимо совещаясь. По тому что немцы не решались сразу выйти на открытое место, Сергей понял - опасаются засады. Растянувшись в цепочку и прижав к животам автоматы, они вышли наконец на луговину.

Самым трудным было подпустить их на близкое расстояние.

Кровь стучала в висках тяжелыми, горячими толчками, пальцы онемели на рукоятке автомата.

Медленно тянулись минуты. Сергей отдал команду. Раздался залп. Больше десятка немцев упало, а уцелевшие, не сделав ни одного ответного выстрела, бросились назад, но, не добежав до лесочка, остановились. Чуть выше головы Сергея жикнула пуля, где-то сзади разорвалась граната, совсем близко другая.

Услышав вопль, Сергей понял, что вторая граната разорвалась в соседнем окопе.

Беспрерывно строчил пулемет.

- Ура! Ура! - почему-то закричал Сергей.

- Ура! - подхватили бойцы.

Он поднялся и, перебегая от одного дерева к другому, стрелял, продолжая кричать.

Фашисты опять побежали.

Сергей упал в яму позади вороха наломанных сучьев. Он дрожал от возбуждения и оттого, что сейчас, когда немцы ушли, все его тело, словно в клещи, зажал страх. Сергей знал, что нужно унять дрожь и страх, и не мог.

Подполз боец и доложил: четверо убиты, пулеметчик ранен.

- К пулемету Трофимова! - приказал Сергей.

Несколько пуль врезалось в ствол осины. Осина затрепетала и осыпала Сергея красными листьями.

Чуть изогнутая цепочка немцев, человек пятнадцать, приближалась теперь с непонятной быстротой. Сергей не успел уяснить, отчего это

произошло, как вдруг почти над самой головой увидел кованые сапоги. Одним прыжком выскочив из ямы, он вонзил штык во что-то податливое и мягкое нелепо взметнулась рука немца. Сергей с удесятеренной силой отчаяния и бешенства ударил прикладом другого немца, который в пьяном неистовстве выпускал один за другим заряды в затылок Трофимова, упавшего на пулемет и, видимо, давно мертвого.

Произошло чудовищное. Немцы ворвались в рощу, а из леса напротив появилась новая цепочка.

Из окопа выскочил боец и, стащив убитого Трофимова, упал на живот перед пулеметом и открыл огонь. Пулемет, не умолкая, строчил.

Немцы повернули обратно. Сергей подсчитал свои потери: шестеро бойцов остались лежать. Мало людей, а надо продержаться еще сорок минут. Он не помнил, сколько раз за эти сорок минут из соседней рощи выходили фашисты.

И вдруг тишина. Непостижимая, страшная. Фашисты ушли. Почему ребята молчат?

- Братцы! - позвал Сергей. - Эй, ребята! Отзовитесь кто-нибудь!

Он лежал долго, дожидаясь ответа.

Зашелестела трава. Сергей увидел Степана.

- Один? - в тревоге спросил Сергей.

Степан молча припал к земле щекой. Там, где он лег, мгновенно натекла лужа крови. Сергей перевязал ему бок, стащил сапог с ноги.

Торопясь и ругаясь, он перевязывал Степана, а тот молча смотрел на него и мигал белыми ресницами.

Сергей подполз к брошенному фашистами пулемету, оттащил шагов на тридцать в сторону. И, замаскировав пулемет и запомнив место, представил ясно, что произойдет дальше.

Фашисты не уймутся и с дьявольской настойчивостью будут охотиться за Сергеем, пока не убьют. Если б они знали, что Сергей остался один, не делали бы таких долгих передышек. Ага! Они еще не знают, что он один. И вдруг вера в свою удачливость налила все его тело злым упрямством. Он погрозил кулаком в сторону леса:

"Дорого буду стоять вам, гады!"

Он наметил несколько огневых точек. Как-никак у него два пулемета. А может быть, немцы не выйдут больше? Или сейчас, сию минуту, за рекой поднимутся ракеты - пять зеленых ракет, - тогда он взвалит на плечи Степана и успеет уйти.

В это время из леса снова появились фашисты.

Сергей лежал у немецкого пулемета. Пулеметная очередь выкосила из

середины цепи несколько человек. "Дорого, дорого обойдусь!" - стиснув зубы, думал Сергей. Немцы залегли, но Сергей видел - ползут. И вдруг застряла лента.

- О, черт!

В левое плечо ударила пуля, мимо уха просвистел знойный ветер. Сейчас они поднимутся и сомнут.

Но в этот миг слева плеснул пулеметный огонь.

- Степанушка! Степа! - прорыдал Сергей. - Окатывай их!

Через минуту или через час они сидели, обнявшись, под осиной. Степан тяжело навалился Сергею на плечо, прерывисто и часто дыша. Руки у Сергея тряслись, он слабел, гимнастерка намокла кровью. Он не смел потревожить друга, который все тяжелей и безжизненней припадал к его плечу.

Сергей удивленно смотрел вокруг. Роща потемнела, словно угас костер. Плоская сизая туча затягивала небо.

Наступала ночь.

Болело плечо, не раненое, а то, на которое отяжелевшим телом навалился Степан.

- Ракеты видел, - сказал Степан.

- Что? - не смея поверить, переспросил Сергей. - Правду говоришь? Сколько? Пять? Идем, Степан. Я тебя поведу. Степан, вставай!

- Нет, - прохрипел Степан. - Иди, а мне не дойти.

В темноте Сергей не видел его заострившегося лица, впалых щек и мутных глаз под ресницами.

- Степанушка! Я поползу и понесу тебя на спине. Браток!

- Ступай, Серега, а я не жилец...

Что-то клокотало, хлюпало в груди Степана. "Не жилец..." Взвалить бы на спину, но не двигается рука, дрожат от слабости колени - видно, ушло много крови, а с ней сила.

Степан хрипит. Протянет, может, час или два.

За эти два часа, пока туча, как ватным одеялом, завесила небо, Сергей успеет отшагать двенадцать километров до моста. Или лучше взять вправо и вплавь перебраться через реку, на случай, если немцы заняли мост.

Он догонит своих, пока ночь.

Сергей потянулся. Степан отвалился на него и лег на землю. Его бил озноб, он мычал сквозь зубы - ему было тяжело, он звал смерть.

- Серега, ступай - погубишь себя! Не жалея меня, иди...

- Молчи ты! - грубо отозвался Сергей.

Накрыл друга шинелью, влил в рот из фляжки воды.

- Спи. Сном лихорадку выгонит. Я не уйду. Спи.

Он пополз в темноте к пулеметам. Два пулемета, свой и немецкий, он поставил в нескольких шагах друг от друга. Он собирал автоматы и складывал в кучу. Метрах в шестидесяти от своих укреплений Сергей вырыл окопчик, копая яму одной рукой: при каждом движении другой раненое плечо болело. Он набросал возле окопчика веток, положил поверх веток пилотки с убитых. Обманет ли кого-нибудь эта убогая маскировка?

Степан уснул. Сергей постоял над ним и пошел к пулемету. Он лег у пулемета и стал ждать рассвета.

Но немцы показались раньше.

Не от ветра, а так, неизвестно по какой причине, раздвинулась в небе на две стороны туча, и в звездную долинку медленно выплыла круглая желтая луна и полила на землю мерцающий свет. А туча пошла и пошла в стороны, и за какой-то очень короткий срок преобразились роща и луг. Каждая веточка в роще отбросила четкую тень, лес запестрел белыми и черными полосами; луг серебрился и сверкал. Это превращение похоже было на злое волшебство.

"Если они снова выйдут здесь, - думал Сергей, - значит, вправо им податься нельзя. А что бы такое могло им так помешать?.. Э, - догадался Сергей, - не иначе, как там тоже заслон".

Надежда, что немцы бросят попытки пробиваться через рощу к шоссе, приободрила его.

Сергей не знал, что сверкающая под лунным светом направо лужайка переходила в глубокую топь. Наткнувшись на нее, немцы вернулись обратно.

Хорошо, что он этого не знал и, лежа у пулемета и не спуская глаз с соседнего леса, думал, что он не один, а раз не один, то беда - полбеда.

Но когда между деревьями снова показались фигуры, он весь поник в смертельной тоске.

Небольшая кучка немцев столпилась в осинках.

Сергей ждал, страшным усилием воли одолев физическое ощущение тоски.

Вот несколько человек вышли на полянку, постояли, прислушались и рванулись вперед, но тут же отхлынули, встреченные пулеметом.

Пока немцы в замешательстве бежали обратно в лес, Сергей перебрался к другому пулемету. Он не сдерживал себя, не выжидал, не рассчитывал. Он стрелял, не останавливаясь, но не верил больше в свою счастливую судьбу и знал: пришел его последний час.

Из леса отстреливались.

Сергей переполз к первому пулемету. У него темнело в глазах, руки не слушались.

Но немцы замолчали.

"Должно быть, ушли, - подумал Сергей и даже не обрадовался: так он устал. - Усну на пять минут, а потом наведаюсь к Степке".

Он не уснул, а потерял сознание.

И в это время клубящиеся облака, как караван судов, подступили к луне, окружили и загородили ее от земли. Спасительным сумраком окутался лес.

Немцы больше не появлялись.

На рассвете Бочарова и Степана подобрала наша разведка.

Три месяца пролежал Сергей в госпитале, а когда выписался, не любил рассказывать о случае на опушке осинового леса. Невзлюбил он, кроме того, лунные ночи.

Сергей вернулся в часть, когда под Сталинградом немцев сжимали в кольцо.

Прошло еще три месяца боев.

Сергей и не вспоминал уже про свое единоборство с ротой немцев, когда однажды, сразу после боя, его, измученного, грязного, вызвали в штаб.

В штабной землянке пусто. Топилась железная печь, трещали поленья.

В тепле Сергей разомлел, у него слипались глаза. Он таращил их изо всех сил, боясь уснуть до прихода начальства, и незаметно уснул.

Он подскочил, как на пружинах, когда его окликнули.

Перед ним стоял капитан Веснухин, теперь подполковник.

- Какие у вас боевые награды, Бочаров?

- Орден Красной Звезды за Калинин, товарищ подполковник, орден Отечественной войны первой степени за Сталинград и представлен к медали "За отвагу".

- Удивительно ли, - сказал подполковник, - что мы бьем врагов! А что, Бочаров, помните, я вас заслоном оставил в районе... Немцы прорвались тогда с правого фланга и щупали выход на шоссе. Вы задержали их разведку, а за это время мы перебросили на новые позиции крупные силы. Принимать бой тогда, на шоссе, было бы бессмысленно и губительно, а теперь вся наша часть невредимой вступила в сражение за Сталинград... Они здорово просчитались, Бочаров!

- Выходит, что просчитались, - подтвердил Бочаров.

- А тяжеленько вам пришлось, Бочаров?

- Тяжеленько, да выдюжил, товарищ подполковник.

Подполковник Веснухин сказал:

- Указом Президиума Верховного Совета сержанту Бочарову за воинский подвиг присвоено звание Героя Советского Союза!

Глава 25

В круглом светлом зале, несмотря на большое количество собравшихся людей, было так тихо, что стоило кому-нибудь кашлянуть или скрипнуть стулом, все удивленно оглядывались.

Рядом с Сергеем сидел академик. Седая борода покрывала половину его груди; он держался внушительно и прямо.

С другой стороны сидел не старый высоколобый, тщательно выбритый генерал.

Сергея стесняло, что место его оказалось между академиком и генералом.

Однако едва распахнулись двери и Михаил Иванович Калинин появился в зале, чувство стесненности исчезло без следа.

Сергей с восхищением и нежностью смотрел на Калинина. Он видел, как Калинин задержался, окинул зал взглядом; добрая улыбка осветила его лицо.

Быстро, мелко шагая, немного опустив голову и сутулясь, Михаил Иванович прошел к столу.

Сергей вздрогнул от шума аплодисментов и восторженно принялся бить в ладоши.

Ему показались утомленными лицо и походка Калинина. С острым беспокойством он подумал: "Хорошо ли смотрят за Михаилом Ивановичем доктора?"

Он так забеспокоился о здоровье Михаила Ивановича, что, забыв смущение, хотел обратиться с вопросом к генералу, но в это время генерал поднялся и направился к столу; Калинин встречал его внимательным взглядом.

И вот тот же взгляд ждет и его, Сергея.

Сергей шел, не замечая стен и сверкающих люстр, ни длинных рядов стульев, ни лиц, - он ничего не видел и шел навстречу влекущему взгляду, ответно сияя глазами.

А Михаил Иванович действительно в тот день чувствовал себя худо. От весенней сырости болела спина. Он старался скрыть усталость и нездоровье и от этого еще больше устал.

Вдруг он увидел паренька, который быстро шел, почти бежал между рядами стульев; глаза у него густо синели, как васильки в ржаном поле, русая прядка опустилась на лоб.

И таким привлекательным своей прямоотой и открытостью показалось Михаилу Ивановичу это лицо, что-то он узнавал в нем такое близкое, знакомое, что не мог оторвать от паренька помолодевшего взгляда. Он силился вспомнить что-то и вспомнил.

Это собственная юность его идет прямым и стремительным шагом!

- Поздравляю вас, товарищ Бочаров, с высшей наградой! - Михаил Иванович потрогал белый клинышек бородки, кашлянул и, ближе всмотревшись в Сергея и все удивительнее узнавая в нем себя в те давние годы, когда так же падала русая прядка на лоб, сказал изменившимся от волнения голосом: Спасибо вам от имени Родины-матери! Вы достойный ее сын, Бочаров! Верный сын. У таких сыновей мать не будет в обиде. Правду я говорю или нет?

Сергей знал, какими словами нужно ответить, но, вместо того чтобы сказать, как его учили, воскликнул то, что сейчас пришло ему в голову:

- Товарищ Калинин! Да кто же свою мать не защитит от обиды! А спасибо-то вам, Михаил Иванович! Без вас, может, я и был бы, да не тот... Я, Михаил Иванович... мечтал про геройские подвиги. Я, когда в школе учился, сколько книг про героев прочитал!

Михаил Иванович кивнул и засмеялся беззвучным, стариковским смехом, мелкие добрые морщинки побежали по его лицу - от очков к носу и вискам.

- Когда я был молод, тоже мечтал: может быть, буду депутатом рабочего парламента, хотя знал, что сначала придется в тюрьмах сидеть. Неплохо, что мы с вами мечтали, товарищ Сергей Бочаров! Потому, верно, и воюем неплохо. Больше скажу: отлично защищаете Родину, товарищ Бочаров.

Щеки Сергея вспыхнули, как у девушки, он вытянулся и крикнул во всю молодую грудь:

- Служу Советскому Союзу!

И никогда эти привычные слова не были освещены для него таким глубоким и радостным смыслом.

Генерал и академик, не в первый раз получавшие ордена в тишине кремлевского зала, с удивлением выслушали необычный разговор.

И они вспомнили юность.

Глава 26

Палашовский переулок, дом номер...

Конечно, Сергей мог не застать Машу дома - читальня, институт, столовая или Пушкинский бульвар, где на каждой скамейке девушки с книгами, мало ли куда в апрельский вечер могла уйти Маша! Москва

велика. Поди ищи!

Он без передышки взбежал, почти взлетел на третий этаж.

- Сережа! Откуда ты взялся, Сергей! Не верю, не ты! Нет, ты! Какая радость, что ты приехал, Сережа!

Когда бы ни встречал Сергей Машу - в вишневом саду Пелагеи Федотовны, на полустанке накануне первого боя или сейчас, - всегда чувство полной отрешенности от обыденного овладевало им целиком. Так необычайно было это чувство, что он задохнулся и не мог вымолвить слова.

А она теребила Сергея, как младшего братишку, который стал неожиданно взрослым: любишь его, гордишься и не веришь - он ли?

- Сергей, ты вырос. Слушайте, какой у него бас! Какой бравый он молодец! Сережа, знаешь ли ты, как я рада тебе! Давай посидим на диване. Не снимай шинели. Здесь холоднее, чем на улице. Днем я открываю окна, чтобы погреться... Сергей, два года назад я была во Владимировке... Хорошее время!

- Самое хорошее в жизни! - вырвалось у Сергея. Он испугался невольно своего признания, но она не поняла.

- Что это, Сергей?

Он расстегнул шинель, доставая из кармана папиросы.

- Сережа! Золотая Звезда!

Сергей хотел ответить с небрежным видом: "Что ж ты удивляешься? Разве один я?" - но только кивнул, стараясь не слишком блаженно улыбаться.

Маша изумленно рассматривала его грудь в орденах и медалях.

- Четыре ордена и Золотая Звезда!

- Ну уж, четыре! Откуда четыре? Эти две - медали.

Она смотрела на него непонятым взглядом и вдруг сильным движением взяла ладонями его виски и поцеловала в лоб. В следующее же мгновение она в испуге отдернула руки, краска кинулась ей в лицо.

- Ах я дурак! Дубина еловая! Три наряда мне мало! - заорал Сергей, не веря счастью.

- Ругается. Станный человек! - смутилась Маша сильнее.

- Забыл про театр. Билеты на "Пиковую даму" в филиал Большого театра. Ах я простофиля!

- Действительно, простофиля, - согласилась Маша. - Ничего не скажешь. Меньше получаса до начала.

У нее все еще горели щеки. Кажется, она рада была на минутку убежать от Сергея.

Она вбежала в свою комнатку и распахнула шкаф. Увы! Гардероб ее был беден. Нужно прямо признаться, почти пуст - в шкафу висело одно-единственное, то самое потертое коричневое платье, в котором два года подряд Маша ходила на лекции.

Зато, слава богу, выходные светлые туфли лежали новехонькие в ящике шкафа, завернутые в чистую тряпочку.

"Какая, однако, удача: "Пиковая дама"! - рассуждала Маша, торопясь переодеться. - Если бы только быть немного наряднее!"

Она приметала наспех к воротнику кусочек кружева и вышла к Сергею.

Он увидел выражение радости и неуверенности в ее лице и угадал, что нужно сказать:

- Маша, тебе замечательно идет это платье! Чудеса, как ты изменилась!

- Да? - радостно вспыхнула Маша.

Они вошли в зал, когда гасили огни. Театр еще полон был приглушенным гулом голосов, тяжелые складки занавеса еще скрывали от глаз таинственную жизнь сцены, но предчувствие никогда не изведанного восторга уже опьянило Сергея.

- Первый раз в жизни в третьем ряду партера, - шепнула Маша.

- Чудеса! - ответил Сергей.

Началась увертюра. Где-то возникли звуки. Сергей не понял, откуда они. Они лились отовсюду, поднимались, окружали его.

Сергей не различал инструменты. Кларнеты, тромбоны и скрипки сливались в невыразимо прекрасном согласии. Что-то дивное творилось в его душе. Нежность. Свет.

"Еще! - молил он. - Повторись. Не кончайся".

Вдруг пронесся мучительный вихрь насмерть встревоженных скрипок. Зловещее дуновение холода. Свет погас. Ужас, гибель грозили кому-то.

Сергей, потрясенный, вцепился в ручки кресла. Он почувствовал Машины пальчики доверчиво прикоснулись к нему.

"Ты здесь, Маша", - подумал он.

Медленно раздвинулся в стороны занавес.

В антрактах они были задумчивы и почти не говорили.

После спектакля Сергей робко предложил:

- Маша, зайдем ко мне. Посмотришь, как я живу.

Конечно, они не могли так, сразу расстаться. Кроме того, Маше не хотелось возвращаться домой. Плохо дома. И какая, в сущности, получилась неудачная жизнь! Да, можно подвести итог: жизнь не удалась.

"Я бы хотела увидиться с тобой еще один раз, Митя, чтобы сказать, что

давно тебя перестала любить".

Они шли в густом мраке неосвещенных улиц. Сергей держал Машу под руку, чтобы она в темноте не оступилась.

"Маша, скажи: быть мне счастливым или несчастным навсегда?" Тысячи раз повторял Сергей эти слова, но сейчас, когда Маша шла рядом и он ощущал легкую тяжесть ее руки и чувствовал шаги в такт со своими, язык отказывался ему служить. Маша молчала. Молчание ее было печально и непонятно: оно не сближало, а отдаляло их друг от друга. И, чтобы нарушить этот разлад и вернуть беспечную радость, какая была до театра, Сергей ни с того ни с сего принялся расхваливать гостиницу, куда они идут, начал бессовестно хвастать, как ему хорошо живется.

Маша чуть слышно вздохнула и осторожно высвободила руку. А Сергей понял, что после этой болтовни ему не произнести те слова, и ужаснулся.

Служащий в гостинице сказал, что Бочарова несколько раз вызывали к телефону.

- Пойдем, Маша, пойдем, - торопил Сергей, даже не расслышав, что ему сказали.

Они вошли в номер. Сергей принялся хлопотать. Он усадил Машу в кресло. Как он старался, чтоб ей было лучше! Подложил ей под локоть диванную подушку, подумал и другую подушку сунул под ноги.

Маша рассмеялась:

- Верно, у тебя хорошо. По крайней мере, тепло.

- Маша! Забудь, что я говорил. Я хотел сказать совсем другое.

- Что же ты хотел сказать, Сережа?

- Я хотел... Маша: кончится война, я тебя догоню. Стану учиться...

- Какие пустяки! - ответила Маша. - Неужели ты думаешь, что тебе надо в чем-нибудь меня догонять? Сережа, расскажи, как ты стал Героем. Сережа, как ты стал Героем?.. - повторила она странно настойчиво и требовательно. - Мне важно, необходимо узнать.

Сергей отчетливо, до мельчайших подробностей помнил ту ночь. Лунную поляну, себя у пулемета, тоску ожидания...

Он все рассказал Маше.

- А Степан?

- Степан помер. Три месяца пролежал в госпитале... и помер.

Зазвонил телефон.

Сергей с досадой взял трубку и выпрямился. Он стоял в привычной позе бойца, выслушивающего приказ.

Маша поднялась с кресла.

Сергей положил трубку.

- Я не могу тебе открыть, с каким заданием меня посылают. Ты должна понять, Маша...

- Сережа, как скоро кончился сегодняшней праздник! - грустно ответила она.

Сергей закусил губу, внезапно бледнея, и вдруг с выражением отчаяния в лице сказал:

- Маша, не сердись на меня... Я люблю тебя...

Маша молчала.

Ему стало жаль себя, стыдно. И губительный вихрь скрипок из "Пиковой дамы" пронесся в его памяти.

Он дернул гимнастерку, небрежно повел плечами:

- Трусом не был да и не стану вовек. А фашистских гадов я ненавижу! Я их за людей не считаю!

В дверь постучали.

Девушка в белом фартуке просунула хорошенькое личико в щелку:

- Товарищ Бочаров! Вас ждет машина.

Он схватил шинель и готов был, не оглянувшись, бежать.

- Сережа!

Маша приблизилась твердыми, быстрыми шагами. Сергей увидел в ее глазах странный, тревожный блеск.

- Ты... ты... - пролепетал он смущенно. - Зачем ты так, Маша? Не надо. Я сказал, а ты забудь, о чем я сказал.

- Милый, хороший Сергей! - удерживая слезы, проговорила Маша.

Он, не смея верить и боясь обмануться, ждал.

- Сергей! Детство, лето, деревня - все самое хорошее, все дорогое связано с тобой, - говорила Маша, несмело трогая отворот его грубой шинели. - Помнишь, сидели с тобой на крылечке школы, а тетя Поля рассказывала о своей молодости, о семнадцатом годе? Помнишь читали "Чапаева", "Как закалялась сталь" и Тургенева? Сергей, когда тебе будет трудно в бою... - у нее задрожало лицо, - знай, я думаю о тебе всегда... каждый час, каждую секунду.

- Если я вернусь... Маша?

Она замахала рукой, словно отгоняя от себя мысль о том, что он может не вернуться:

- Не говори! Ты вернешься. Я знаю.

- Вернусь... Тогда что? - вскидывая вещевой мешок на плечо и не глядя на нее, сказал он.

Она не ответила.

- Ну? - невесело усмехнулся Сергей и вдруг словно чего-то испугался.
- Ладно. Не говори. Не надо. Прощай! В бою не дрогну. Не сомневайся. Прощай!

- Я не сомневаюсь. Ты смелый, - робко ответила Маша. - Сергей! Я не хочу ничего скрывать от тебя. Я любила Митю Агапова. Теперь не люблю. Там кончено все.

Сергей шагнул к ней, нетерпеливо сжал руку Маши:

- Будешь ждать? Обещай. Никакая пуля не тронет, ничего меня не страшит, если б только... Мне без тебя, Маша, счастья нет. А несчастливый, сама знаешь... каково ему в бою.

- Будь удачлив, Сергей! Я буду ждать. Сергей, возвращайся!

Он бережно поцеловал ее светлые волосы.

Глава 27

Вскоре после встречи с Сергеем Маша закончила дела в институте, получила диплом и, забрав из больницы Ирину Федотовну, поехала проводить ее во Владимировку.

Полустанок постарел за два года, словно врос в землю. Сосны вытянулись, раскинулись шире и толпились веселым лесочком, обступив платформу.

Где-то отчетливо куковала кукушка.

Маша пошла поискать, нет ли попутчиков до Владимировки.

Женщина в мужских сапогах, ситцевой кофточке и вылинявшем платке затягивала хомут на кобыле и переругивалась со стрелочником. Только затянула хомут - ремешок лопнул.

Женщина еще звончей и голосистой принялась ругать стрелочника, который на чужое дело таращит глаза, чем бы своим заняться, и кобылу, которой только бы сено жрать, и председателя колхоза помянула недобрым словом - без всякого видимого повода, к слову пришлось. Маша, слушая ее, выяснила, что женщина привозила на станцию колхозное молоко, а теперь торопится домой.

- Не по дороге ли вам к Владимировке? - спросила Маша.

Колхозница обернулась, с насмешливым любопытством рассматривая Машу:

- С грузом аль пустые?

- У нас один небольшой чемоданчик.

Женщина молча поправила упряжь, шлепнула широкой ладонью по гладкому крупу лошади и, вскочив на колесо, забралась в телегу.

- Так вам не по дороге? - повторила Маша, испугавшись, что она уедет, а других подвод у станции нет.

- Пустые и пешком дойдете, - равнодушно ответила женщина, натягивая вожжи и чмокнув губами.

Кобыла дернулась, махнула хвостом, но не двинулась с места.

- Ах ты распроклятая! - закричала баба. - Вам к кому во Владимировке? - небрежно спросила она, делая вид, что понукает лошадь, а сама придерживая ее вожжами.

- К учительнице, Пелагее Федотовне.

Баба живо оглянулась:

- Что ж ты молчишь? Эка-сь? Прямо бы так и сказала: к учительнице, мол, едем, к Пелагее Федотовне. Если к другой какой учительнице - не причина, а Пелагеи Федотовны сродственников почему не подвезти! Залазь!

Маша сбегала за матерью. Они сели между пустыми бидонами. Колхозница, поглядев на Ирину Федотовну, кинула ей ватную кацавейку:

- Подстели, а то тряско. Ишь, желтая! Лихорадка, что ли, треплет тебя?

- Вы из Владимировки? - спросила Маша.

- Нет. Нам в сторону еще пять километров. Мы берендеевские... А что, правду люди говорят или врут - у Пелагеи Федотовны муж без вести пропал?

- Писем, правда, давно не было. Но нет, мы не верим, что пропал. Думаем, еще найдется.

- Все может быть. Почему не найтись? У соседки моей Татьяны цельный год про мужа слуху не было, а намеднись вернулся. Раненый, а жив.

Женщина оказалась словоохотливой, окающий ее говорок журчал не смолкая.

- Эх, и жив, а не на радость вернулся. Слепой. Татьяна над ним, как над покойником, выла. "И зачем ты ко мне такой воротился, сердце мое на части разрывать?" В тот раз Пелагея Федотовна к нам в Берендеево и приезжала. Мы Пелагею Федотовну издавна знаем. В прежние времена берендеевские ребята в школу во Владимировку ходили. Я и сама у Пелагеи Федотовны училась. Грамоту помню, а еще чему учили, теперь позабыла. Вот ты мне растолкуй. У нас в Берендееве школа десятый год стоит, свою учительницу прислали, а того уважения к нашей учительнице нет. А отчего? А на нашу-то погляжу - сурьезности в ней не видать. Молодость не в укор, да только если ты учительницей поставлена, должна в тебе рассудительность быть, чтобы при случае объяснить, что и как. Пелагею Федотовну старики слушают, как же ребятам ее не слушать? Помню, я девчонкой на бороньбу с тяткой в поле вышла. Видим, идет

дорогой барышня, с палочкой, в белой панаме, кошелка на спине. Тятка и говорит: "Вон владимировская учительница пошла". - Тятенька, куда она с палочкой, как странница, пошла?" Тятенька мне отвечает: "В город пошла, за книгами. В кошелке она книги носит. Одни прочтет, за другими отправится". Мне чудно! Город от нас двадцать пять верст. Двадцать пять верст не за обновкой какой - за книгами человек топает. В нашей учительше такой учености нет. Наша-то чуть из школы - к девчатам на посиделки. Девчата промежду собой ее не по бабушке, а так просто, Матильдой зовут. Матильда да Матильда! И-эх!

Женщина оглянулась удостовериться, слушают ли ее рассказы попутчицы, и продолжала доверительным тоном:

- Пелагея Федотовна в тот раз, как с Татьяниным мужем случилось, пришла к нам и о чем, думаешь, разговор завела? Чудно!! О любви. Собрались бабы, неприбранные, прямо с поля нас созвали. А она возьми да и поведи беседу про девичью нашу любовь. Бабы замялись, в диковинку нам такая агитация, а после-то разошлись, и не уймешь никак. Только гляжу, Татьяна из лица побелела, руками как вскинет - и вон из избы. Сказывают, ровно безумная, домой прибежала, мужу в ноги: "Жалеть тебя буду, беречь. Только живи!.." Вот как бывает.

Женщина замолчала, задумалась.

Кобыла бежала трусцой. В небе звенели жаворонки. Маша видела: из синевы стремглав ринется темный комочек и где-то в зеленях ржаного поля припадет трепещущим от счастья тельцем к земле.

Родная земля! Твои изрытые колеями дороги, поля, где, словно смазанные маслом, лоснятся под солнцем молодые листья картофеля, жадно наливаются соком озимые; твои петлистые речонки в кудрявом ивняке, твои некрутые овраги с золотыми от лютиков склонами, гремящие голосами птиц перелески, цветные луга, и утренние росы, и туманы, и плакучая береза среди поля; твой сладкий запах, твоя весна, твой ветер, целующий горячие щеки!

Во Владимировну приехали за полдень. Пелагеи Федотовны не было дома.

Маша оставила мать посидеть на крылечке, а сама выбежала в сад.

Сад отцвстал. Вишни бесшумно роняли белые лепестки. Припекало солнце - помутневший на западе край неба грозил дождем. У покосившегося плетня на солнцепеке лениво грелись сонные куры. В отцветающем вишеннике гудели пчелы.

Маша обошла сад, все его уголки. К ногам выкатился ежик, повел острой мордочкой и пугливо свернулся в колючий клубок.

С беспокойным щебетом заметалась над головой птичка в серых перышках, с красной, словно кровью окропленной, грудкой. Маша поняла, что близко гнездо, и ушла.

Вернулась Пелагея Федотовна. Она была, как раньше, добра, ласкова, только складки грустно легли возле рта да глубоко в глазах притаилась забота.

На столе урчал самовар. Пелагея Федотовна вынула сваренные в полотенце яйца, внесла из погреба крынку с густым молоком, положила на тарелку ржаных сдобных лепешек.

- Тихо у тебя, привольно! - сказала Ирина Федотовна.

- Вот и живи со мной, - ласково ответила тетя Поля.

Не кончили пить чай - пришла Авдотья Бочарова.

С темным от солнца, каким-то грозно тихим лицом, в низко опущенном на брови платке, под которым, как глубокие омуты, зияли чернотой глаза, она напрямик прошла к Маше, не сгибая, подала дощечкой жесткую ладонь.

- Серёнька писал, виделись вы...

- Я расскажу. Всё! - пугаясь ее суровости, поспешно ответила Маша.

- Без утайки! - коротко промолвила Авдотья, садясь поодаль стола, на скамью.

- Чайку, Авдотьюшка, хочешь? - предложила тетя Поля.

- Не до чаёв, Пелагея Федотовна, - отказалась Авдотья. Вытянула на коленях большие, натруженные руки.

Сколько раз в воображении Маши возникала полянка между двумя осиновыми рощами! Вот в красной листве метнулась рыжим пламенем белка. Осинки забормотали, роняя листья. Сергей прижался к земле. Атака отбита. Вторая, третья. Осинки, вздрагивая, сыпали, сыпали листья на чьи-то незакрытые глаза.

Авдотья выслушала, не отводя от Маши черные омуты глаз. Ничего не сказала. Прощаясь, подала дощечкой ладонь.

Заря угасла - время спать.

Маша легла в сарае, на третьегодняшнем, еще Иваном Никодимовичем запасенном сене.

Звуки и шорохи полнили ночь. Квакали лягушки, близко засвистел соловей. Лунный луч скользнул в щель, добежал до стены и сломался.

...На восходе солнца Машу разбудил крик петуха. Она оделась и, поживаясь от утренней свежести, вышла на улицу. Вдали за околицей дымилось невысокое облачко пыли - прогнали стадо; в траве и на листьях, словно омытых за ночь дождем, блестели крупные капли росы. У

правления колхоза, под рябинами, стоявшими рядом вдоль окон, толпилась кучка девчат. Маша узнала милovidную Настю Бочарову. Она вытянулась, как сосенки у станции, и все знакомые девочки подросли - это были ученицы Пелагеи Федотовны.

- Здравствуй, Маша! - окинув ее любопытным взглядом и чуть конфузясь, сказала Настя. - Вот комсомолок собрала. Самостоятельности добиваемся! краснея и оттого становясь еще привлекательней, громко говорила она, поглядывая на раскрытые окна правления. - Председатель колхоза у нас несговорчивый. Беда нам с председателем!

- Чего вы добиваетесь? - спросила Маша с невольной улыбкой - так мила была сестренка Сергея.

- Добиваемся, чтобы нас всем молодежным звеном на самостоятельную работу послали. А председатель колхоза оспаривает. "Разобью, говорит, вас по разным звеньям. Для укрепления, говорит, рассую вас туда да сюда". Знаем мы эти хитрости! Не доверяет, так и запишем...

- Мы еще в школе сдружились. И в комсомол вместе в школе вступали, подхватила Настина подружка, которая слушала Настю, подперев щеку рукой и в такт ее словам согласно кивая.

- Не на пользу они нас разбивают!

На крыльцо правления вышла Авдотья Васильевна Бочарова, председатель колхоза. Черная коса кольцом лежала у нее на голове, смуглые щеки побледнели и, казалось, опали. Авдотье Васильевне плохо спалось в эту ночь - глаза окружали желтоватые тени.

Настёнка устремилась к матери:

- Что надумала, мама?

- Слушай меня, молодняк! - обратилась Бочарова к девчатам. Соглашаюсь ваше желание уважить. Молодежное звено нынче выйдет самостоятельно на окучку картофеля. На полную вашу ответственность возлагаю картофель. Глядите - строго спрошу!

Настя взвизгнула, закрыв рот ладонью, присела к земле, вскочила, затормошила подруг:

- Девчата! Живо собирайтесь! Проболтались без дела, провольнили время!

- Тебя, Настасья, звеньевой назначаю, - сказала Авдотья Васильевна и только теперь, отпустив девочек в поле, поздоровалась с Машей.

Вчера, выслушав Машин рассказ, она пи о чем не спросила, не промолвив слова, ушла и сейчас поклонилась без слов.

- Авдотья Васильевна, и меня в молодежное звено запишите, - сказала

Маша.

Бочарова поправила волосы над темным от загара лбом, вдоль которого легли три глубокие морщины, и, помедлив, ответила:

- Что ж... Ступай... Погоди-ка, Маша, постой! - вдруг остановила она и, быстро, с девичьей легкостью сбежав с крыльца, обняла Машу за плечи. За вчерашнее спасибо тебе! У меня после вчерашнего силы втрое прибавилось. Ужотко к Пелагее Федотовне забегу на часок, расскажи мне все снова. Ну, иди, девчат догоняй. Они у нас быстрые, ловкие!

С этого утра Маша целыми днями работала с молодежным звеном на окучке картофеля. Девочки были действительно ловкие. Как ни старалась Маша, угнаться за ними не могла. Над ней шутили, посмеивались, а Настёнка, перебежав на ее полосу, помогала и без умолку щебетала, как птица. Она была певуньей. Когда девушки, развязав узелки с едой, садились полдничать, Настёнка, управившись раньше всех с обедом, заводила песню. Подруги подхватывали - высокие голоса долго звенели над полем.

- Ой, девчата, что же мы делаем? - опомнится Настя. - Поднимайтесь, девчата! Давайте навестывать! Не то будет от мамки нам!

...В тот день с утра было душно, над горизонтом густела синева, погромыхивал гром - перед грозой парило.

Пелагея Федотовна, в белой косынке и подпоясанном шнурком ситцевом платье, работала с учениками, подбадривая шутками разомлевших от зноя ребят:

- До грозы надо кончить. Гроза торопится, а мы того пуще! Не сдавайтесь, пионеры!

Однако, видя, что ребята обливаются потом, Пелагея Федотовна воткнула в землю заступ и разогнула спину:

- Отдыхать!

Все повалились на траву.

- Эка благодать! - с глубоким вздохом промолвила Пелагея Федотовна. Хороша наша Владимировка! Лесу много у нас и земли много. Сколько бы ни жил, но нарадуешься!

- Пелагея Федотовна! - позвала Настя. - Смотрите, не к нам бегут? Прикрыв ладонью лицо и всматриваясь в сторону деревни, Настя повторила в тревоге: - Пелагея Федотовна, а ведь это нам знак подают! О, да что это? Никак, мама бежит? Уж не беда ли стряслась?

Она вскочила и, испуганно всхлипнув, бросилась матери навстречу. Но Авдотья Бочарова не остановилась с дочерью и все кричала и как-то странно, зовуще махала рукой. Все молча ждали.

Вдруг Пелагея Федотовна, словно что-то поняв, поднялась с побледневшим лицом, шагнула, но не могла идти и снова села у дороги.

Авдотья подбежала, с размаху кинулась на колени перед учительницей; она не в силах была вымолвить слова и только тяжело дышала. Неясно было, принесла она радостную или страшную весть.

- Дуня, не томи! - с мольбой проговорила тетя Поля.

Авдотья припала головой к ее плечу:

- Пелагея Федотовна, матушка, живой Иван Никодимыч вернулся! Пришел!

Пелагея Федотовна охнула.

- Дуня, - спросила она слабым, упавшим голосом, - трудно ранен? Правду говори.

- Ох, трудно, Пелагея Федотовна!

Авдотья заплакала.

Пелагея Федотовна встала, поправила косынку на голове.

- У тебя остановился? - тихо, через силу спросила она.

- Пелагея Федотовна, он мимо шел... Я его кликнула... Пелагея Федотовна... ох, не выговорю! Иван-то Никодимыч без рук воротился...

Пелагея Федотовна медленно поднесла ладони к лицу и закачалась из стороны в сторону. Когда она опустила руки, у нее были белые губы; с трудом шевеля ими, она сказала, обдумывая, видно, каждое слово и вкладывая особый, значительный смысл в свою речь:

- Ступай, Дунюшка, к Ивану Никодимычу, скажи ему: жена, мол, не знает, как за милость судьбу благодарить, что ты вернулся живой. Не забудь! Точно так и скажи. - Она вскинула вверх голову и глотнула воздух, подавив рыдания. - А я пойду переоденусь. Не годится мне мужа в таком затрапезном виде встречать.

И она пошла, не оглядываясь, придерживая платье, путавшееся в ногах, торопясь и все ускоряя шаги...

В избу Бочаровых набился народ. Старики, женщины, дети стояли в сенях и под окнами, а Иван Никодимович как опустился на скамью, так и сидел не двигаясь и без слов кланялся на робкие приветствия.

Голова его поседела, но широкая черная борода чуть серебрилась, и брови были по-прежнему черны и густы. Весь он был прежний - широкоплечий, сильный, красивый, - однако, встречаясь с ним взглядом, люди отводили глаза. Никто не узнавал Ивана Никодимовича, словно погасили в нем внутренний свет.

Движение прошло по толпе. Люди расступились, давая проход. В избу вошла Пелагея Федотовна. Она задержалась у порога.

- Голубчик ты мой! - сказала она низким голосом. - Воротился...

И такая спокойная, бесстрашная нежность прозвучала в ее голосе, такая устоявшаяся любовь, что все увидели, как высоко поднялась и опустилась у Ивана Никодимовича грудь.

- Обнять я тебя не могу, - ответил он глухо, пытливо и настороженно присматриваясь к ней и боясь заметить в лице тень смущения и той испуганной жалости, которую он, красивый, сильный мужчина, уже привык встречать в чужих людях и считал самым унижительным и страшным для себя несчастьем.

- А я сама тебя обниму, - просто ответила Пелагея Федотовна.

На глазах у всех она обняла его и поцеловала, по старинному обычаю, три раза.

Молоденькая санитарка-проводная, пропылившаяся насквозь так, что ресницы и брови казались напудренными, взялась за мешок. Она устала с дороги и мечтала поскорее добраться до места. Пелагея Федотовна перехватила из ее рук котомку и закинула за спину. На чесучовом весеннем костюме отпечатались пыльное пятно.

Толпа проводила до самого дома учительницу и ее безрукого мужа.

Иван Никодимович окинул взглядом стены, знакомые до каждого гвоздика, задержался на книжной полке, поздоровался с Ириной Федотовной и, увидев Машу, безразлично кивнул ей. Что-то оборвалось в сердце Маши.

Ни в ком - ни в отце, которого она помнила всегда за письменным столом, ни в Аркадии Фроловиче, ни в матери, ни даже в тете Поле - Маша не наблюдала такой цельности душевных и физических сил, такой широты интересов, а главное, разнообразных умений, как в дяде Иване.

Отец, увидев сломавшийся стул, смущенно покашливал, а мать говорила:

"Какой ты мужчина? Не умеешь вбить в стену гвоздь!"

Иван Никодимович все умел и все любил делать.

Он оборудовал колхозную пасеку; когда пчелы роились, с пасеки бежали за ним. И в хате-лаборатории половину приборов смастерил своими руками ветеринар Иван Никодимович. Отправляются ли в ночь мужики на рыбалку стучат под окном Ивана Никодимовича, а он уж штопает сети; но наутро ему ничего не стоит верхом без седла ускакать куда-нибудь за двадцать тридцать километров поднимать заболевшую корову или лошадь.

Какой неукротимой силой он был одарен от природы!..

Маша ответила на кивок дяди Ивана виноватым взглядом. Иван Никодимович отвернулся. Он нестерпимо хотел курить и страдал оттого,

что стеснялся при жене сказать об этом санитарке.

Прикусив запекшуюся губу, он молчал. Пелагея Федотовна легко двигалась по комнате. Скоро на столе появились самовар, вино и еда. Пелагея Федотовна принесла откуда-то пачку папирос и, не переставая рассказывать о деревенских и районных новостях, мешая важное с пустяковым, зажгла папиросу, села рядом с мужем, обняла его одной рукой за плечи, а другой поднесла к губам папиросу. Он жадно затянулся. На виске его надулась синяя жила. Он, захлебываясь, глотал дым, а она все говорила, но голос ее звучал слабее, и все догадались, что она очень устала.

- Замолчи, Поля! - вдруг прервал Иван Никодимович.

Она послушно умолкла.

- Ты не знаешь, какими мелочами исковеркана моя жизнь! - произнес он, не глядя на нее. - Не будем притворяться, что ничего не случилось.

Она сняла руку с его плеча и, опустив голову, покорно ответила:

- Хорошо. Не будем притворяться... Но вспомни, Иван, когда в жандармском отделении в четырнадцатом году завели на тебя дело и многие осторожные люди перестали с тобой раскланиваться, а мне в городской управе отказались дать школу, потому что я назвалась твоей невестой, ты пришел и сказал: "Не хочу портить вам жизнь, не хочу принимать ваши жертвы. Прощайте!" Как бы я стала жить, если бы ты действительно ушел тогда, Иван?

И вдруг, глядя на него в упор, Ирина Федотовна сказала:

- А Кирилл умер. Ваня, ты ведь не знаешь, что умер Кирилл?

- Что такое? - бледнея, переспросил Иван Никодимович.

Он навалился грудью на стол и пошатнул его. И только сейчас, в первый раз после встречи с ним, Пелагея Федотовна заплакала, громко, навзрыд.

...Через месяц Маша получила извещение из Москвы: роно вызывало ее на работу.

Начались сборы. Ирина Федотовна потихоньку вздыхала, боясь отпустить Машу одну. Никто не сказал об этом ни слова, но без слов было решено, что Ирина Федотовна останется во Владимирове. Для всех было неожиданностью, что именно с ней Иван Никодимович чувствовал себя просто и легко. Она подавала ему папиросу за папиросой и говорила о Кирилле Петровиче. Иван Никодимович понимал, что она говорит потому, что не может не говорить.

Так они сидели часами вдвоем и толковали. Что-то оттаивало, отходило в Иване Никодимовиче.

Но иногда гримаса страдания исказит его мужественное, красивое

лицо. Тогда он отказывается есть, уходит из дому и в угрюмом одиночестве шагает по дорожкам сада или задворкам, чтобы не встретить людей, проберется в лес. В такие часы его никто не зовет и не ищет, почему-то тихо говорят о посторонних, незначительных вещах, а Пелагея Федотовна посидит у окна, хрустнет пальцами и, словно догадавшись о чем-то, уйдет в деревню.

Когда спустя много времени Иван Никодимович, с осунувшимся от усталости и голода лицом, вернется домой, на крыльце его ждут: из правления колхоза, с молочной фермы - кому-нибудь неотложно нужен совет.

Исподволь, с упорством и терпением любви Пелагея Федотовна вводила своего павшего духом мужа в круг интересов деревенской жизни.

Наступил день отъезда Маши.

- Ты не сердись, что я отбил ее у тебя... - сказал Иван Никодимович, кивнув в сторону Ирины Федотовны. - Поля не справится одна.

- Дядя Иван, - спросила Маша, впервые почувствовав себя в силах быть откровенной, - что вы будете делать?

Ирина Федотовна за спиной Ивана Никодимовича, сделав страшные глаза, грозила Маше.

- Мы еще не надумали с ней, - ответил Иван Никодимович, указав на Пелагею Федотовну.

Тетя Поля вспыхнула девичьим румянцем, сжала ладонями его седые виски и поцеловала в голову.

- Дай срок. Надумаем.

Она суетилась, собирая Машу в дорогу, объясняла, что положила в корзинку, какие вещи отправила на станцию с попутной подводой, велела писать и, наконец, спросила Ивана Никодимовича:

- А что, Ваня, не подарить ли Маше ту тетрадку? Помнишь, я завела ее, когда нам с тобой пришлось встретиться. Там наша юность записана.

Ирина Федотовна, которая без страха не могла вспомнить голодные и угрюмые месяцы, прожитые после эвакуации в Москве, заплакала.

- Маша, как ты там будешь? Пиши нам. Боюсь, не сумеешь ты справиться с жизнью одна.

- Сумею, мама! - весело ответила Маша.

Тетя Поля проводила ее до околицы:

- Ну вот, догнала меня, Маша. Теперь мы с тобой товарищи по работе.

Она долго стояла у плетня и смотрела на дорогу, прикрыв глаза ладонью.

Маша сняла туфли и пошла босиком. В сумочке ее лежала тетрадка с

рассказом о юности тети Поли.

Впереди ждала новая жизнь.

Глава 28

На полустанок Маша пришла с запасом: до поезда оставалось два часа. Она постояла на скучной, пыльной платформе, посмотрела, как убегают вдаль, блестя на солнце, рельсы, напилась из колодца холодной до ломоты в зубах воды и ушла в сосенки, которые стайками толпились позади станции. После раскаленной дороги среди открытых полей, на которых белая корка земли потрескалась от зноя, роща дохнула в лицо густым ароматом смолы и живительной свежестью. Маша как вступила в сосенки, так и упала на траву, прильнув к ней горячей щекой.

У самого глаза суетливо пробежал муравей, смятая травинка разогнулась и встала, прыгнул кузнечик.

Отдохнув, Маша взяла из сумки тетрадь тети Поли и прочитала.

ДНЕВНИК

1912 год, 16 апреля

Сегодня случилось такое необыкновенное событие, что я решила завести дневник. Многие наши девочки ведут дневники и записывают разные глупости, вроде: "Ах, какой душка наш учитель истории Константин Петрович! Буду его обожать и учить ему уроки на пятерки". Могу даже точно сказать, кто написал такую глупость: Муся Георгиевская. Или вот еще: "Как я мечтаю о столичной жизни, шуме, блеске и нежных звуках вальса!"

Муся Георгиевская читала девочкам свой дневник; мне почему-то было стыдно слушать. А Константин Петрович вовсе не душка, он умный и всесторонне образованный. Мусе Георгиевской он поставил единицу.

Вот что сегодня случилось.

Мы возвращались с Иришей после уроков домой и только что миновали мужскую гимназию, как увидели - бежит гимназист. Он летел так быстро, словно спасался от погони. Действительно, за ним гнался швейцар Семен, крича на всю улицу: "Господин гимназист, задержитесь!" Ириша стала подавать гимназисту сигналы, чтобы скрывался в проходной двор, но он не заметил и летел прямо на нас. Он так запыхался и был такой бледный, что жалко было на него смотреть. Он сказал: "Вы Тихомирова Поля, я знаю о вас от библиотекариши. Спрячьте, пожалуйста, не говорите никому, а если что случится - тогда сберегите".

И он передал какие-то книги, завернутые в газету. Я поскорее спрятала их в сумку. В это время подбежал Семен и очень грубо закричал: "Вас зовут, а вы никакого внимания! Инспектор приказал вернуться, пожалуйста"

назад в гимназию!"

Гимназист пошел назад с гордым видом, а ведь на самом деле ему было страшно - я поняла это по его бледному лицу.

Ириша просила посмотреть, какие книги он передал, но я не согласилась смотреть чужой секрет. Я очень беспокоюсь за этого гимназиста: зачем его звал инспектор, и не могу заснуть. Поэтому я завела дневник, но никому не покажу.

18 апреля

Ничего не понимаю - гимназист пропал. Мы с Иришей нарочно тихо возвращаемся домой, но он не догоняет и не подает никаких признаков жизни. Как жаль, что у нас нет знакомых в мужской гимназии и некого расспросить! Я зашла в библиотеку, но библиотекарьша, которая говорила ему обо мне, посмотрела на меня и не задала никаких вопросов, а я не знала, как завести разговор.

Да, вот что еще случилось. На уроке истории Константин Петрович рассказывал, что в царствование Николая I были сосланы или погублены многие писатели, например Пушкин, Лермонтов, Рылеев, Шевченко, но вошла классная дама, Зоя Викторовна, и Константин Петрович сразу переменял тему.

После урока Муся Георгиевская шепталась с Зоей Викторовной - должно быть, передавала рассказ Константина Петровича; глаза Зои Викторовны выражали ужас.

Буду изучать всех наших великих русских писателей, а с Мусей Георгиевской у меня не может быть ничего общего.

Скорей бы разъяснилась тайна.

24 апреля

Товарищ, верь! взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

А. С. Пушкин

Я переродилась, у меня есть цель жизни! Незаметно для всех сказала об этом сегодня Константину Петровичу. Он покраснел, оглянулся по сторонам и, ничего не ответив, ушел. Обидно! Где великие люди, которые ничего не страшатся и смело идут на борьбу с жестоким царизмом?

26 апреля

Страшная новость! Зоя Викторовна явилась утром, поправила на груди золотую цепочку от часов и сообщила: "За непослушание начальству и

вольнодумие из шестого класса мужской гимназии исключен гимназист Иван Пастухов".

Она долго разъясняла, что надо остерегаться дурных знакомств и не читать запрещенные книги, и так далее. Я не слушала. Тайна открылась: Иван Пастухов - это тот гимназист.

28 мая

Я не очень давно начала свой дневник, а как изменилась с тех пор моя жизнь! На вид все по-прежнему: экзамены, весна, распустилась сирень в нашем саду, весь город цветет - все прежнее, и все не то.

Мне исполнилось шестнадцать лет, я стала взрослой.

Недавно к нам пришли два гимназиста. Они вызвали меня в прихожую, поздоровались.

От них я узнала, что Ваня Пастухов арестован.

3 августа

Сегодня в саду я увидела на березе два желтых листа: еще стоит жаркое лето, а уже грозит осень. Аркадий Горячев и Кирилл Строгов (Ванины товарищи) приходят почти каждый день. Они тоже в городе проводят каникулы. Как много мы перечитали в это лето, как много я узнала! Мы прочитали подряд всего Некрасова, Щедрина, Успенского и "Что делать?" Чернышевского. Кирилл и Аркадий считают Рахметова своим идеалом. Действительно, какая идейность и железная воля! Ириша тоже иногда слушает, но мало понимает: ей больше нравится играть с подругами в лапту. Когда она убегает и мы остаемся одни, мы изучаем Энгельса и Плеханова. Эти книги передал тогда Пастухов; Аркадий обещал, кроме того, достать очень важную для них брошюру Ульянова.

Кирилл и Аркадий связаны с рабочими, они бывают "там", но меня, я догадываюсь, не решаются пока ввести.

Удивительная между ними дружба, а вначале была страшная вражда, которая тянулась довольно долго. Вот как это было. Кирилл писал эпиграммы и однажды жестоко высмеял Аркадия. После этого они стали драться везде и всюду, жизнь стала невыносимой. Как это ни странно, конец вражде положил инспектор Златопольский, вернее - история, связанная с ним. Инспектора Златопольского знают в нашем городе все, даже маменька. Он молодой; Муся считает, что очень красивый. Какие у него усы! Я ненавижу его рыжие пышные, закрученные на концах усы! Инспектор Златопольский преследует гимназистов и делает обыски в партах. Он запрещает гимназистам собираться, читать.

Однажды к его приходу гимназисты положили на кафедру "Человека в футляре" Чехова. Инспектор приказал Семену сжечь Чехова в печке.

Просто дурак! Но скорее всего, он жандарм. Я его ненавижу!

Однажды Кирилл Строгов написал эпиграмму:

ВОСПИТАТЕЛЬ ЮНОШЕСТВА

Тебе бы с рыжими усами

Не здесь командовать над нами,

Тебе б на площади парад

И строй напуганных солдат!

Присутствует сам Николай.

Эй, выше ногу поднимай!

У, как бушевал инспектор! Он догадывался, что автор - Строгов, но вызвал Аркадия Горячева. Дверь учительской была заперта; инспектор крутил ус и ласково выпытывал у Аркадия, кто написал:

- Ты ведь знаешь, что Строгов написал. Он твой враг. Скажи, что он написал, и Строгова не будет в гимназии!

Потом он начал стучать кулаком по столу и кричал:

- Болван! Я тебя исключу из гимназии, если ты не откроешь, кто написал!

Аркадий учился тогда в пятом классе. Он чуть не заплакал от страха (я думаю - заплакал) и от досады, что приходится пропадать из-за Кирилла, с которым они дрались целый год.

Он ничего не сказал.

С этого случая началась их дружба на всю жизнь.

Аркадий придумал девиз: "Верность в счастье, верность в беде, верность в бою".

О Ване Пастухове никаких известий. Мы часто о нем вспоминаем и не забудем никогда этого человека, который посвятил свою жизнь борьбе за освобождение угнетенного рабочего класса.

1913 год, 27 января

Ничего не получилось из моего дневника, не хочется мне его вести нечего записывать.

Один день похож на другой - в гимназии скучно. В гимназии нехорошо!

Сегодня Зоя Викторовна, сделав умильные глазки, сказала Мусе Георгиевской:

- Я встретила вашу маман в театре. Вы из-за границы выписываете туалеты?

Муся скорчила гримасу (она учится перед зеркалом корчить гримасы и воображает, что красиво) и небрежно ответила:

- Из Парижа.

Скорее бы кончить гимназию!

Аркадий и Кирилл обещают взять меня на собрание рабочего кружка.
Я очень готовлюсь.

15 февраля

Ночь. Я дождалась, когда все заснут, чтоб записать, что случилось.

Я получила от Вани Пастухова письмо. Вот оно:

"Здравствуйте, Поля!

Я снова свободен, то есть имею право жить, где хочу, за исключением нескольких городов. Передайте друзьям:

Где б ни был я

В огне ли смертной битвы,

При мирных ли берегах родимого ручья,

Святому братству верен я!

Они поймут. Я напишу им, если вы ответите, что можно писать. Кроме того, передайте, что ту замечательную книгу, которая называется "Буря! Скоро грянет буря!", я продолжаю изучать и сейчас.

Я вас помню. Как сочувственно вы на меня взглянули, когда швейцар Семен гнался за мной! Я надеюсь, что вы остались той же серьезной девушкой, какую аттестовала вас библиотекарша, а не превратились в "барышню".

Жму руку и жду письма. Что у вас?

И в а н П а с т у х о в"

Письмо зашифровано. Мы отлично поняли, о каком братстве пишет Пастухов и какую он читает книгу.

Хорошо жить, радостно, и пусть скорее грянет буря!

25 февраля

Просидели всю ночь в нашей прихожей, из которой не виден на улицу свет. Милая мамаша, она верит, что мы готовились к письменной по алгебре, только удивляется, зачем выбрали такое место и как случилось, что я отстала и нуждаюсь в помощи. Ириша выручила: она сказала мамаше, что раз со мною случилась такая беда и пришлось обратиться к репетиторам, надо быть чуткими. И будто в прихожую мы спрятались от стыда - как бы кто не увидел в окно.

А мы читали "Что делать?" Ленина.

Завтра опять идем на сходку, ожидают товарища из Петербурга.

6 апреля

Никто не думал, что так повернется дело. У нас в гимназии был вечер. Я прочитала реферат на тему "Тургеневские девушки". Преподаватель словесности красноречиво доказывал, что идеал русской девушки - Лиза

Калитина. Он приводил убедительные доводы, но я не могла с ним согласиться и свой реферат построила так, чтобы доказать значение Елены из "Накануне". Героическая девушка отдает все свои силы революционной борьбе - что может быть прекрасней!

Во время моего доклада в зале была такая тишина, что мне становилось и жутко и весело.

В первом ряду сидели почетные гости. Неожиданно инспектор Златопольский вскочил. Честное слово, его закрученные усы сейчас встали дыбом, он заложил руку за борт мундира и, выбросив ногу вперед, прогремел:

- Прекратить недопустимую пропаганду!

Из глубины зала, где сидели приглашенные гимназисты, раздался возглас:

- Тургенев тоже стал запрещенным?

Инспектор Златопольский покинул зал. Начальница, встревоженная, последовала за ним. Классные дамы обмахивались кружевными платочками "ах! ох!" - и Зоя Викторовна стащила меня со сцены.

Вдруг, почти оттолкнув ее, на сцену вскочил Кирилл:

- Товарищи гимназисты и гимназистки! Мы должны смело сказать: не хотим учиться в гимназии, где нашу мысль душат, совесть усыпляют. Рабочие всей России готовятся к борьбе. Пойдем с ними, только там наша школа!

Все слушали, онемев от изумления. Никого из учителей не было в зале. Зоя Викторовна выбежала при первых же словах.

В середине речи Кирилла появился Константин Петрович. Он поманил меня пальцем и шепотом сказал:

- Уведите его, уходите скорей! Дело принимает плохой оборот, - и торопливо пошел к выходу, как будто ничего не видел и не слышал.

Мы условились с Кириллом и Аркадием не встречаться в эти дни. Надо спрятать все книги. Мы простились, но я догнала их и на всякий случай сказала: "Верность в беде, верность в бою".

10 апреля

Кирилл исключен из гимназии.

.....

.....

.....

1914 год, 25 мая

Выпускные экзамены...

Сколько горя принес этот год! Умер отец! У нас дома было два обыска.

После этого я потеряла все свои репетиторские уроки. Остался один, из-за которого я хожу на край города. Мамаша состарилась от слез и нужды. Мы с Иришей пытаемся скрасить ей жизнь, но что-то плохо удается.

Аркадий и Кирилл уехали в Петербург.

И мне бы...

Если удастся кончить гимназию с золотой медалью, тогда Петербург, Высшие женские курсы, рабочее движение...

Константин Петрович уверяет, что золотая медаль обеспечена. Он называет меня "своей гордостью". Но о моем будущем в Петербурге он никогда не говорит.

29 мая

Как все перевернулось! Без предупреждения приехал Ваня Пастухов.

Я сидела в саду и повторяла к экзаменам билеты. Книга выпала у меня из рук, когда он пришел.

Не помню, сколько часов мы просидели на скамейке. Вечером я пошла его проводить. Цвела сирень. Наш маленький город был весь душистый, лиловый. И казалось, в этих садах, утонувших в цветущем, живут прекрасные люди, о которых тосковал Чехов. Мы шли главной улицей, в конце ее стоял закат, как будто натянули во все небо алое знамя.

Ваня сказал:

Вся в зареве горна рука,
Верна, и тверда, и метка.

Вдруг из переулка показался инспектор Златопольский. Он теперь очень важное лицо в нашем городе, лучше бы не попадаться ему на глаза.

Боже мой! Как посмотрел на нас инспектор и весь залился краской, словно огнем!

Ваня ответил дерзким, спокойным взглядом.

После он мне сказал:

- Хорошо, что это мстительное животное вас не знает.

Я промолчала о тургеневском вечере.

30 мая

Вызвали к начальнице.

Она приняла меня стоя. Стыдно признаться: ее шелковое шуршащее платье, лорнет с перламутровой ручкой и презрительная надменность во взгляде - все повергает меня в страх.

- Тихомирова, вы прогуливались вчера по главной улице города с гимназистом, исключенным за дурное поведение и вредное направление мыслей. - Она подождала, не буду ли я возражать. - Вы позорите нашу гимназию и свое доброе имя.

При этих словах мною овладела какая-то небывалая, грозная смелость. И я сказала, глядя ей прямо в лицо:

- Мысли Ивана Никодимовича Пастухова достойны уважения. Я горжусь своей дружбой с ним.

Не помню, что кричала после она и все сбежавшиеся классные дамы.

Зоя Викторовна шипела, жаля крошечными глазами-пиявками:

- Вас пощадили в прошлом году... Выгнать бы в судомойки!

Пощадили?! Не нужна мне ваша пощада!

3 июня

На экзамене по истории присутствовали попечитель и инспектор Златопольский. Константин Петрович сидел за зеленым столом, бледный и злой.

Меня спросили самой последней. В зале не осталось никого из гимназисток, когда я вышла к экзаменационному столу. Я стояла одна перед ними - попечителем, начальницей и инспектором Златопольским.

Константин Петрович опустил голову и все время, пока я отвечала, не поднял глаз.

Почему мне не задали ни одного дополнительного вопроса? Все молчали. Инспектор Златопольский нагнулся к начальнице и что-то шептал.

Я видела - Константин Петрович крупным, решительным почерком поставил в журнале "пять".

6 июня

Они вывели мне за историю тройку. Прощай золотая медаль!

18 июня

Константин Петрович подал в отставку. На днях он уезжает из города. Мы с Ваней зашли его навестить. Он осунулся и похудел в эти дни, но стал как-то веселей и моложе.

- К черту это грязное болото! - сказал Константин Петрович. - Они хотят отнять у нас право даже на честность...

14 июля

Война! Что будет? Война!..

.....

1916 год, декабрь

Снова извлекла на свет тетрадку. Но что это за дневник! Какие-то обрывки, а не дневник. Напишу страничку, когда случится важное событие, и куда-нибудь запрячу тетрадь на год или два.

Сегодня не случилось никакого события, просто мне грустно, тоскливо.

Белый-белый снег, сугробы под окнами, тихое деревенское небо. Я полюбила Владимировку. Инспектор Златопольский сослал меня сюда вроде как в ссылку.

Ничего! Мне ведь не всегда бывает тоскливо - очень редко. Перебирала сегодня письма, их толстая пачка.

Что-то готовится там, на фронте. В последнем письме Ваня написал: "Кончится с немцами война - начнется, надо полагать, другая. А может быть, и раньше".

Сегодня в сумерки зайдут Бочаров и Ефимов. Надо, чтобы никто не заметил. Я дам им почитать те брошюры, которые мне переслали из города. Я давно присмотрелась к этим ребятам. Думаю, что пора.

Идут годы и жизнь - я работаю, жду. Все жду и готовлюсь. И только иногда, словно в кулак, стиснет сердце тоска.

Но довольно!

1917 год

Не знаю, кто донес о наших чтениях. Подозреваю, мучаюсь, а точно ничего не знаю. Скорее всего, наш батюшка, отец Леонид. Последние дни он ходил за мной по пятам.

Не думала, что расправляться со мной прискачет сам инспектор Златопольский.

Я занималась в классе, когда к крыльцу подлетели сани, жандарм отбросил полость.

Ух, как раздобрел, весь разбух, налился жиром сановитый чиновник! По усам только и можно узнать; правда, усы теперь опущены вниз, длинные, рыжие.

Был грязный, гнусный допрос. Не буду описывать. Поскорей бы забыть!

У меня хватило сил промолчать два часа. Но на один вопрос я ответила.

- С проходимцем Пастуховым, надеюсь, знакомство не поддерживаете?

- Иван Никодимович Пастухов - мой жених. Извольте о нем выражаться почтительно.

Милые мои друзья! Ваня, Аркадий, Кирилл, сестренка Ириша, вспомните скорей меня, сейчас, в эту минуту, подумайте обо мне!

Они сказали, что увезут меня в город. В тюрьму.

Я не боюсь.

.....

Дневник обрывался. Потеряны или вовсе не написаны дальше страницы?

Маша еще перелистала тетрадь. Юность отцов! Какое-то особое чувство нежности и гордости вызвал в ней этот рассказ. Как близки, понятны отец, тетя Поля, дядя Иван, Аркадий Фролович!

Она спрятала в сумку пожелтевшие листочки и поднялась с травы.

Скоро поезд.

Вдруг ей сильно захотелось в Москву. В эту трудную, взрослую жизнь, какая ждала ее там, Маше казалось - она войдет не одна, как будто друг шел с ней рядом.

Она простилась взглядом со своим недолгим тенистым приютом, подобрала на память две сосновые шишки и поторопилась на платформу.

Железнодорожный служащий в фуражке с красным околышем ударил в колокол. Поезд вышел с ближайшей станции.

Глава 29

Письмо, полученное Машей в первый же день ее возвращения домой, было самой удивительной новостью. Усков писал, что приехал в Москву, заходил три раза и что произошли важные события, о которых Маша даже не подозревает. Дальше следовала цитата из Блока:

Но узнаю тебя, начало

Высоких и мятежных дней...

И больше ничего. Привет с восклицательным знаком и подпись: "Юрий Усков".

Маша в недоумении перечитывала письмо, стараясь угадать смысл тех намеков, какие оно заключало, но ничего не поняла. Она кончила тем, что скомкала письмо и бросила на стол, но через минуту, разгладив бумажку, перечитала вновь.

Какие важные события произошли в жизни Мити Агапова? Маша не сомневалась, что Усков приходил рассказать о нем, и, судя по тону письма, рассказать что-то неожиданно счастливое. Ее необузданное воображение подсказывало самые невероятные догадки.

Чуть ли не представилось ей, что Юрий явился в Москву посланцем от Мити.

"Ах, что мне в том? Теперь это не может иметь никакого значения".

Но она понимала, что обманывает себя.

Усков не появлялся. Боясь разминуться с ним, Маша откладывала со дня на день посещение роно и, вместо того чтобы заняться подготовкой к урокам, читала, лежа на диване. Она ломала голову над тем, как разыскать Ускова, не догадываясь позвонить Валентину Антоновичу, а между тем естественно было предположить, что Юрий навестит профессора.

Явился он к Маше, когда она перестала ждать и, призвав на помощь

все свое благоразумие, решила, что с прошлым покончено раз и навсегда. В тот же день, приведя в порядок туалет, она собралась в роно и надевала перед зеркалом шляпу, когда раздался звонок.

Усков ворвался в прихожую подобно буре. Он так энергично потряс Маше руку, что у нее хрустнуло запястье. Он ничего еще не сказал, кроме нескольких бессвязных вопросов, которые выпалил залпом:

- Как живешь? Как ты доехала тогда? Где работаешь?

А Маша уже поняла, что приезд его в Москву не имеет никакого отношения к Мите Агапову.

подавив разочарование, она пригласила Юрия в комнату и с такой грустной улыбкой присела на диван, что только Усков мог не заметить. Но Усков был слишком возбужден и занят собой, чтобы заметить что-нибудь.

- Прочитала письмо? Поняла?

- Нет, конечно, ничего не поняла.

- Неужели? Однако что ты подумала?

Что подумала? Разве могла Маша признаться?

- Ясно одно: с тобой случилось что-то очень приятное.

По лицу Ускова нетрудно было угадать, что он вступил в полосу удач.

- Представь... Конечно, тебе не могло прийти это в голову. Представь, я аспирант.

Маша ахнула:

- Юрий! Ну какой же ты молодец! Как я рада за тебя! Нет, право же, ты молодчина!

Юрий повертел в руке кепку, подбросил, поймал и, справившись таким образом с волнением, продолжал:

- Экзамены кончены. Мучения позади. Я аспирант Госпединститута, и Валентин Антонович - мой научный руководитель. Он необыкновенный, изумительный человек! Скоро ты прочтешь его работу о "Слове". Вот, Маша, умница! Такого еще не встречал. Ну и работал же я после твоего отъезда! И не писал потому. Вот, думаю, будет сюрприз! Но сколько я вытерпел с переводом в Москву! Готов на любые жертвы, лишь бы учиться здесь. Стоит только зайти в Ленинскую читальню... Нет, что ни говори, здесь совсем другой уровень, сам воздух пропитан академичностью. "Москва, Москва! Люблю тебя, как сын, как русский, сильно, пламенно и нежно!"

Произнеся эту длинную восторженную тираду, Усков сел верхом на стул, опершись на спинку подбородком, устремил на Машу испытующий взгляд и только теперь увидел, как она изменилась.

- Ты похудела. Ты не очень весела, Маша. Да, где Кирилл Петрович?

- Папа умер.

- Маша! Маша!

Она быстро поднялась.

- Если у тебя есть время, пройдемся вместе в роно. Сегодня я должна получить направление в школу...

- Ну, расскажи, какие у вас там новости? - спросила она, когда они вышли на улицу.

Юрий обстоятельно изложил институтские события: кто как кончил, куда получил назначение, кто из эвакуированных вернулся домой, передал привет от Дильды и Дорофеевой, и только о Мите Агапове не обмолвился ни словом этот неисправимый чудак.

А Маша скорее откусила бы язык, чем задала хоть один вопрос. Юрий видел ее спокойное лицо. Если б он знал, чего стоило ей спокойствие! Но он ничего не знал и подумал: "Должно быть, Ася права, что там полный разрыв. Хороший я был бы осел, если б завел речь об этом!" Так они подошли к роно. Маша вдруг перетрусилась:

- Юрий, честное слово, я так волнуюсь, что впору бежать.

Вот в это время Юрий и принял решение, которое имело серьезные последствия в его личной жизни:

- Идем, Маша! Я тоже поступлю в школу.

Еще утром этого дня он не подозревал, как необходимо совмещать теорию с практикой; теперь же твердо был убежден, что без школы обойтись невозможно. В конце концов, аспирантура приведет к такой же педагогической работе. Какой получится из него преподаватель вуза, если о школе он не имеет понятия!

Все эти соображения Усков наспех изложил Маше, и она не успела опомниться, как он распахнул дверь в кабинет инспектора, и они предстали перед глазами начальства.

Инспектор, пожилой человек неказистой внешности, с плоским лицом и похожим на щетку седым ежиком волос, прервал разговор с секретаршей. Они представились.

- Новички? Та-ак-с. Позвольте, - нахмурился он, взяв у Маши извещение, - позвольте, вы должны были явиться значительно раньше. Почему опоздали?

Маша смутилась. Она не подготовилась к вопросу.

- Причины, которые меня задержали, - сказала она запинаясь, - вам покажутся ничтожными, хотя для меня они значительны. Я не могу объяснить опоздание.

Усков приподнялся, вторично поклонился и, бросив на Машу

осуждающий взгляд, намеревался вступить в разговор с инспектором, чтобы смягчить невыгодное впечатление, произведенное ею. Но инспектор обратился опять к ней:

- Как вас зовут?

- Мария, - ответила она и, краснея, добавила: - Кирилловна.

- Так вот, Мария Кирилловна, позвольте напомнить: чтобы воспитать дисциплинированность в своих учениках, педагог должен быть дисциплинированным сам.

Ничего неожиданного не было в старой, известной всем истине, которую инспектор считал нужным повторить Маше. Усков осторожно дернул ее за рукав. Провинилась? Помалкивай. Маша не заметила подсказки или не хотела заметить.

- Боюсь, - отвечала она, - мне недостает многих качеств, необходимых педагогу. Истинный педагог - человек исключительной силы. Я слишком обыкновенна, чтобы быть педагогом.

"Что она городит? - всполошился Усков. - Пришла в роно за назначением и так себя аттестует! Путаница Маша!"

Наверное, что-то в этом роде подумал и инспектор, который, проработав лет двадцать в роно, привык наставлять учителей, особенно новеньких, внушая практичное, трезвое и, сам не подозревая того, обыденное отношение к делу.

"Романтики! Пока жизнь бока не обмяла", - усмехнулся инспектор Машиным словам, как усмеваются детской болтовне, и обратился к Ускову:

- И вы малOVER?

Ого, как он повернул! В малOVERы записал Марию Кирилловну Строгову.

Усков только и ждал сигнала ворваться в разговор. Он догадался: инспектор Машиными словами задет. Сидит в роно человек с седым ежиком. Неплохой, может быть, человек, звезд с неба не хватает, а надо учить учителей. Учит тому, что известно, бесспорно, в чем нельзя ошибиться. Фантазий сторонится. Пуще всего страшится фантазий, ибо ведут они в неизведанное. И вдруг обухом по голове: если ты обыкновенен, нельзя быть педагогом. Маша-философ! Мы с тобой пока ничего не умеем. Три-четыре урока на институтской практике, вот и все.

Меньше чем в три минуты Усков развил свою и инспекторскую (он угадал) точку зрения, которая заключалась в том, что романтизм романтизмом, а педагогические задачи конкретны.

- Именно? - спросила Маша.

- Именно: я, Усков, преподаватель литературы, должен образцово

выполнить программу. Прежде всего.

Инспектор внушительно пристукнул ладонью по столу, словно поставил печать, и изрек непререкаемым тоном:

- В первую очередь! Основа основ.

- Кто спорит? - недоуменно пожала Маша плечами. - Но если я говорю детям: прекрасно совершить подвиг, а сама не способна на подвиг, значит, я лгу. Если я говорю им: умеете быть верными, а сама не умею, значит, я лгу.

- Так! - заражаясь настроением Маши, поддакнул Усков, но нечаянно взглянул на инспектора.

Снисходительно-скучающий вид человека с аккуратным ежиком над безоблачным лбом говорил ясно: "Птенцы желторотые! Еще и школы не нюхали. Философствовать вы мастера, а вот как сумеете урок провести? Успеваемость? Дисциплина? Проверка тетрадей? Планы? Отчеты? Куда там до высоких материй!"

Спорили трезвость и неостуженная юность. А Усков пытался их примирить.

Как всегда в трудных обстоятельствах, находчивая память подсказала Юрию подходящую к месту цитату.

- "Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен", - продекламировал Юрий. - Учитель! Оставляй за дверями класса свои несовершенства и веди учеников к священным жертвам.

- Нехорошо! - покачала головой Маша. - Ребята поймут: "король гол", и перестанут верить в священные жертвы.

Она не желала идти на уступки.

Усков сконфуженно напялил кепку и со вздохом сказал:

- В таком случае, поздравляю тебя и себя. Я вижу, наша профессия достойна святого.

- Ты сам не знаешь, что говоришь, Юрий. Нужна не святость, а доблесть, - упрямо ответила Маша.

Инспектор хмурился. Слова и слова! Он считал себя человеком дела. Он ценил учителей, умеющих добиваться высокого процента успеваемости и образцовой дисциплины класса. Все остальное инспектор считал беллетристикой, о которой охотнее всего толкуют учителя, неспособные справляться с основными учительскими обязанностями: давать учащимся прочные знания в объеме утвержденной программы. Кроме того, инспектор решил: эти самоуверенные юнцы ведут себя в отношении его непочтительно. Пришли в роно и открыли дискуссию. Неуместно.

- Список школ! - недовольно обратился он к секретарше.

Белобрысая секретарша в коротеньком платьице, едва до колен прикрывавшем худые девчоночьи ноги в нитяных чулках, с разинутым ртом слушала странный разговор.

"Блажные какие-то заявились в роно. О нагрузке не спрашивают. В какие школы пошлют, не заботятся. О зарплате молчат. На папенькиных хлебах. Не нуждаются", - определила она.

- Вернемся к делу, - холодно заявил инспектор, давая понять, что беседа на отвлеченные темы закончена. Он рассматривал список школ, прикидывая в уме, куда адресовать новичков.

"Из этого со временем может выйти толковый учитель, - думал он об Ускове. - Из этой? Сомнительно. Витает в небесах, а придется спускаться на землю. Процесс для фантазеров болезненный. Посему, товарищ Строгова, следует вас передать в твердые руки".

- Направлю-ка я вас к Федору Ивановичу... вернее, к Борису, раздумывал вслух инспектор. - Опытнейший завуч! Советую: поменьше упражняйтесь в экспериментах, побольше следуйте проверенному опыту. Вас восьмой класс не пугает? - спросил он Ускова.

- Я как раз и мечтал о старшем классе! - обрадовался Усков. - Дело в том... - пустился он в объяснения, - в старших классах настоящий курс литературы. Я занят научной работой. Я аспирант пединститута...

- Устроят шестые классы Марию Кирилловну?

Марию Кирилловну шестые классы устраивали.

- Не понимаю, не понимаю, не понимаю тебя! - говорила Маша, возвращаясь с Юрием из роно. - Знаешь ли ты, что изменил нашим лучшим мечтаниям, когда в институте мы ждали и верили: педагогическое звание самое высокое звание. И вдруг и вдруг!.. "Пока не требует поэта..."

- Надо же быть и реалистом немного, тем паче в кабинете инспектора, виновато буркнул Усков.

Оставшись с Машей наедине, он начал соображать, что действительно отступил от институтских мечтаний. В сущности, он был согласен с Машей во всем, особенно сейчас, с глазу на глаз.

"Вы покладисты с начальством, аспирант пединститута Юрий Петрович Усков!" - пилил он себя.

- Если кто из нас двоих реалист - это я, - говорила Маша. - Я реалист, потому что помню наказ тети Поли: воспитывать настоящих людей! Потому что хочу стать настоящим человеком сама. Потому что, Юрий, жизнь необыкновенна! А если нет - зачем жить?

Глава 30

Школа была громадная, на полторы тысячи человек. Все четыре ее

этажа перед началом занятий блистали чистотой. Директор Федор Иванович, заложив руки за спину, ходил по школе быстрыми, бесшумными шагами, и невозможно было понять, как он умудряется чуть ли не в одно и то же время появляться в десяти разных местах - в столовой, учительской, в классах, канцелярии, библиотеке.

Кабинет директора чаще всего был пуст.

Юрий и Маша напрасно прождали три четверти часа, изучая обстановку кабинета.

На столе симметрично расставлены стопки книг. Ни клочка бумаги, ни соринки. В деревянной подставке - как один, остро отточенные карандаши; казалось, никто никогда ими не пользуется. Под стеклом - расписание уроков. Без пометки. Заложённый цветной закладкой блокнот. Настольный календарь с пунктуальной записью на каждый день: посетить такой-то класс, вызвать такого-то.

- По всему видно, буквоед и чинуша, - шепнул Юрий.

Маша приложила к губам палец:

- Тсс! Ничего не известно.

Соскучившись ждать, они вышли в коридор и здесь встретили директора.

Заложив руки за спину, он разглядывал новых учителей. Его брови, сросшиеся у переносицы и, как росчерк пера, размахнувшиеся к вискам, и узкие, исподлобья глядящие глаза придавали лицу директора выражение пытливости и одновременно недоверчивости.

- Знаю. Звонил инспектор.

Он говорил коротко, отрывисто, не заботясь, какое производит впечатление на собеседников.

- Сколько бы вас ни учили, научиться в действительности можно только тогда, когда начнешь работать сам. В этом вы убедитесь. И скоро. Учитель в школе - всё. - Он помолчал, словно обдумывая, о чем еще следует поставить в известность новичков, и повторил: - Учитель - душа школы. Это ответственно. Ну... привыкайте.

После разговора с директором, удивившего их лаконичностью, Маша и Усков направились в учительскую знакомиться с завучем, Евгением Борисовичем Борисовым.

За столиком в углу учительской сидел худой, чисто выбритый, с гладко прилизанными волосами человек средних лет и разбирал какие-то бумаги.

- Слушаю вас, - едва подняв на вошедших глаза, сказал он густым, удивительно красивым голосом.

Усков приступил к объяснениям. Евгений Борисович вынимал из

ящика стола бумаги, укладывал обратно; его длинные, тонкие пальцы двигались медленно и осторожно.

Наконец Усков добрался до самого важного пункта своей биографии.

- Я аспирант, - сообщил он, - но полагаю, что моя научная работа не помешает занятиям в школе.

Евгений Борисович поднял ресницы, впервые внимательно посмотрев на Ускова:

- Напротив. Нам нужны высокообразованные учителя... А вы? - Он полуобернулся к Маше.

- Нет.

Больше он не обращался к ней с вопросами.

Слушая Ускова, он вскользь заметил о себе, что близок в Наркомпросе с тем-то и тем-то.

- Может быть, вы знакомы и с Валентином Антоновичем? - спросил Усков.

- Да, как же, - ответил Евгений Борисович.

Они припомнили еще пять-шесть имен известных профессоров. О некоторых из них Борисов говорил:

- С ними я на короткой ноге.

Истоцив запас красноречия, Усков решил, что пора уходить.

Евгений Борисович встал, и тут оказалось, что он чрезвычайно высок и его длинное туловище завершено непропорционально маленькой головой.

- Прошу вас основательно познакомиться с делами учащихся. - Так как он был очень высок, то, говоря, смотрел не в лицо Маше, а поверх головы. Мы намерены солидно поставить методическую работу в школе, я рассчитываю на вашу помощь.

Последние слова относились к Ускову. Усков, польщенный, поклонился.

- А этот каков? - спросил он, когда они оставили учительскую. Правда, симпатичен?

- Ничего не известно, - усмехнулась Маша.

- Маша! Ты скептик!

В коридоре произошла третья за одно утро встреча.

Громко стуча каблуками, летела маленькая девушка в красной шелковой блузке. Девушка пролетела мимо, но тотчас вернулась обратно.

- Он там? - так энергично качнула она головой в сторону учительской, что из волос вылетела шпилька.

У девушки были темные блестящие волосы, темные глаза, смуглый румянец, небольшой, вздернутый носик. В яркой шелковой блузке она

похожа была на цветок красного мака.

- Там Борисов? - нетерпеливо спросила она.

Борисов как раз в эту минуту появился в дверях учительской.

- Евгений Борисович! - воскликнула девушка.

- Слушаю вас, Нина Сергеевна, - ответил он вежливо, склонив набок голову в знак внимания, но не задержался, а прошел мимо, так что ей, чтобы изложить свое дело, надо было пробежать за ним несколько шагов и рассказывать на ходу.

Она стояла в замешательстве. Евгений Борисович, не оглянувшись, скрылся в кабинете директора. Румянец на щеках девушки погустел.

- Дело в том, - словно оправдываясь, сказала она, - что Евгений Борисович, распределив классы, первачкам с продленным днем оставил самый плохой - возле столовой. Что прикажете делать, он и слушать не хочет. Пойдемте.

Из школы они вышли втроем и через несколько минут были знакомы. Усков нашел повод свернуть разговор на свою аспирантуру. Нина Сергеевна призналась, что хотела поступить в заочный вуз, но помешала война.

Она взяла Машу под руку и рассказывала, как соскучилась по Москве, как два года прожила в деревне, работала в интернате, а теперь интернатских ребят привезли обратно, и она вернулась в школу к Федору Ивановичу.

- Все бы ничего, да вот напасть: свалился нам на голову журавль длинноногий, завуч! Выслеживает, вынюхивает, непорядки выкапывает. И не виновата, а Борисова встретишь - словно в чем виновата. Словно ты самое последнее на свете ничтожество и ничего путного никогда из тебя не получится.

- Как же учителя его терпят? - спросила Маша.

- Так и терпят.

Девушки, разговаривая, шли впереди, Усков плелся сзади, наблюдая, как на глазах у него завязывается девичья дружба. Усков страшно раскаивался в том, что преступно тратит драгоценное время. В Ленинской библиотеке лежали два объемистых тома по курсу древней литературы, выписанные на его имя. "Сейчас побегу", - убеждал он себя, но не бежал, а проводил Машу до дому и, оставшись вдвоем с Ниной Сергеевной, поправил галстук, откашлялся и сказал:

- Видите ли... Если вы хотите готовиться в вуз... Вы на какой факультет собираетесь?

- Думаю на географический.

Усков был разочарован. Он попытался убедить Нину Сергеевну, что на литературном интересней. Так они дошли до Никитских ворот, но Нина Сергеевна осталась непреклонной - она желала учиться только на географическом факультете. Усков вызвался подыскать нужные книги.

- Пожалуйста, - согласилась Нина Сергеевна и простилась: они поравнялись как раз с ее домом.

В подъезде мелькнула красная шелковая блузка.

Усков снял кепку, обмахнул ею, как веером, разгоряченное лицо и вдруг увидел деревья на бульваре в оранжевых листьях, разлитый в воздухе оранжевый свет, такой сильный и ясный, такой неожиданно праздничный, что рассмеялся счастливым смехом, постоял в одиночестве, прислушиваясь к тишине осеннего дня на бульваре, удовлетворенно вздохнул и, приняв деловой вид, пошагал в Ленинскую библиотеку.

Глава 31

Несколько дней, оставшихся до занятий, Маша провела в лихорадочной деятельности. Она готовила свой первый урок. Кроме того, выучила по списку фамилии шестиклассников: Петраков, Щербина, Володя Горчаков, Дима Звягинцев...

Какие они? О чем думают? Чем заняты? Что их интересует?

Сердце Маши билось в тревоге и замирало в радостных предчувствиях. Школа, в которой она будет работать, представлялась ей идеальной. Борисов выскользнул из ее головы. В этой школе она - идеальная учительница, и идеальные шестиклассники на лету ловят каждое ее слово. Она вступала в неведомую жизнь. Вдруг она устыдилась заброшенности своей квартиры, покраснев, словно неизвестные шестиклассники могли застать ее посреди хаоса и пыли. Она засучила рукава и принялась чистить, скоблить, мыть, пока мебель и пол не засверкали. Все должно быть чистым, новым. А в чем идти в школу?

Маша открыла корзину, привезенную из Владимировки. Добрая тетя Поля! Подарила Маше свое лучшее платье. Добротной выработки шерсть не мнется в руке, и густой синий цвет к лицу, только чуть широко и длинно. Пришлось взять в руки иглу.

И вот наступило утро.

Маша проснулась с рассветом и повторила лекцию. Одевалась, подошла к зеркалу. Платье сидело ловко, хорошо лежали волосы, немного только бледноваты щеки. Пора идти. Но Маша медлила.

Грусть охватила ее.

Разве каждый год или день человек переступает порог новой жизни? Этот день наступил для Маши, и некому сказать ей: "В добрый путь!"

"Папа, если бы ты был жив!"

Всю дорогу мысли об отце провожали ее. Она была почти спокойна, когда приблизилась к школе, словно услышала голос отца: "Смелей!"

Сорок мальчиков сидели за партами шестого класса "Б". Все поднялись. Они внимательно изучали новую учительницу, которая была к тому же классной руководительницей. Ничто не ускользнуло от их наблюдательных глаз. Они заметили молодость, естественность жестов, живость и праздничность взгляда.

Кто-то шепнул:

- Капитанская дочка!

- Почему?

- Мария Кирилловна.

- Эх, ты! Мария Кирилловна - в "Дубровском".

- Ну и что же! Все равно - капитанская дочка.

Маша ничего не разобрала в этом шепоте. Она чувствовала себя слишком связанной, чтобы легко вступить в беседу с учениками. Они показались ей очень большими, гораздо больше, чем она ожидала. Она не сумела бы собрать мысли, если бы в запасе у нее не было готовой лекции. Но Маша точно знала, что нужно говорить. Молчание учеников ей помогало. Она не умела еще различать оттенков в поведении класса. Тишину первого урока она приняла за увлеченное внимание и тем естественнее увлеклась сама.

В середине урока Маша заметила мальчика с голубыми глазами. Мальчик не спускал с учительницы напряженного взгляда, непонятная гримаска кривила его губы. Он часто менял положение головы: подпирал кулаком, склонял набок, откидывал назад, и все время неестественная гримаска скользила по его лицу.

"Наверно, Дима Звягинцев", - подумала Маша.

К его голубым глазам и всему облику подходила фамилия Звягинцев.

В перемену ребята окружили воображаемого Звягинцева. Чем-то они были весело возбуждены. Мальчик оказался Володей Горчаковым. Действительный же Звягинцев, широкоплечий, длинноногий подросток, сидел на последней парте, и только он один подошел в перемену к Маше и спросил:

- А какие книги читать про войну, где герои ребята?

Маша назвала Гайдара. Он читал. Она назвала еще несколько книг. Их он тоже читал.

Когда Маша вошла в учительскую, Борисов учтиво осведомился:

- Что скажете?

Маша ничего не собиралась говорить, но, раз уж он спросил, ответила:
- Чудесно прошел урок! Какие славные ребята! Умненькие!

У Борисова была привычка смотреть не прямо в глаза, а куда-то выше.
Рассматривая Машин лоб, он сдержанно произнес:

- Советую с первых же дней не выпускать из повиновения этих умненьких, славных ребят, пока они вам не сели на голову!

Маша пожала плечами и не ответила.

Пусть бы он услышал ее урок!

Вопрос Звягинцева о книгах вселил в нее беспокойство. Она на весь вечер ушла в районную библиотеку и перерыла там множество книг.

Между другими попалась одна, небольшая, в бледно-зеленой обложке:
Памяти младшего лейтенанта...

Будто кто-то схватил за горло, стало трудно дышать.

Почему в глазах твоих навеки

Только синий, синий, синий цвет?

Маша читала повесть о сверстнике, товарище Сергея и Мити.

Его мечты хватило б жизни на три

И на три века - так он ждал труда.

В День Победы сын не вернется обратно:

И он прильнул к земле усталым телом

И жадно, разучаясь понимать,

Шепнул земле - но не губами, - целым

Существованьем кончившимся:

М а т ь.

Маша уронила голову на стол, где лежала зеленая книжечка - кусочек боли, призывающей к мщению. Глыбой навалилась на нее чужая боль. Разве чужая?

Эта книга перевернула ей сердце, она отвечала на мысли ее об искусстве; сама искусство, она стреляла по врагу; "врываясь в канонаду", она звала:

Вся жизнь моя, вся боль моя - к оружию!

Поэт не подозревал, что юная учительница, один день проработавшая в школе, примет эти слова для себя как приказ. Во всяком случае, он не мог слышать тот разговор, который она с ним вела, читая и перечитывая поэму.

"Вы помогли мне, - думала Маша, обращаясь к поэту. - Пусть все мои мальчишки заменят вам погибшего сына. Они не отдадут никогда то, что он защитил от фашизма. В этом я вам клянусь".

Она торопила завтрашний день и готовилась бесстрашно встретить любое препятствие, но только не то досадное и просто смешное, какое

ждало ее в школе.

Придя в класс, Маша прежде всего разыскала глазами двух своих знакомцев.

Звягинцев спрятал в парту какую-то книгу. Горчаков подавил гримаску, ответив на взгляд учительницы наивным, но чуть обеспокоенным взглядом. И только потому, что Маше запомнилась фамилия и лицо этого мальчика, она решила его спросить:

- Горчаков, расскажи, что ты усвоил из вчерашней беседы.

Горчаков в замешательстве поднялся.

- Выйди к столу, - сказала Маша.

Она не знала, что ответ у стола в представлении ребят связан с отметкой.

- Мария Кирилловна, я больше не буду! - виновато признался Горчаков.

Класс затих. Маша растерялась.

- Я никак не ожидала, - строго произнесла она, стараясь между тем понять, что все это значит.

Поднялся сосед Горчакова, Шура Матвеев, чистенький, спокойно-вежливый мальчик, и учтиво объяснил:

- Мария Кирилловна, Горчаков не один виноват. Мы ему не поверили, что он целый час просмеется по-индейски, а он нам доказал.

Маша вспомнила вчерашнюю гримаску Горчакова. Открытие ошеломило ее.

- А что такое смеяться по-индейски?

Ребята пустились наперебой объяснять. Выяснилось, что индейцы умеют смеяться беззвучно, почти не делая движений губами. Что индейцы благородны и смелы. Не бросают в беде. Презирают трусов. Не прощают измены. Что у индейских племен есть воинственный клич...

Вчерашней молчаливости не осталось и следа.

- Довольно, - прервала Маша. - Вы будете рассказывать мне не об индейцах, а о том, что слушали вчера.

- Я не понял, - ответил Матвеев.

- А ты?

Дима Звягинцев долго вылезал из-за парты. Испытывая, должно быть, неловкость, он уныло сказал:

- Я тоже не понял.

- Я слышал, вас огорчили сегодня? - почти вкрадчивым тоном спросил Борисов.

Откуда он мог узнать, если Маша только сейчас оставила класс? Но

если слышал, так слышал. Кроме того, она не собиралась ничего утаивать. Она изложила все по порядку.

- Вот вам ваши умненькие мальчики! Фамилии? - спросил Борисов.

- Какие фамилии? Зачем?

- Затем, чтобы наказать виновных и сразу пресечь хулиганство.

Он перебирал длинными, тонкими пальцами бумаги на столе. Маша видела, он ничего не ищет, просто пальцы его привыкли всегда двигаться.

- Нет, - возразила Маша, чуть не плача от обиды, - я не скажу вам никаких фамилий.

Пальцы на мгновение остановились и снова заработали.

- Я сделаю все, что нужно, сама. - Она выбежала из учительской, но тут же вернулась. - Евгений Борисович! (Он не шевельнул головой.) Евгений Борисович, дело не в том, что они смеялись по-индейски, а в том, что я плохо прочитала лекцию. Уж если кто виноват, так одна только я.

У Борисова была странная манера разговаривать. Он так медлил с ответом, что собеседник невольно начинал чувствовать себя неловким и глупым. Так, по крайней мере, почувствовала Маша.

- Напрасно вы читаете лекции, - равнодушно возразил он. - Лекции читают в вузах, а не в шестых классах школы. Я полагал, что вы владеете в какой-то мере методикой.

Кончились уроки. Возвращаясь домой, Маша увидела в нескольких шагах впереди Нину Сергеевну и Ускова. Усков держал под мышкой толстый портфель и время от времени размахивал свободной левой рукой.

В детстве, может,

На самом дне,

Десять найду

Сносных дней,

услышала Маша и не стала догонять.

В почтовом ящике лежало письмо.

"Милая Маша! Должно быть, я тебя на счастье повидал в Москве. Которые сутки мы в непрерывном бою, а я ровно заколдованный: ни разу не царапнуло. А бои теперь не то, что раньше: идем вперед. Бьем поганых фашистов и будем бить, пока духу их на нашей земле не останется. Маша, помню тебя каждый час! Кончится война, уехать бы нам с тобой во Владимировку!

Школа у нас хорошая, знаешь сама, с Пелагеей Федотовной тебе работать будет весело, а я жду не дожусь, когда выйду в поле. Я, Маша, о деревенской работе подумаю - сердце зайдет! Стосковался, нет мочи!

Милая Маша, а еще болит у меня сердце из-за тебя. Мне тебя жалко,

ты мне всех на свете дороже! А мучаюсь я сомнениями оттого, что чувствую горе у тебя на душе. Ты из-за горя и ждешь меня согласилась. Может, каешься теперь? Не кайся, Маша! Если не в силах связать свою судьбу с моей, оборви лучше разом. Я не упаду духом - закалился. Люблю тебя на всю жизнь, а принуждать и неволить не хочу. Мне твое счастье дороже собственной жизни. Решай, Маша, как тебе лучше, и напиши мне все прямо, по-честному.

С комсомольским приветом

С е р г е й Б о ч а р о в"

Маша долго сидела над раскрытым письмом. Она знала и раньше, что Сергей понял все.

"Но почему же случилось, что его, честного, храброго, я не могу полюбить, как любила..." - в горьком недоумении спросила она себя.

Она вскочила и быстро прошлась по комнате.

"Положим, я напишу, что не люблю его так. Ведь я не стану счастливее от этого, а он будет очень несчастен. Только одному человеку в целом свете я дорога и нужна, и человек этот - Сергей Бочаров!"

Она написала:

"Милый, хороший Сережа! Сегодня мне очень грустно. Я неудачно работаю. Ты даже представить не можешь, как меня это мучает. Может быть, я никогда не сумею быть счастливой. Когда ты вернешься, мы решим, как нам жить и что делать. Ты мой единственный друг. Будь жив и здоров, Сережа. Побеждай!"

Глава 32

Федор Иванович, заложив руки за спину, бесшумно шагнул по коридору. Коридор был пуст. Федор Иванович по голосу узнавал того или иного учителя в классе. Директор не останавливался. Ему не нравилась манера останавливаться у закрытых дверей. Он обошел все четыре этажа и направился к своему кабинету, когда увидел новую учительницу. Она поднималась по лестнице, на ходу поправляя волосы. Федор Иванович стоял на площадке и ждал. Он заметил, что при виде директора учительница замедлила шаги, в лице ее появилось выражение знакомой ему замкнутости. Так обычно выглядели школьники, когда он вызывал их в кабинет распекать, а они не чувствовали себя виноватыми. Директор выяснял обстоятельства дела. Иногда школьники действительно оказывались невинными.

- Что произошло в шестом "Б"? - наугад спросил директор.

"Ему уже рассказали", - догадалась Маша.

- Федор Иванович, ничего такого, о чем бы я считала нужным довести

до вашего сведения, - произнесла она сухо.

Она смутилась, потому что не хотела быть дерзкой с этим человеком, который ничего худого ей не сделал.

- В таком случае, - сказал директор, - будем считать, что в шестом "Б" ничего не произошло.

Он повернулся и пошел быстрой, легкой походкой, сплетя на пояснице руки.

Неожиданно Маша успокоилась. И следа не осталось от того чувства презрения к себе, которое мучило ее все эти дни. Теперь Маша могла признаться - не Федору Ивановичу, конечно, и не Ускову, и даже не тете Поле, но наедине с собой, - она могла признаться, как опрометчиво было тешиться самолюбивыми планами. Она шла в класс, чтобы с первого же урока победить шестиклассников. Но шестиклассники не только не догадались, какая необыкновенная учительница появилась в их школе, но вообще не поняли ничего из того, что она намудрила. Странно: сейчас это ничуть не огорчало Машу.

Грамматика вступила в единоборство с индейцами. Это была нелегкая задача. Существительные, прилагательные и местоимения оказались орудиями недостаточно мощного калибра, чтобы только с их помощью овладеть воображением шестиклассников. Не раз во время уроков Маша ловила рассеянные взгляды учеников. Но так как всякие нравоучительные рассуждения отскакивали от ребят, как резиновый мячик от стенки, то Маша и не пыталась рассуждать, доказывая пользу грамотности. Она выбивалась из сил, стараясь и на уроках грамматики дать пищу фантазии шестиклассников, готовых вытерпеть скучнейшее в мире правило, если в нем была хоть крошечная лазейка для выдумки.

Так в шестом "Б" появился чемпион по придумыванию иллюстраций к любому грамматическому правилу. Это был Петя Сапронов, мальчик с толстыми губами и круглой головой, на которой светлые волосы, едва вырастая, начинали от самого корня закручиваться в тоненькие колечки, как мелкая стружка. За курчавые волосы, толстые губы, а главное - за привычку подбирать рифму к каждому слову Петя Сапронов прозван был Пушкиным. Он был увлечен хореями и ямбами, как фокусами, и грамматические примеры придумывал только в форме стихов. На уроке проходило первое спряжение. Петя сочинял:

На сосновый бор с востока туча наплывает,

И весенний гром над лесом грозно грохочет.

Класс был доволен. Еще больше был доволен поэт. Учительница зачеркивала в Петинной тетрадке слово "грохочет", но после, неожиданно

для себя, иногда в самой неподходящей обстановке, в столовой например, вдруг начинала смеяться.

Вот эта-та несчастная склонность Сапронова к сочинительству и навлекла на Машу новые неприятности.

Едва прозвенел звонок к уроку, Борисов спрятал бумаги и книги в ящик стола, запер на ключ и, лаконично бросив Маше: "Я иду к вам", зашагал впереди, плотно прижимая к бокам острые локти и высоко неся маленькую красивую голову. Он остановился у двери, рассматривая надпись "Б Б", пропустил Машу в класс и вошел.

Он устроился на последней парте и, по обыкновению, не смотрел в лицо Маше, а куда-то мимо. Выражение его глаз было скучное, словно он наперед знал, что ничего интересного не услышит.

Впервые Маша почувствовала себя неуютно в классе. Мальчишки как-то по-особенному притихли. У нее мелькнула мысль, не сделать ли урок литературы вместо грамматики, но она с негодованием отвергла эту уловку и, стараясь не замечать Борисова, но чувствуя все время тяжесть его присутствия, начала грамматические упражнения, как полагалось по плану. Повторялись полногласные и неполногласные сочетания. Мальчишки читали в своих тетрадях примеры, и все кончилось бы благополучно, если бы не дошла очередь до Пети Сапронова, который только и ждал случая отличиться. Он поднялся и прочитал, торжествуя:

Если кто не хочет со мной навек дружить,
Не буду я того об этом поросить.

Каждое выступление Сапронова служило поводом к оживлению в классе. И теперь, достаточно было ему подняться, все забыли о Евгении Борисовиче, а Маша, только услышав дружный хохот мальчишек, поняла, что он прочитал. Вернее, не поняла и велела повторить, что он и сделал охотно, пояснив при этом, что в слове "поросить" - полногласие.

Если бы Маша была наедине со своими шестиклассниками, она попросту растолковала бы им, как не раз приходилось делать, что Сапронов снова напутал. Но в классе присутствовал Борисов. И, собрав в памяти весь небогатый запас сведений по истории языка, она так издали начала объяснения, что скоро потеряла нить и не знала сама, как добраться до злополучного слова, которое Петя Сапронов изобрел в угоду размеру и правилу.

Мальчишки слушали из вежливости, но главным образом оттого, что в классе сидел завуч.

Прозвенел спасительный звонок. Маша так и не успела подойти к полногласиям.

Зато Евгений Борисович имел возможность убедиться в том, что урок хуже даже, чем он ожидал.

Весь урок он записывал выводы в толстой тетради, куда заносил все свои наблюдения над учителями, делясь ими, впрочем, только с начальством из роно.

"Итак, милейшая Мария Кирилловна, придется надменность забыть! Скоро вы у меня станете смирененькой. Слишком уж самостоятельна. Не по чину. Девчонка!"

Маша на всех четырех этажах искала Ускова. В последние дни она с ним редко виделась.

Жизнь Ускова в Москве быстро вошла в колею. В институте все давно уже знали широконосого, с покалеченной рукой аспиранта, который непомерно много читал, слушал лекции всюду, где только возможно, а главное, так охотно и весело вникал в любое общественное дело, что очень скоро стал известен и нужен всем. Так же как дома, Усков организовывал воскресники и бригады по обслуживанию раненых бойцов, ездил в госпитали читать доклады, газеты или просто проведать подшефные институту палаты - у него на все хватало времени.

И хотя уроки Усков давал только два раза в неделю, он и в школу умудрялся забегать почти каждый день. Когда Нина Сергеевна, построив в линейку учеников, спускалась с ними в раздевалку, там, подперев плечом дверцу шкафа второго "Б", стоял Усков и, чтобы не тратить попусту времени, читал записи лекций по курсу древней литературы, а иногда умудрялся карандашом делать черновые наброски аспирантской работы.

- Вы здесь? - удивлялась Нина Сергеевна, увидев Ускова возле шкафа второго "Б".

Юрию Петровичу Ускову не доставало изобретательности находить каждый раз новое объяснение. Почему-то именно в этот час ему случалось ежедневно проходить мимо школы. Он заглянул на всякий случай. Круто повернувшись, чтобы скрыть внезапный румянец, Нина Сергеевна командовала своим второклассникам одеваться. Длинные кисти ее платка колыхались, словно танцевали. Второклассники уходили домой, а Усков провожал Нину Сергеевну до Никитских ворот.

На этот раз Маша догнала их недалеко от школы - они остановились прочитать на деревянном щитке газету. Ветер срывал с головы Нины Сергеевны шляпу. Она держала ее обеими руками.

- Юрий, - сказала Маша, - со мной приключилась страшная неприятность.

- Что такое? - Усков обернулся, стараясь говорить испуганным и

сочувственным тоном, но каждая черточка его лица говорила другое.

У него были до бессовестности счастливые глаза, он с трудом силился вникнуть в Машины горести. Нина Сергеевна, поправив прядку черных блестящих волос, резонно заявила:

- Самый лучший в мире учитель хоть раз да провалит урок.

Маша пробормотала в ответ что-то бессвязное и, сделав вид, что вполне успокоена, оставила их дочитывать газету на деревянном щитке. Они решили во что бы то ни стало ее дочитать, хотя ветер гнул и качал на бульваре деревья и над голыми их макушками нес тяжелую тучу, готовую пролиться холодным дождем.

Никогда не привыкнуть Маше к тишине своего дома, к тому, что никто ее не ждет, нет отца! Отец! Может быть, он сказал бы: "Не в том беда, что Борисов стал свидетелем твоего поражения, а в том, что кое-какие институтские науки не очень прочно улеглись в твоей голове".

Маша не слышала, чтоб кто-нибудь из учителей говорил, что ему что-то неизвестно. Странно было представить, чтобы математичка Анастасия Дмитриевна, вернувшись из класса с грудой тетрадей, задумалась над решением ученической задачи. Маше приходилось задумываться слишком часто. В этом она не осмелилась бы никому открыться. На первом курсе ей казалось, что она знает очень многое. Она кончила институт с дипломом отличницы и убедилась в том, как мало знает. Вооружившись карандашом, она снова села за книги.

Между тем жизнь шла своим чередом.

В начале второго месяца школьных занятий в шестом классе "Б" появился новый ученик. Он только вернулся из эвакуации. Маша записала в журнале: "Витя Шмелев". Он пришел в класс в коротких штанах, которые держались на помочах. Должно быть, у его штанов не было карманов, потому что, когда в перемену дежурный выпроводил ребят из класса, Шмелев стоял у окна в коридоре и не знал, что делать с руками. Из окна дуло, он ежился от холода, но храбрился, не желая придавать никакого значения тому, что все шестиклассники, кроме него, в длинных брюках. Он высматривал, есть ли еще кто-нибудь такого маленького роста, как он, и убедился, что все гораздо выше. Он отвернулся и стал смотреть в окно. Тут к нему и подошел Володя Горчаков, тот мальчик с голубыми глазами, который знал все подробности быта и нравов индейцев.

Едва новенький переступил порог шестого класса, Володя Горчаков почувствовал к нему презрение за короткие штаны, низенький рост и робкий вид. Примерный! Подлиза, наверное.

Володя Горчаков подтолкнул новенького плечом, чтобы тот убедился в

его превосходстве и силе.

- Эй ты, Шмель, - сказал он, - тебе директор велел во второй класс катиться.

Витя Шмелев резко обернулся. Он стоял у окна и ждал, когда к нему "полезут". В том, что к нему "полезут", он не сомневался. Витя в душе трусил, но этого никто не должен знать.

Он ощетинился, как еж. Володя Горчаков в удивлении отступил на шаг, но тут же придвинулся вплотную. Они стояли и молча подталкивали друг друга локтями. Горчаков и не подумал бы связываться с новеньким, если бы тот отодвинулся или другим каким-нибудь способом показал свое уважение. Но маленький Шмель не собирался отступать, а, наоборот, все энергичнее наседавал на Горчакова. Все это видели.

Вокруг собралась порядочная кучка любопытных. Вдруг она растаяла, как стая вспорхнувших воробьев, а на месте ее очутился директор Федор Иванович.

Заложив руки за спину, он смотрел из-под своих удивительных бровей подозрительно и строго. Горчаков не успел улизнуть и теперь соображал, какое на него наложат наказание за драку.

Витя Шмелев еще не остыл, и, хотя старался спокойно дышать, грудь тяжело поднималась.

- Почему не острижен? - спросил директор.

Витя провел ладонью по волосам, нащупав надо лбом торчащий вверх веерок.

- Федор Иванович, - сказал Горчаков, - это наш новенький. Он не знает, что нельзя носить чуб.

- Сегодня же под машинку! - приказал директор. - Никаких чубов. И марш на уроки.

Горчаков опрометью пустился в класс, не веря, что все обошлось.

В дверях он ухитрился дать еще тумака Шмелеву и шепотом пообещал:

- А на улице и не то будет!

Шел урок алгебры. Математичка Анастасия Дмитриевна нарисовала числовую ось на доске и принялась объяснять с таким увлечением, как будто ничего на свете не могло быть важнее сложения относительных чисел.

Объяснив урок, учительница стала вызывать мальчиков к доске. Это было уже неинтересно.

Витя Шмелев погрузился в свои мысли. Он думал о том, как было бы хорошо, если бы он был сильнее и старше всех ребят в классе и на целую

голову выше Володьки Горчакова. Шел бы мимо Горчакова и свистел, будто не видит. Или пусть он останется таким, как есть, но все-таки победит Горчакова и положит на лопатки. Потом можно бы помириться, и он покажет Горчакову новый электрический паяльник. Если бы он победил Горчакова, он подарил бы ему старый паяльник. Зачем ему два?

Но получилось все по-другому.

На улице выпал снег. В переулке за школой шестиклассники бомбили "неприятельские объекты". Это были не убранные еще с осени сорок первого года заржавевшие "ежи". Именно этим переулком Витя Шмелев возвращался домой. Он сразу увидел Володю Горчакова и понял, что никогда не положит его на лопатки, но, вместо того чтобы незаметно юркнуть на противоположный тротуар, пошел прямо на Горчакова. Сумка с книгами хлопала его по спине.

Володя Горчаков бросил снежки и двинулся навстречу противнику. Если бы Шмелев посторонился! Взял бы и свернул в сторону - что ему стоило? Но он опять ни за что не хотел отступить, он важничал у всех на виду. Этого Горчаков не мог стерпеть.

И Витя Шмелев полетел лицом прямо в снег. Когда он поднялся, никого вокруг не было. По переулку шла классная руководительница Мария Кирилловна.

- Что с тобой? - спросила она, узнавая новенького.

- Ничего. Просто споткнулся.

Отряхнув снег с шапки, Витя перебежал на другой тротуар.

Маша знала теперь шестиклассников и по именам и в лицо. Она была уверена, что знает их всех одинаково. В действительности же из сорока человек ее класса только немногие раскрылись перед ней.

Она знала Диму Звягинцева. Книгочей, шахматист, первый в классе силач, охотно похвалявшийся бицепсами, его уважали ребята за справедливость.

- Как Димка скажет, - то и дело слышно было среди ребят. - Димка, скажи, на чьей стороне правда?

Звягинцев страдальчески морщил лоб, думал, вздыхал и выкладывал правду. Он учился хорошо не оттого, что науки легко ему давались или равно были интересны. Он был совестлив. Надо учиться? Кряхти, а учись.

Шура Матвеев, чистенький, вежливый мальчик из профессорской семьи, учился, напротив, почти без усилий. Матвеев на лету схватывал объяснения, урок отвечал легко, хотя чуть небрежно, и любил поражать ребят разными диковинками: то билетом на концерт, то какой-нибудь редкостной книгой. Или притащил в класс подзорную трубу, будто бы

доставшуюся его отцу от адмирала Нахимова. Ребята с интересом разглядывали все его редкости, но никакие подозрные трубы не могли создать Шуре Матвееву, как он ни тщился, особого положения в классе.

Главенствовал Володя Горчаков. Задира и плут, всегда счастливо озабоченный какой-нибудь выдумкой, поглощенный страстной дружбой или лютой враждой, Володя Горчаков к школьным наукам был равнодушен. Учился, потому что такова была неизбежная участь всех мальчишек с восьмилетнего возраста. Старался меньше получать двоек, чтобы не ругали дома. В школу тем не менее Горчаков ходил охотно: в школе было весело и товарищи любили его.

Был в классе сочинитель, Петя Сапронов, который доставлял учителям немало хлопот удивительной способностью путать все на свете. Был задумчивый и вялый Леня Шибанов, слишком робкий, чтобы выделиться хоть чем-нибудь.

Кроме того, в классе было много других. В сущности, они оставались мало знакомыми Маше. Среди них был и Витя Шмелев.

Однажды Маша задержалась в школьной библиотеке. Смеркалось. На лестнице было темно.

В пустой раздевалке копошилась фигурка. Кто-то ползал впотьмах, разыскивая галоши или упавшую шапку, и тихонько всхлипывал.

- Кто здесь? - спросила она.

Мальчик умолк. Маша повернула выключатель. Витя Шмелев, держа в одной руке шапку, поднятую с полу, торопливо вытирал кулаком заплаканные глаза.

- Здравствуйте, - сказал он растерявшись. - Я ничего.

- О чем ты плакал?

- Я не плакал.

Он бочком пробирался к двери, пряча от учительницы лицо.

- Погоди. Ты плакал из-за шапки?

- Нет. Я ее сразу нашел.

- Погоди. Тебя обидели? Ну, признайся, Витя, скажи мне, пожалуйста.

Она взяла его за плечо и крепко держала, чтобы он не убежал.

- Никто меня не обижал. Да я и не плакал. - Он вывернулся из-под ее руки. - До свиданья, Мария Кирилловна! Можно мне домой, Мария Кирилловна?

- Иди, - ответила она.

Она видела, как Витя Шмелев с усилием открыл тяжелую дверь и юркнул в темноту улицы.

Глава 33

Когда за стеной у соседей пробило семь часов, Витя проснулся.

Сначала он подосадовал, что проснулся на полчаса раньше, потом обрадовался.

Он хотел проверить, усилился ли магнит, к которому подвесил на ночь грузик, но знал, что, едва пошевелинется, разбудит маму, и поэтому лежал не шевелясь и думал.

Он припомнил всю свою вражду с Горчаковым.

Однажды Дима Звягинцев заступился за Витю. Вот что из этого получилось.

После уроков Володя Горчаков прижал Витю в углу раздевалки и крикнул:

- Сдавайся, тогда заключим мир навсегда!

- Вот тебе мир! Первый сдавайся! - ответил Витя и сбил с Володьки сумкой шапку.

Дима Звягинцев поднял шапку, нахлобучил Володе на лоб и сказал:

- Брось приставать к Шмелю!

Дима Звягинцев был самым старшим в классе, но никого не трогал пальцем.

- Хватит тебе к Шмелю приставать, - повторил он и стал между ними.

Володя не знал, как поступить: кинуться в бой или не лезть больше к Шмелеву. Он уж и сам позабыл, из-за чего с ним враждует, и был бы рад, чтобы все это кончилось. Но Витя снова испортил все дело.

- Попробуй, попробуй пристань! - прокричал он, высовываясь из-за спины Звягинцева. За прикрытием он чувствовал себя надежно.

Володя Горчаков внезапно сочинил стихотворение:

Шмелишка-трусишка

За спину залетел,

Песенку запел.

Он изумился своим рифмам и пошел разыскивать Петю Сапронова: до сих пор подбирать рифмы умел только Петя Сапронов. Володя Горчаков стихи считал ерундой, но свое стихотворение ему понравилось.

Витя Шмелев в этот день возвращался из школы с Димой Звягинцевым. Дима, высокий, плечистый, в синих брюках галифе, ватной куртке и круглой кубанке, шагал широко, по-мужски. Витя семенил рядом, не спуская со своего нового друга счастливого взгляда, и выкладывал все, что было за душой.

Он рассказал, что обязательно сконструирует детекторный радиоприемник, спросил, не нужен ли Диме паяльник: у него все равно один лежит зря, обещал сегодня принести Диме полный комплект журнала

"Техника молодежи" за 1940 год. Витя жаждал дружбы!

А когда вечером он пришел к Звягинцеву, тот играл в шахматы с каким-то большим парнем; другой такой же большой парень стоя наблюдал. По висевшим в углу шинелям Витя догадался, что Димины друзья - ремесленники. Дима покраснел и сказал Вите: "Положи на стол", даже не взглянув на кипу журналов, завернутых в газету. Витя понял: он стесняется перед ремесленниками такого маленького товарища и хочет показать, что это и не товарищ, а так просто зашел соседский мальчишка. Мучаясь от стыда и разочарования, Витя наблюдал за шахматными ходами, крепко прижимая к груди спрятанный под пальто новый паяльник, который принес подарить Диме. Он решил подарить ему новый, а старый оставил себе. Так он долго стоял, а три больших мальчика не обращали на него никакого внимания.

Наконец Витя сказал:

- Ну, я пошел.

Дима догнал его на лестничной площадке, красный, как вареный рак.

- Эй, Витька! - позвал он, оглянувшись, прикрыта ли дверь. - Приходи когда-нибудь после. Это ребята с нашего двора. Придешь завтра?

- Ладно, - буркнул Витя, стыдясь за себя и за Диму, и помчался по лестнице, придерживая под пальто паяльник.

А в школе, когда Володя Горчаков, по привычке всех задирать, запел: "Шмелишка-трусика за спину залетел", Витя так яростно на него набросился, что на этот раз Горчакову пришлось спасаться бегством.

Мир между ними не мог быть восстановлен. Витя Шмелев не нуждался в друзьях. Сейчас он вспомнил все это и так громко вздохнул, что мама услышала.

- Витя, ты опять рано проснулся? Ты здоров?

Витя кашлянул. Он кашлянул безо всякой цели, но в голове его мелькнула мысль: если бы немножко поднялась температура, мама оставила бы его дома.

Он закашлялся сильнее, хотя для этого пришлось поднатужиться. Мама накинула халат и подошла к кровати:

- Дай-ка попробую лоб. Болит где-нибудь?

- Нет. Вот здесь колет немного.

Он приложил наугад мамины пальцы к боку, где кончается последнее ребро.

- Здесь? Ну, здесь пустяки.

Витя уткнулся лицом в подушку и кашлял, кашлял. Он так старался, что весь вспотел, и все это для того, чтобы не идти сегодня в школу.

Его мама, Анна Игнатъевна, догадалась, в чем дело.

- Отчего ты такой лентяй? - спросила она, начиная одеваться, потому что спешила на работу. В комнате сыро. На окнах намерз лед, валенки на батарее почти не согрелись. - Ты совершенно здоров, но сегодня, пожалуй, холодно в коротких штанах, - сказала Анна Игнатъевна. - Кстати: мне дали ордер на брюки.

От радости Витя принялся выкидывать такие номера на кровати, что мама стащила с него одеяло и велела вставать. Она не понимала, почему Витя рад любому случаю отвертеться от школы.

Он обещал выучить три лишние страницы по истории.

- И еще нам велели повторять, - говорил он в порыве усердия. - Я повторю Двуречье, хотя там ничего интересного нет. Только сады Семирамиды. Из-за садов приходится все Двуречье учить.

Анна Игнатъевна шла к трамваю и думала: она потекает Витиной лени. Она неверно его воспитывает.

Но когда по утрам они вместе выходят из дому и Витя повертывает в переулок к школе, а она смотрит ему вслед, сердце ее сжимает печаль. Он так медленно идет в школу! Голова втянута в плечи, сумка хлопает сзади по спине. Иногда, не выдержав, Анна Игнатъевна догоняет Витю, чтобы поцеловать лишний раз на прощание. Он вертит по сторонам головой и сердито бормочет:

- Иди, мама, иди!

Он ни за что не позволял поцеловать себя на улице.

Анна Игнатъевна стояла на задней площадке вагона, ветер резал лицо, от мороза заиндевели волосы, но она не замечала холода, горько вспоминая о том, как счастлива была только два года назад, когда жив был Витин отец. Какая шумная у нее была семья. А теперь муж убит, дочка умерла, остался один Витя. Надо сходить в школу. Что его там отталкивает? Что за учителя не видят: с мальчишкой неладно! Матери на работе, отцы на войне, а они знать не хотят ничего, кроме садов Семирамиды. Что за учителя!

Витя между тем, проводив мать, расположился готовить уроки. Но усердие оставило его, едва он раскрыл учебник древней истории. Все эти Навуходоносоры порядочно ему надоели. Кроме того, пока мамы нет дома, надо закончить важное дело. Витя пощупал магнит и подложил на дощечку еще один гвоздик, чтоб увеличить груз. Магнит не к спеху, пусть повисит.

Витя вынул из сумки геометрию. На прошлом уроке Анастасия Дмитриевна объясняла ломаные линии, но сейчас ломаные линии Вите ни к чему: ему нужен центр окружности. Он полистал учебник. Так и знал, что где-нибудь объясняется, как найти центр окружности. Далеко, на пятьдесят

девятой странице учебника.

Витя довольно долго провозился с геометрией, зато уяснил, как провести хорды и в пересечении перпендикуляров, опущенных на них, найти центр. Витя хотел научно сделать диффузор для радио. Все ненаучные способы он отвергал. Он расстелил на полу лист толстой бумаги и на всякий случай взял из стола папин циркуль.

Витя торопился делать диффузор. Ему очень хотелось, чтобы сегодня вечером мама слушала радио. Сидели бы и слушали. Теперь у них будет новый репродуктор с диффузором из толстой бумаги, выкрашенный в зеленый цвет. Конечно, цвет не имеет влияния на звук, но на всякий случай Витя решил проверить. Он поставил диффузор подсушиться на батарее и поискал в сумке учебник физики. Учебника не было. Витя вспомнил, что отдал его Лёне Шибанову. Однако надо было проверить.

И он принялся разбирать книги на папиной полке. С книг летела пыль их никто не трогал вот уже два года.

Он нашел у папы учебник практической физики и там, в разделе "Звук", натолкнулся на такое открытие, что от волнения у него похолодела спина. Витя узнал, как записывается звук. У него дрожали руки, когда он заводил патефон. Витя не мог дождаться, когда кончится пластинка. Пластинка кончилась, но он не успел ничего крикнуть в мембрану. Забыл придумать. Пришлось заводить снова.

- Ура! Ура! - крикнул Витя.

Он повторил пластинку и, как из-за прикрытых дверей, услышал свой далекий голос:

- Ура! Ура!

Он завизжал от восторга. Для полного счастья не доставало друга, с которым можно поделиться открытием.

Если бы Володька Горчаков не задибался, Витя побежал бы завтра в школу и рассказал ему все. Он завел новую пластинку и в конце накричал на нее:

- Володька Горчаков дурак!

Так он четыре раза записал про Володьку Горчакова. Оставалась одна пластинка. Наклонившись над мембраной, Витя крикнул:

- Володька, если бы ты не приставал, мы стали бы дружить!

Но эта пятая пластинка разбилась. Витя обернулся случайно, и пластинка выпала у него из рук и разлетелась на куски. В дверях стояла классная руководительница Мария Кирилловна.

- Здравствуйте... - пролепетал Витя, подбирая осколки с пола. - Мария Кирилловна, я не пришел в школу потому, что мама сказала, холодно без

брюк. Мама сегодня купит брюки. И ребята дразнятся, что у меня короткие штаны.

Он и не заметил, как свалил свою вину целиком на других.

- Что ты делаешь? - Мария Кирилловна указала на патефон. - А ну-ка, заведи, - попросила она.

Витя не понял, почему Мария Кирилловна не бранит его за то, что он пропустил школу. Должно быть, заинтересовалась звукозаписью, а бранить будет после. Он завел пластинку.

Мария Кирилловна наклонилась над мембраной и услышала издали тоненький голосок:

- Володька Горчаков дурак!

Она хотела выслушать все четыре пластинки с его записью, где он всячески ругал Володьку Горчакова. Она была удивлена и отчего-то расстроена.

Теперь Витя наверняка знал: не миновать ему единицы за поведение. Он опустил голову с тем замкнутым видом, за который мама называла его дичком. Пусть делают что хотят. Хоть выгоняют из школы!

- А это что? - спросила Мария Кирилловна, увидев на батарее зеленый бумажный колпак.

Витя объяснил.

- Ты из-за Горчакова не пришел сегодня в школу? - неожиданно спросила Мария Кирилловна.

Витя возмутился. Будет он прятаться от Володьки Горчакова! Он не пришел потому, что утром кашлял.

Она смотрела на него испытующим взглядом:

- Как жаль, Витя, что ты не любишь школу!

Наступила его очередь изумляться. Откуда Мария Кирилловна узнала? Он никому не говорил, даже маме.

Он пробормотал бессвязно:

- А я что... Я и не думал. Мама принесет вечером брюки, я завтра приду.

- Смотри же, приходи, - сказала Мария Кирилловна.

Витя так и не понял, поставят ему единицу или нет.

Глава 34

"...Люди, влюбленные друг в друга, в эту жизнь, начатую ради другой жизни - красивой, бодрой, честной..."

Так Маша записала в тетради, когда готовила свою последнюю курсовую работу. Совсем недавно и в то же время очень давно.

Вечером, после встречи с Витей Шмелевым, она открыла старенькую

тетрадку (сколько дум связано с ней!) и вновь пережила былое воодушевление. Горький! Он многому научил ее в ту трудную ночь, когда за окном, вдоль обледенелых улиц, со свистом летела метель, в постели чуть слышно дышала мать и голова кружилась от голода.

Люди, влюбленные друг в друга и в жизнь!

Пусть скорее приходит завтрашний день, школа! Маша знала, что скажет ребятам.

Институтский портфельчик выглядел в это утро обычно, он не стал толще оттого, что Маша положила в него лишнюю тетрадь.

Последним уроком у шестиклассников была история. Маше пришлось подождать один час. Не зная, куда девать себя на это время, она зашла в учительскую, где, как обычно, склонившись над столиком, все ящики которого запирались на ключ, Евгений Борисович ломал свою маленькую голову над расписанием, планами и всякого рода отчетами.

- Слушаю вас, - проговорил он, не видя, кто вошел.

Маша ответила: "Здравствуйте", а Борисов, который помнил все, что согласно составленному им расписанию, следовало делать каждому учителю, сообщил:

- В вашем классе сегодня пионерский сбор.

- Да.

- О чем вы намерены провести беседу?

Не дожидаясь ответа, он сам изложил те вопросы, которые надобно Марии Кирилловне поставить перед классом: дисциплина, опрятность и благопристойное поведение на улицах. Так и сказал: "благопристойное поведение на улицах".

Все, что говорил или делал Евгений Борисович, было до такой степени правильно, что только чудовищная глупость отважилась бы вступать с ним в спор.

Маша поскорее оставила учительскую и, накинув пальто, постояла на крыльце, стараясь вернуть то высокое и вместе строгое чувство, с которым шла сегодня в школу.

Крупные хлопья снега летели с неба, падали на щеки и волосы, ложились на ветви деревьев, крыши домов.

Земля стала белой. Маша протянула ладонь и поймала летящую снежинку. Снежинка растаяла, а Маша, услышав звонок, поторопилась в класс.

В волосах ее и на ресницах блестели капельки - следы снега. Взглянув на учительницу, Витя Шмелев вдруг понял, что ему не поставят за поведение единицу.

- Ребята, - сказала Мария Кирилловна, - я хочу вам рассказать одну историю.

Сколько ни читала Маша методик и пособий, нигде, ни в одной книге не прочла бы она, как помочь не какому-нибудь мальчику вообще, а именно Вите Шмелеву подружиться с Володей Горчаковым.

"Зачем? Сантименты!" - сказал бы Борисов, привыкший во всех мальчишеских дружбах чувствовать что-то скрыто враждебное школьным устоям и ему, Евгению Борисовичу Борисову, лично.

Зачем? Маша знала. Нельзя, чтобы мальчик чувствовал себя в школе сироткой. Чтобы, входя в класс, втягивал голову и тоскливо бегал глазами, словно пойманный в клетку зверек. Как ей учить своих шестиклассников свободе и смелости, если кто-то таится в страхе и ждет тумака? Оттого только, что ко двору не пришелся. Скажите, как?

Маше казалось, она точно знает, что надо делать сейчас, на сборе.

Она вынула из портфеля старую тетрадку.

"Буря! Скоро грянет буря!"

Маша прочитала ребятам дневник тети Поли. Ребята узнали историю дружбы, которая началась с борьбы против инспектора Златопольского и окрепла в борьбе за Советскую Родину. Маша рассказала ребятам, как еще гимназистами, прячась от инспектора Златопольского, друзья читали революционные книги, как в семнадцатом году сражались за Советскую власть, как Аркадий Фролович вынес из боя раненого друга, как вторично все они ушли воевать против фашистов. Иван Никодимович вернулся без рук, и не осилить бы ему своей беды, но тетя Поля сказала: "Верность в счастье, верность в беде".

Это был девиз их дружбы и юности. Они помнили его всю свою жизнь. Помнила учительница Пелагея Федотовна.

Маша рассказала, что случилось с Сергеем Бочаровым в лунную ночь на опушке осинової роци.

В одиночку встретил врага, не дрогнул, не отступил, отстоял рубеж, не бросил товарища! "Верность в счастье, верность в бою!"

На улице стемнело, когда она кончила. В классе тоже темно. Кто-то повернул выключатель. Комната озарилась тусклым светом.

Вдруг Шура Матвеев, отличник, который всегда чем-нибудь отличался, сказал:

- А я знаю Сергея Бочарова.

Все обрадовались, закричали, захлопали крышками парт.

Ребята шумели потому, что Сергей Бочаров есть на самом деле, значит все, что рассказывала Мария Кирилловна, не выдуманно, а было в

действительности, и это было очень радостно.

- Откуда ты его знаешь? - кричали ребята. - Какой он?

- Я собираю портреты и статьи из газет о Героях Советского Союза. О Сергее Бочарове тоже вырезал из газеты. Завтра принесу показать.

Шура Матвеев гордился; ему представлялось, что из всех Героев больше всего он любит теперь Бочарова.

- Где сейчас инспектор Златопольский? - спросил Володя Горчаков. Расправиться бы с этим гадом! Вырвать усы!

Ребята страшно досадовали, что инспектор Златопольский скрылся и никто ему не отомстил. Тут тихий и застенчивый Леня Шибанов, который за уроком никогда с первого раза не понимал объяснения, вдруг заявил:

- Я видел инспектора Златопольского.

Это было уж чересчур. Все, конечно, догадались, что Шибанов сочиняет из зависти к Шуру Матвееву.

Шура видел портрет Сергея Бочарова, Шибанову тоже захотелось увидеть хоть кого-нибудь - вот он и вообразил, что видел инспектора Златопольского.

- Наверно, во сне, - посмеялся Володя Горчаков.

- Нет, в жизни, - настойчиво ответил Шибанов. - Один раз в начале войны, когда еще были бомбежки, я иду по улице и вдруг вижу человека с длинными усами. Он спросил, где здесь газовый завод. Я говорю: "У нас в Москве нет". Я сразу понял, что инспектор Златопольский стал шпионом.

- Ха-ха-ха! - захохотал Володя Горчаков. - Ведь ты только сегодня услышал про инспектора Златопольского!

Леня Шибанов смутился. Он не знал, как оправдаться.

- Все-таки так могло быть.

Наступил вечер.

- Пора домой, - сказала наконец Маша.

Но ребята толпились возле учительского стола.

Только Володя Горчаков, перекинув через плечо сумку, вышел из класса. Он вспомнил вчерашнюю историю и нехотя побрел домой.

Вчера после школы, катаясь на коньках в своем переулке, Володя нечаянно выехал на улицу Горького и там увидел зенитки. Их куда-то везли. "Значит, салют", - понял Володя, удивившись, почему до сих пор не попробовал пробраться в то место, откуда пускают ракеты. Он развязал конек и бросился догонять зенитки. Их не было и следа, когда он примчался на площадь Маяковского. Менять решение было не в характере Володи Горчакова. Он мигом спустился в метро и приехал на станцию "Динамо".

Здесь он долго блуждал, разыскивая батарею. Вдруг совсем в противоположной стороне загрохотали зенитки, над крышами взлетели ракеты. Володя забрел так далеко, что целый час разыскивал обратную дорогу в метро. Дома ему порядком влетело. Мать сказала.

- Ты меня в гроб вгонишь, я это чувствую!

А Василий, старший брат, который работал техником на оборонном заводе, пригрозил:

- Если завтра сразу после уроков домой не вернешься, смотри у меня!

"Смо-о-три! - с досадой думал Володя. - Только и знают грозить!" Он все же поторапливался, чтобы Василий опять не рассердился, и в переулке возле "ежей" остановился на одну только минутку, и то по привычке, без какой-нибудь цели. Здесь обычно происходили сражения со Шмелем.

Витя Шмелев мог возвращаться из школы другим переулком, но он знал, что Горчаков ждет его у "ежей" со снежками в руках, и ноги сами несли его прямо на эти "ежи". Володя обернулся и увидел Шмелева. В первый раз за все время Володе захотелось притвориться, что не заметил Витьку. На что бы проще идти себе вперед, не оглядываясь! Но почему-то он не шел, а стоял и, дождавшись, пока Шмелев с ним поравнялся, сказал неожиданно для себя:

- Витька! Давай перемирие на неделю.

- Давай! - ответил Витя.

Володе стало так весело, что он забыл про взбучку, которую Василий ему посулил, если задержится без дела после уроков.

Он хотел спросить, что думает Витя о Сергее Бочарове, но не успел открыть рта, как рядом с ними словно из-под земли вырос человек с длинными, повисшими усами. Человек не посмотрел на мальчишек - какой ему интерес на них смотреть! - а они переглянулись.

- Он! - сказал Володя.

- Ведь он рыжий, - шепнул Витя, волнуясь, но безрассудная смелость уже подхватила его. Он готов был на все.

- Дурак ты! - так же волнуясь, ответил Горчаков. - Был рыжий, а через тридцать лет поседел.

И они, не стовариваясь, пошли за этим человеком, у которого шинель свисала с плеч так неловко, а походка была такая развалистая, что не оставалось сомнений - этот человек никогда не был военным.

- Замаскировался, старый черт! - пробормотал Володя Горчаков.

Они следовали за ним на расстоянии десяти шагов. Человек обернулся. Они замерла на месте, и это было ошибкой. Он догадался, что за ним следят. Они поняли это, когда усаый человек вдруг остановился

рассматривать на стене афишу, хотя каждому ясно: в темноте на афише ничего нельзя разобрать. Володя Горчаков вмиг притиснул Витю к водосточной трубе; они спрятались. Володя шепнул:

- Встретить бы милиционера!

Но в глухом переулке не было ни одного милиционера. Проплелась старушка, пробежали две девочки. "Инспектор Златопольский" постоял у афиши и двинулся дальше. Мальчики крались за ним. Неожиданно он свернул в проходной двор. Здесь он мог их убить. Он обернулся так же внезапно, как в первый раз. Витя ясно увидел, как он положил руку на кобуру револьвера. Забыв осторожность, они остановились словно вкопанные.

И вдруг безотчетно Витя Шмелев сделал шаг и встал впереди Горчакова. Витя не мог вполне прикрыть друга, потому что был на целую голову его ниже. Он приподнялся на цыпочки. В сердце его был ужас, он зажмурил глаза.

- Бежим! - каким-то сиплым голосом сказал Володя.

Открыв глаза, Витя увидел, что человека во дворе нет. Они пробежали двор, но и на улице "инспектора Златопольского" не было: словно провалился.

- Он никуда не мог скрыться, только в этот подъезд, - сказал Володя, открывая дверь.

И действительно, человек поднимался по лестнице.

Он миновал первый пролет, второй и позвонил в какую-то квартиру. Никто не отвечал.

Человек сел на ступеньку. Все это было дико и странно. Мальчики тоже сели на ступеньку этажом ниже, тесно прижавшись друг к другу.

Сейчас, на лестнице, освещенной синей лампочкой, им стало страшнее, чем на улице. Можно одному побежать в милицию, но у кого хватит смелости сторожить "инспектора Златопольского" в одиночку! Они сидели, крепко прижимаясь друг к другу, и ждали, что с ними будет.

- Наверно, кто-нибудь по лестнице пойдет, - сказал Володя Горчаков.

И вот внизу тяжело хлопнула входная дверь, послышались чьи-то быстрые, веселые шаги. Шел человек молодой - это можно было угадать по шагам. Они увидели Марию Кирилловну.

Витя Шмелев приложил палец к губам:

- Тс!.. Там инспектор Златопольский.

- Что-о? - спросила Мария Кирилловна, отстранила мальчиков и побежала вверх по лестнице.

Мальчики услышали громкий вскрик наверху и, забыв страх, кинулись

выручать учительницу. И что же? Обняв усатого человека за шею, учительница целовала его, хохотала, не могла выговорить слова от смеха.

- Ну-с, - проговорил усатый человек, обращаясь к мальчикам, - а теперь объясните: с какими намерениями вы гнались за мной и что вам угодно?

- Аркадий Фролович! Аркадий Фролович! - сквозь смех повторяла Мария Кирилловна.

Володя и Витя сообразили, какого свалили дурака. Перед ними стоял тот Аркадий Фролович, о котором они только что слышали рассказ, который в восемнадцатом году воевал с немцами на Украине и однажды после боя всю ночь искал раненого друга и спас ему жизнь.

Мальчики разглядывали Аркадия Фроловича во все глаза. Это он придумал девиз: "Верность в счастье, верность в беде".

Он казался обыкновенным, даже некрасивым и ничуть не похожим на героя. Шевелил густыми, словно наклеенными бровями и, пока Мария Кирилловна искала в сумочке ключ от двери, сердито спрашивал:

- Если человек день и ночь трясется в санитарном поезде и попал проездом в Москву, имеет он право хоть раз выпить чаю, сидя на стуле, который не качается из стороны в сторону?

Глава 35

Аркадий Фролович пил крепкий, черный чай с медом из Владимировки, который еще велся у Маши, и весь вечер, по обыкновению, ворчал. Он всегда находил повод к чему-нибудь придраться: бранил разные непорядки, каких-то людей и особенно своего приятеля, директора поликлиники. Приятель намекнул Аркадию Фроловичу: можно-де похлопотать о том, чтобы остаться работать в Москве.

Рассыпая всюду пепел из трубки - на скатерть, на пол, на колени, двигая седыми бровями, Аркадий Фролович так сердился и фырчал, словно Маша была повинна во всем, что ему не нравилось.

- Покровитель нашелся! А ведь, бывало, ночи напролет философствовали. Что ты скажешь - как люди меняются! Нет уж, если ты солдат, так солдат. Откомандировали с фронта в санитарный поезд, велели ездить - езжу. Но если тебя приглашают занять удобное место в тылу и кивают при этом на дружбу, благодарю вас: я отказываюсь. Мне нравится мое купе в санитарном поезде. А вы - как угодно.

Наворчавшись и выпив четыре стакана черного чаю, Аркадий Фролович спросил:

- Как мама?

- Постарела. Никак не оправится после папиной смерти. Но сейчас

ухаживает за дядей Иваном, и ей легче.

Аркадий Фролович затянулся и, выпустив облако дыма, такое густое, что Маша и теперь удивилась, как удивлялась этому фокусу в детстве, побарабанил пальцами по столу:

- Странно, человеку всегда надо знать, что он нужен... Ну, а ты?

Маша задумалась.

- Я, Аркадий Фролович, несчастна и счастлива одновременно.

Он задумчиво выпустил облако дыма.

- Понимаю. Эти твои мальчишки - в самом деле забавный народ. Но разве Митя Агапов, которого я нашел под Сталинградом, снова пропал?

В первый раз перед Машей поставили прямо этот вопрос. После встречи в госпитале никто никогда не спросил ее, где Митя? А она и хотела бы спросить кого-нибудь, где он, но кто ей ответит?

- Аркадий Фролович, - сказала она, собирая ножом на клеенке крошки и пристально разглядывая их, - я не знаю, где Митя, никогда не узнаю. Аркадий Фролович, у меня есть жених - Сережа Бочаров.

Аркадий Фролович нахмурился, пепел из его трубки рыхлой кучкой упал на блюдце.

- Гм!.. Почему Сергей Бочаров твой жених?

- Вы сами сказали, - ответила Маша, продолжая рассматривать хлебные крошки, - человеку надо знать, что он кому-нибудь нужен.

Аркадий Фролович набил новую трубку и долго молча курил. Он налил пятый стакан поморщившись, потому что чай остыл.

- Не спорю. Не вмешиваюсь, - сказал он, отодвигая недопитый стакан. Но может случиться, что сердце взбунтуется, и тогда все эти теории полетят к чертям.

Маша покачала головой и ответила печально и твердо:

- Нет, со мной этого не может случиться.

В тот же вечер Аркадий Фролович уехал. Никогда раньше не прощался он с Машей так нежно. Откинул со лба волосы, неловко погладил, уколол щеки усами.

- Очень жаль, если ты что-нибудь напутала.

Он уехал, а Маша, положив голову на стол, долго плакала, сама не зная о чем. И все же она была счастлива.

Это было счастье. Никаким другим словом нельзя определить то ощущение полноты и значительности жизни, которое Маша непрестанно носила в сердце.

Она не могла назвать свой труд тяжелым, потому что он доставлял ей радость. Она страдала от своих промахов, но, так как причины всех ошибок

находила в себе, бодрость ее не оставляла.

Часто идя на ощупь и часто совершая ошибки, не уверенная достаточно ни в чем и во всем сомневаясь, Маша чувствовала в себе какую-то внутреннюю силу и смелость. Борисову, утомленному вечной заботой о том, как бы не уронить достоинства, эта внутренняя независимость Маши казалась оскорбительной дерзостью. Дерзостью было то, что она не просила у него советов, хотя он убедился, как она неопытна и неумела, и то, что глаза ее всегда возбужденно блестели, хотя он не видел причин для этого радостного оживления.

Борисов недоумевал: он думал о Маше больше, чем хотел, и не любил ее, как не любил все, что оставалось ему непонятным.

Маша старалась вовсе не думать о Борисове.

На следующий день после пионерского сбора, когда Маша пришла на урок, в классе царила та особенная тишина, в которой скрывалась какая-то тайна. Маша медлила над журналом, стараясь разгадать, что затеяли ребята.

Подняв глаза, она увидела на стене портрет Сергея Бочарова. Фотография была плоха и не отражала той доброты и естественности в выражении лица, которые хорошо знала Маша. Но все же это был Сергей Бочаров. Он вошел в класс и поселился в нем навсегда. Всякий раз, поднимая глаза, Маша будет встречаться с ним взглядом.

"Верный друг, здравствуй!" - подумала Маша, а в классе поднялся такой рев, что хоть беги вон.

В самый разгар шума и гама появился директор. Класс мгновенно утих. Мальчишки готовы были принять любую кару за буйство, но подводить учительницу никто не желал.

Директор присел на свободную парту. Словно по команде, лучшие ученики протянули руки, порываясь отвечать. Они знали, что каждому учителю нравится спросить при директоре хорошего ученика, и спешили на помощь Марии Кирилловне. Но Мария Кирилловна не стала спрашивать. Она раскрыла книгу и прочитала детям былинку об Илье Муромце.

У Маши был продуманный план, оставалось разыграть урок, как по нотам. Но могла ли она предугадать, какие изменения внесут в этот план ее беспокойные шестиклассники?

С того момента, как Володя Горчаков прямо с порога направился к Витиной парте и, шлепнув сумкой Леню Шибанова по плечу, приказал ему перебираться на свое место, Витя почувствовал себя в классе спокойно и весело. Ничто больше не тормозило его изобретательный ум. Поэтому,

когда Маша прочитала о подвиге Ильи Муромца у богатырской заставы, именно он высказал мысль, которую все его одноклассники приняли с одобрением.

- Если написать былинку, как Сергей Бочаров сражался один с двумя ротами немцев, тогда все узнают, что Сергей Бочаров и есть настоящий богатырь, только не древнерусский, а советский. Он в точности похож на Илью Муромца. Как Илья Муромец, он крестьянский сын, из деревни Владимировки, но советский богатырь.

Петя Сапронов был поражен. Петя не мог простить себе, что не он первый сделал это открытие. Его толстые губы зашевелились, но он успел придумать только две строчки:

Жил Сергей Бочаров двадцать лет,
Жил Сергей Бочаров да прославился.

Класс опять зашумел. Вернее сказать, ребята заорали во все горло, совершенно позабыв о директоре. Петя Сапронов волен сочинять любые стихи, но, если взялся за былинку про Сергея Бочарова, это касалось всех. Каждый хотел принять участие в творчестве.

Даже робкий Леня Шибанов, запинаясь, сказал:

- А главное, напиши, что Сергей Бочаров не оставил в беде своего друга.

Они подробно обсудили характер и подвиг богатыря, а кстати и особенности былинного стиля. Теперь Пете Сапронову ничего не стоило написать былинку.

Однако Маша не знала, что думает о ее уроке директор. Если бы на его месте был Евгений Борисович, наверняка Маше влетело бы. На всякий случай, чтобы избежать разговора, она попыталась проскользнуть незаметно мимо кабинета директора, но он увидел ее через раскрытую дверь:

- Зайдите-ка, куда вы убегаете?

"Неужели и он будет бранить меня за плохую дисциплину?" - подумала Маша.

У директора был наблюдательный глаз.

- Кое-чему вы уже научились, Мария Кирилловна!

Вот и все, что он сказал Маше. Она выбежала на школьный двор и зажмурилась от света.

Выпал снег. Не узнать школьный двор - такой чистый и тихий. Такой белый! Жалко ступать на занесенную снегом дорожку, оставляя следы. Маша вышла за ворота, и здесь на миг земля, небо, снег, пушистая бахрома проводов, трамвай и крыша соседнего дома с нависшим, как козырек

фуражки, сугробом - все завертелось перед ее глазами. Она прислонилась к решетке, чтобы не упасть, - внезапная слабость подкосила ноги. "Не может быть! Мне снится!" - подумала Маша.

У решетки стоял Митя Агапов.

Закончился последний урок. Словно шум прибоя, из школы донесся гул голосов. Скоро снежки, как белые птицы, пересекли по всем направлениям двор. Сейчас ребячья толпа хлынет за ворота.

У Маши дрожали ноги от слабости. Что это? Новое горе или счастье нежданно поразило ее?

- Маша, пойдем, - сказал Митя, спеша увести ее, пока школьники не кончили во дворе сражение.

На перекрестке, пропуская трамвай, они остановились. Митя быстрым движением поднес руку Маши к губам.

Они пришли к памятнику Пушкину и здесь сели. Поднялся ветер, в несколько мгновений заострив гребни сугробов. Снег тучей взвился над землей, ветер гнал поземку, с проводов и деревьев осыпалась пушистая бахрома, низко нависло мглистое небо. Начиналась метель. Митя грел в ладонях озябшую Машину руку. У нее расстегнулся воротник пальто, снежинки падали на ее голую шею и таяли.

- Маша! Я виноват перед тобой. Прости меня, - сказал Митя.

Он почувствовал, как в его ладонях вздрогнула и ослабела ее рука, и заговорил возбужденно. Его горячность поразила Машу. Он всегда был сдержан, даже суховат, молчалив.

- Маша! Я не смею, не хочу ни в чем тебя упрекать. Забыла ты меня или нет, думаешь ли обо мне - все равно. Я пришел к тебе, чтобы сказать одно: прости меня за то, что было тогда, в госпитале. Прости! Простила?

Она молча наклонила голову.

- Тебе трудно говорить со мной, Маша? Ты от меня отвыкла? - грустно спросил Митя.

Нет, она не потому молчала. Она знала теперь, что такое горечь раскаяния. Прав Аркадий Фролович. Маша, Маша, как обидно ты напутала в своей жизни! Зачем, почему могло это случиться? Как теперь быть?

- А я зашел в институт, - говорил Митя, стараясь в сумраке разглядеть ее лицо. - наших никого уже нет. Все новые. Посидел на лекции. После войны... да, тогда уж... А сейчас я ведь снова, Маша, на фронт...

Опять она ничего не ответила, только ниже нагнула голову.

- После твоего отъезда я долго лежал в госпитале. Потом меня назначили в резервную часть, все из-за простреленного легкого. Теперь отправляют на фронт... Маша, ну скажи мне хоть одно слово! - стараясь

казаться веселым, просил Митя.

Должно быть, он ни о чем не догадывался. Маша видела: он не догадывался. Милый Митя! Милый, любимый! Он думает: их разделяет только размолвка в госпитале. Должно быть, никак не поймет, почему Маша так подавленно и горько молчит.

- Ты знаешь, Маша, - снова заговорил он, - я весь год писал тебе письма. Писал и рвал. Так ругаю себя сейчас! Зачем я это делал? Маша, жизнь - сложная штука. Не нужно ее усложнять. Давай решим все серьезно и просто. Я тебя люблю. Ты меня раньше тоже любила... Да, вот что я еще тебе не сказал, Маша... Я уже неделю живу здесь, в Москве, каждый вечер приходил к твоему дому, один раз даже поднялся на лестницу. Однажды я видел - ты шла в школу. А вчера я увидел тебя еще раз. Ты стояла на крыльце школы с непокрытой головой, снег падал тебе на волосы. Потом ты ушла, я ждал до позднего вечера. Наверно, ты вышла через другую дверь. Сегодня последний день - мне уезжать, и я решился. Как я рад, что решился! Машенька, условимся с тобой на всю жизнь: не будем больше играть в самолюбие. Все серьезно и просто... Что ты молчишь? О чем ты молчишь?

- Что мы наделали, Митя! - ответила Маша. - Что мы с тобой наделали!

Он не понял и с удивлением смотрел на нее. Ожидание какой-то беды испугало его. Он выпустил ее руку, достал из кармана пачку папирос и попытался зажечь спичку. Маша встала, чтоб загородить Митю от ветра. Он закурил и тоже встал.

- Объясни мне все прямо, - сказал он, боясь и надеясь, что ничего не случилось.

- Митя, слишком поздно... - Губы Маши на холоде с трудом шевелились. - Если я виновата...

- Что? - прервал Митя. Он снова взял в руки ее озябшую руку, с которой она потеряла перчатку. И таким горем и нежностью наполнилось его сердце, что он не мог сказать ничего путного и только повторял: - Я виноват... Я один...

- Я связана словом, - ответила Маша. - Нам нужно расстаться.

- Что такое ты говоришь, Маша? - спросил он потерянно. - Ты, наверно, пошутила. Разве так шутят? Мы узнали цену ошибкам. Два раза ошибаться нельзя.

Она стояла, не поднимая глаз, и все яснее, с ужасом сознавала непоправимость того, что случилось.

- Объясни, Маша!

- Митя, я его знаю давно. Он давно меня любит. Если бы он тогда уезжал не на фронт... Страшно было отпустить его несчастным на фронт. Я чувствовала, если отвечу "да", это поможет ему там. Пойми, с тобой было порвано... Незаметно он сам стал мне нужен. Я привыкла к его письмам, в самые трудные минуты я знала: есть друг. "Будь такой же, как он", подбадривала я себя. А недавно получила письмо. Сергей пишет: "Ты помогаешь мне воевать". Митя! Скажи сам, что делать? Как написать? "Сергей, я не жду тебя больше, потому что Митя вернулся. А слово, которое я давала тебе, - ничтожная мелочь, забудь!" Это написать? Меня замучает стыд, я не буду счастлива, Митя. Уходи! Ты все понял...

Митя не отвечал.

- Решай! Решай ты! Скорее решай! - не помня себя, вдруг закричала Маша. - Говори, Митя. Как ты скажешь, так будет.

- Так нельзя написать, - угрюмо сказал он. - Я уйду. Вот я и поплатился. Ну что ж, прощай. Он хороший человек, твой Сергей?

- Хороший... Митя!

- Что?

- Прощай!

Он повернулся и быстро пошел к трамваю, все ускоряя шаг.

Маша видела приближающийся фиолетовый огонек. Она стояла и ждала. Вот наконец она различает букву "А". Трамвай подошел к остановке. Осталось вытерпеть одно мгновение, пока трамвай уйдет.

Но в это последнее мгновение что-то, что было сильнее Маши, ее рассудка и воли, толкнуло ее, и она побежала. Трамвай был далеко, когда она подбежала к остановке.

Ни одного человека кругом.

Словно высохшие листья, шуршал о рельсы снег.

Глава 36

Наступили школьные каникулы. Оглядываясь на прожитые в Москве месяцы, Усков убедился в том, что сделал меньше, чем мог и хотел. Правда, он давно уже стал необходимейшим в институте человеком, общественная его активность не остыла. Но своими академическими делами Усков был недоволен.

В области древней литературы он не сделал пока ни одного принципиально важного открытия. Усков не сделал открытия потому, что жизнь его утратила равновесие. Как лодка, выброшенная ветром в открытое море, то взлетает на гребень волны, то падает вниз, - так жил Усков.

Короче говоря, Усков был влюблен. Он был влюблен так откровенно и бесхитростно, так не умел скрывать свои печали и радости, что скоро все

узнали о его любви.

Узнала старая няня, которая, опустив на кончик носа очки, целые дни вязала в раздевалке чулок. Узнали в учительской, узнал директор.

- Набрали мы в этом году молодежи, - сказал директор, - хлопот с ней полон рот.

- Да, боюсь, что мы допустили ошибку, - осторожно ответил Борисов, имея в виду Марию Кирилловну.

"Посмотрим, не допустили ли мы действительно ошибку", - подумал директор, направляясь к Ускову. Еще издали услышал он раскаты учительского голоса. Приоткрыл дверь - голос не снизился.

Юрий Петрович стоял не у стола и не посередине комнаты. Он вовсе не стоял, его носило по классу. Он схватил чей-то учебник и стукнул о парту. Восьмиклассники не удивились. Они одобрительно загудели, потому что не могли не признать, что Эраст, обманувший бедную Лизу, - типичный представитель развращенной аристократии.

Директор послушал и вышел.

- Уф! - сказал он. - Столько пыла и красноречия, а вот с Ниной Сергеевной никак не могут договориться.

Беда заключалась в том, что с некоторых пор именно с Ниной Сергеевной Усков терял красноречие. Он произносил, что-то бессвязное или принимался подробно излагать какой-нибудь раздел из древней литературы.

Он провожал Нину Сергеевну переулками до Никитских ворот и, взглядывал украдкой на ее коротенький, покрасневший на морозе носик и черную прядку волос над маленьким ухом, сообщал о том, что существуют такие-то варианты исторических песен об Иване Грозном.

Однажды Нина Сергеевна остановилась и почти со слезами в голосе воскликнула:

- Ненавижу вашу древнюю литературу! - Она топнула ногой и сказала: Не смейте больше меня провожать!

На следующий день она возвратила все его книги. Это было ударом, жизнь потеряла смысл.

Юрий напрасно ждал каникул. Каникулы только увеличили бедствие. Он не мог ухитриться застать Нину Сергеевну в школе. Похоже было, что она его избегает. Работа Ускова о русской повести XVI века безнадежно застряла на месте.

В унынии, небритый, Юрий явился наконец к Маше. Он сел в старое кожаное кресло, настолько глубокое, что колени его пришились почти вровень с носом, поставил к ногам портфель, закурил и мысленно

процитировал ту фразу из Блока, которая все эти дни сопровождала его подобно зловещему аккомпанементу:

Вот новая ноша!

Пока не раскроет могила сырые объятия,

Тащиться...

Усков повторял про себя эту фразу на разные лады и в конце концов стал находить в ней какое-то мрачное утешение. Но сейчас он не рискнул декламировать Блока.

Как ни был Усков погружен в созерцание собственных переживаний, он не мог не заметить перемены, какая произошла с Машей.

Юрий подумал со стыдом, что давно уж ее не видит, не знает, как она живет, хорошо ей или неважно на свете; скорее всего, неважно, а ведь именно он когда-то сказал: "Помни, у тебя есть друг".

"Что же такое с ней? - в тревоге размышлял он, силясь понять то, что поразило его в Маше. - Пожалуй, похудела, но не так уж сильно. Немного бледна, но и это не то".

Новое, что увидел Усков в Маше - во взгляде, в улыбке, когда смеялись одни губы, а глаза оставались серьезными, и даже в позе, даже в движениях, - было угрюмое, сосредоточенное спокойствие. Оно-то и напугало Юрия. Он вспомнил недавние институтские годы, лекции, семинары, кружок по философии и то горячее личное вмешательство Маши в каждое дело, когда так естественно и щедро раскрывалась ее душа. Теперь, за этим странным спокойствием, как за маскировочной шторой, душа ее была непроницаема и глуха.

Так как любой жизненный случай в воображении Юрия вызывал литературные ассоциации, то и теперь он, пораженный, сказал:

- Что случилось с тобой, Маша? Ты похожа на Лизу Калитину, когда она решила уйти в монастырь.

- В монастырь? Нет, и для того времени это был слишком простой выход, - сказала она, подумав.

Юрий был озадачен.

- Ты все еще помнишь Ми... Ми...

Он хотел спросить Машу, неужели до сих пор она мучается любовью к Мите Агапову, но, споткнувшись на первом слоге, выпалил нечто совсем несуразное:

- Ты все еще помнишь Ми... Ми... тот воскресник, когда мы разгружали на станции саксаул?

- Что такое? - удивилась Маша.

Присев на ручку огромного кожаного кресла, в котором утонул Усков,

она сказала:

- Юрочка, не хитри. Признайся лучше: объяснился ты с Ниной или все еще нет?

Едва произнесено было это магическое имя, в сердце Ускова забушевал вулкан, и, перебивая себя стихами Пушкина, Блока, Маяковского, он нарисовал картину такой грандиозной любви, что сам был потрясен и подавлен.

Возвращение Ниной Сергеевной книг было финалом.

- Она вернула тебе книги? - спросила Маша.

- Да, вернула! - мрачно подтвердил Усков.

- И сказала, что ненавидит древнюю литературу?

- Да, сказала. Но ты понимаешь, что дело не...

- И запретила тебе ее провозжать?

- Да, запретила.

- Юрочка, поздравляю! Она в тебя влюблена.

- Повтори! - рявкнул Усков, вскочив с кресла.

- Она в тебя влюблена. Надо быть настоящим бревном, чтобы самому не догадаться.

Юрий поднял портфель, сунул под мышку и шагнул в прихожую.

- Вспомнил одно дело... - пробормотал он в замешательстве. Одной рукой неловко надевая пальто, он спросил: - Ты уверена?

- Да.

- Ты основываешься на своем опыте?

Кажется, он напрасно задал этот вопрос.

- Иди, Юрий, иди. Скажи ей все прямо.

Он выбежал.

Маша осталась одна.

"Неужели и в самом деле ты одна во всем свете?"

Но нет. У нее была школа.

Маша всё любила в школе. Коридоры, полные шума и света, с картинами и портретами великих людей на стенах, свой класс, населенный веселыми и озорными ребятами, учительскую, где она встречалась не только с Борисовым. Пожалуй, с ним Маша встречалась реже всего. Время от времени она выслушивала распоряжения Борисова, и ни одно, самое разумное, ничего не задевало в ее сердце - так вошло в обыкновение Евгения Борисовича обволакивать любое живое дело казенностью и скукой.

То, чем жили учителя, существовало помимо Борисова. После уроков в учительскую ураганом врывалась Нина Сергеевна. Бросив на стол тетради

и книги, она, сердясь или ликуя, начинала громко рассказывать о происшествиях за день. И Маша убеждалась: у Нины происходят события, похожие на те, что и в ее классе. Так же ссорятся, дружат, растут. Машу привлекала открытость, с какой Нина Сергеевна рассказывала о трудностях и своих неудачах.

Маша любила учительскую за то, что здесь редко хвалились победами, чаще привыкли говорить о том, что еще не достигнуто.

Постепенно она начинала понимать, что тон доверия и требовательности к себе в коллективе учителей задается директором. Федор Иванович часто держался в тени, он больше слушал, чем вступал в разговоры. Но когда возникал спор и две стороны не могли договориться, когда Юрий Усков, наступая на Нину Сергеевну, до хрипоты в голосе убеждал ее в том, что "железная" дисциплина во втором "Б" подавляет индивидуальность детей, последнее слово оставалось за директором.

Федор Иванович владел счастливым даром - он умел разглядеть в человеке основное.

"Чем разнообразнее одарены учителя, тем лучше для школы" - такова была точка зрения директора.

Маша помнила, что он однажды сказал, побывав у нее на уроке: "Литература воспитывает чувства".

Угадал ли он в Маше способность заражать мальчиков тем волнением, которое в ней самой вызывало искусство?

"Однако удача на одном уроке может быть и случайной, - заметил директор. - Должна быть система удач".

Очевидно, он все же считал Машин урок о былинах удачей. Это уже хорошо.

Маша присматривалась, слушала и училась, училась.

Немолодая математичка Анастасия Дмитриевна вначале казалась Маше обыденной. Слишком уж скучна была ее внешность! Серенькое лицо, острые плечи, согнутая заботой спина. Между тем шестиклассники успешнее всего занимались именно математикой.

Маша пришла к математичке на урок. Она хотела узнать, каким секретом владеет Анастасия Дмитриевна.

Когда учительница начала объяснять, Маша увидела в глазах мальчиков то внимание, какое на своих уроках знала только в самые лучшие дни. Слушая урок, Маша открыла в учительнице то, что не сразу сумела в ней разглядеть: дисциплину мысли, широту и разнообразие знаний. Бесцветная, плохо одетая учительница была образованнейшим человеком. Вот чем держался ее авторитет в классе!

Маша заметила: на плохую дисциплину чаще жаловались учителя с вялым и нелюбопытным умом, те, что жили запасом когда-то, давно приобретенных и им самим прискучивших сведений. Или желчные люди, подозревавшие в любом ученике злоумышленника. Была и такая учительница. Массивная, словно монумент, высеченный из камня, без души и таланта, с тяжелым подбородком и непреклонным взглядом, она вступала в класс, как на поле сражения. Ежесекундно она готова была к обороне. Смех на задней парте - личное оскорбление учительнице. Шалость - едва не уголовный проступок. Невыученный урок - нарушение патриотического долга. Ребята глухо не любили ее.

Ботанику в шестом классе преподавала старый педагог Людмила Васильевна. Про нее хотелось сказать чуть выпендренно: "убелена сединами". У нее были пышные, празднично белые волосы, глядя на которые Маша думала, что старость красива. Что-то в ней было домашнее, она охотница была посмеяться, молодые учительницы делились с Людмилой Васильевной сердечными тайнами. Дома, в свободный часок, она любила разложить пасьянс, рассказывала внучке на ночь сказки.

И к Людмиле Васильевне Маша пришла на урок.

Здесь она научилась едва ли менее важным вещам, чем у математички Анастасии Дмитриевны. На уроке ботаники она оказалась свидетелем воспитания чувств и идей.

Людмила Васильевна рассказала шестиклассникам о плодородии почвы. Борьба русских ученых - Костычева, Докучаева, Мичурина - за плодородие земли оказалась фантастичнее вымысла.

В перемену тихий Леня Шибанов спросил классную руководительницу: "Мария Кирилловна, не стать ли мне докучаевцем? Буду сажать леса".

Маше хорошо жилось среди товарищей учителей. Нет, она не могла посетовать на одиночество!

...Юрий ушел. Маша села за книги. С нею был Горький. Голубоватые, тисненые золотом томики, подаренные когда-то еще отцом, стояли на книжной полке, и самый вид их бодрил и радовал Машу.

Она раскрыла "Детство". Пестрая жизнь потекла перед ней густым темным потоком. И снова Маша испытала на себе беспокоящую силу большого искусства, она вся была в его власти. Эта книга ширила сердце, наполняя его изумлением, гордостью за человека и гневом против "свинцовых мерзостей" ушедшей жизни.

Цыганок, одаренный щедрым, талантливым сердцем и вдавненный в землю черным крестом и злобой "неумного племени"...

Что добавить к страницам, которые Маша прочтет завтра детям?

Маша представляла сдвинутые в недоумении коротенькие бровки Вити Шмелева, гневный кулак Горчакова, она слышала тишину класса, от которой в груди у нее выросло чувство силы.

Она по-новому прочтала Горького. Сейчас в сознании Маши рядом с Алешей Пешковым были ее шестиклассники. Она твердо и строго знала, чему должна учить своих мальчиков: с Алешей Пешковым, с молодогвардейцами, с Зоей, с миллионами юношей, вместе с народом в бой против фашизма!

Длинная череда дней впереди, трудовых дней, цепь уроков, один из них - завтрашний урок об Алеше Пешкове.

Глава 37

Прошло немало времени, прежде чем состоялось объяснение Ускова с Ниной Сергеевной.

Однажды в конце школьного дня Маша увидела их у окна в коридоре. Нина Сергеевна чертила пальцем на стекле причудливый зигзаг, ее маленькое ухо пылало.

Усков подозвал Машу и поведал ей залпом все. Во-первых, что она была и останется лучшим другом его и Нины. Во-вторых, что Нина самая прелестная девушка в мире. В-третьих, сегодня вечером свадьба. И, в-четвертых, в том споре, который грозит перейти в ссору, Нина глубоко права.

Нина Сергеевна повернула от окна сердитое хорошенькое личико:

- Сегодня не будет никакой свадьбы. Мама испекла пирог и купила портвейн, но это не имеет значения.

- Подумай, Маша, - в глубокой обиде проговорил Юрий, - я только намекнул, что хорошо бы пригласить Евгения Борисовича. Я считаю, если у меня много общих с ним интересов...

- Никаких Борисовых, или свадьбы не будет!

И вдруг Борисов появился в коридоре. Он нес папку с бумагами, прижимая локтем к боку, и, как всегда, имел строго-озабоченный вид. Борисов держал голову слишком прямо, чтобы заметить группу людей, расположившихся в коридоре у окна. Он и прошел бы мимо, никого не заметив, но какие-то соображения внезапно его остановили, и он приблизился к окну.

- Приветствую вас! - обратился Борисов к Ускову.

Его собеседниц он не приветствовал. Им предоставлялась возможность почтительно поклониться самим. По своему простодушию они упустили эту возможность.

- Юрий Петрович, вас мне и нужно! - сказал Борисов приветливым тоном.

Девушки переглянулись. Они не подозревали, что Борисов хранит в запасе такую милую улыбку.

- Юрий Петрович, напоминаю: завтра ваш доклад. Коротенькая обзорная лекция о литературе военных лет. Наши учителя мало читают. (Выразительный взгляд в сторону девушек.)

- С удовольствием, Евгений Борисович! - воскликнул Усков и (как трудно устоять перед улыбкой!) готов уж был признаться в сегодняшней свадьбе, но Нина Сергеевна приложила палец к губам.

Этот незначительный жест оказал немедленное действие. Усков, словно облитый ушатом воды, мгновенно остыл.

- С удовольствием, - повторил он смущенно.

Борисов чуть помедлил, с высоты почти двухметрового роста кинул взгляд на прямой как стрелка пробор в Машиных волосах и сдержанно произнес:

- Мария Кирилловна, буду завтра у вас на уроке. Что у вас намечено по плану?

- Деепричастие.

- Завтра буду у вас на уроке. Имейте в виду.

Почему-то ему пришло в голову предупредить.

- Любопытно, с чего он так расхлопотался? - спросила Нина Сергеевна, когда Борисов ушел. - А! Наверно, ждет завтра начальство из роно. Нам-то, впрочем, ни тепло от этого, ни холодно... Юрий, ты, верно, забыл, сколько у нас еще дел?

Она командовала им так же решительно, как своими второклассниками.

Попробовал бы он не подчиниться! Но он и не думал пробовать.

- Маша, до вечера! Маша, тебя ждет сюрприз.

Какой сюрприз они могли приготовить? Это ее забота - принести молодоженам подарок. Маша долго ломала голову, что бы им подарить. Она раскрыла дверцы всех шкафов и на верхней полке буфета, где годы стоявшая без употребления посуда покрылась серым слоем пыли, увидела старинное блюдо. Вот его и отнесет Нине в подарок. Она охотно переправила бы в Нинину комнату у Никитских ворот весь свой буфет. Пусть ее комната будет пустой и просторной.

Она ходит по комнате и слушает, как звенит в ее сердце, словно тоненький колокольчик, печаль. Но сегодня она должна веселиться и, честное слово, будет веселиться вовсю! Еще и потанцует на Нининой

свадьбе!

В семь часов вечера она вышла из дому.

Нина, в белом платье, с голыми руками и шеей, громко стуча каблучками, выбежала встретить Машу. Она бросилась к Маше, как маленький шумный ураган:

- Маша, ты наша единственная гостья! И еще один человек...

Это и был сюрприз. Откинувшись на спинку, с видом человека, который решил хорошо отдохнуть, на диване сидел Валентин Антонович.

Где бы ни был Валентин Антонович - на лекциях ли, или в кабинете декана, или здесь, в тесной комнате у Никитских ворот, где нитяная скатерть покрывала в углу круглый столик и у порога лежал половичок, - он всюду оставался самим собой. Он был прост, остроумен, изящен и не трудился ни замечать обстановку, ни тем более подделываться к ней. Он в самых изысканных выражениях объяснялся с Нининой матерью, которая, положив на колени почерневшие от чистки картофеля руки, почтительно внимала профессору.

- Я спокоен за своего ученика, - сказал Валентин Антонович. - У вас чудо-дочка.

Юрий ответил счастливым взглядом, а Нина принялась уверять профессора, что ее муж только по недоразумению затянул работу, но теперь кончит в самые ближайшие сроки. Уж она ручается - кончит!

Едва были налиты рюмки, раздался салют. Хотя салюты бывали каждый вечер, иногда два, три раза, все сочли за счастливое предзнаменование, что первая рюмка выпита под торжественные раскаты орудий, когда ночь за окном озарялась огнями.

- Предлагаю тост за тех, кто воюет! - произнес Юрий. - Я не воевал только потому, что...

- Мы все воевали, - ответил Валентин Антонович.

Он сидел рядом с Машей.

- Милая землячка, вы хорошеете! Когда же я буду праздновать на вашей свадьбе?

Он шутил и смеялся, а Юрий разошелся и предлагал все новые тосты, и Нинина мать со страхом подумала: уж не за пьяницу ли угодила замуж дочка?

- Да здравствует... Да здравствует... Ура! - воскликнул Юрий, собираясь сказать что-нибудь возвышенное, но слова и подходящие к случаю цитаты выскользнули из памяти, он так и не закончил здравицу.

- Пусть сегодня каждый расскажет о главном. Расскажите о ваших детях, - предложил Валентин Антонович, передавая Маше стакан чаю.

- Как о них рассказать?.. - Маша задумалась. - Они серьезные. Очень серьезные. Всё понимают. С ними надо быть честным, иначе они отвергнут тебя, и тогда ничего не поделаешь. Нет. Не умею рассказывать.

- Вы уже все и сказали. Теперь пейте чай и слушайте.

Валентин Антонович вернулся с фронта. Ездил из части в часть и читал лекции о литературе.

- Старался всеми силами форсировать освобождение пушкинских мест, пошутил он.

Впрочем, Валентин Антонович был на передовых позициях до времени, пока фашистов вышибли из Михайловского.

Под Новгородом и Псковом бои. За линией фронта, в сторону от Псковского шоссе, среди пустынного поля, дорога.

Ни огня, ни черной хаты,

Глушь и снег...

Пушкинская горестная дорога в Михайловское, где легкошумные дубравы, где, словно свет, пролившийся с неба в луга, плоские озера с прозрачными водами и не мерянные верстами дремучие боры: раздвинь лапы елей - и встретишь лешего или бабу-ягу с клюкой; где над росистыми травами, над островерхими курганами Тригорского, над тихими берегами Сороти встает, как при Пушкине, дневное светило и земля, славя утро, курится розоватым туманом; где северные бревенчатые избы, будто терема с высокими крыльцами, где мужики до сей поры носят бороды лопатой по грудь; где все тропы исхожены Пушкиным, все мужицкие были и песни услышаны им; где русский дух, где Русью пахнет.

- И там вытерпеть фашистов! - сказал Валентин Антонович. Он яростно взъерошил волосы, они встали дыбом, придавая профессору растерянню-недоумевающий вид. - Вымели чужеземцев из пушкинских мест! "О боян! - произнес Валентин Антонович погустевшим, торжественным голосом. Соловей древних лет! Тебе бы надлежало провозгласить о сих подвигах, скача соловьем мысленно по дереву, летая умом под облаками, сравнивая славу древнюю с нынешним временем"...

- Вы закончили работу о "Слове"! - поняла Маша.

Валентин Антонович живо встал из-за стола и в два шага очутился у порога, где на вбитых в дверь гвоздиках, заменяющих вешалку, висели пальто. Разыскал свою шубу, вытащил из кармана две книжки.

- "Слово о полку Игореве" и моя статья. Не очень большая статейка, бывают книжечки посолиднее.

Валентин Антонович с добродушной иронией посмотрел на Ускова. Усков смущенно откашлялся: именно такую солидную книжечку о русских

повестях XVI века ему предстояло создать.

- Моим ученикам, - сказал Валентин Антонович, протягивая одну книжку Юрию, другую - Маше.

Нина заглянула через плечо Юрия.

...Ярославны голос слышится...

"Омочу рукав бобровый

Во Каяле во реке,

Вытру раны я у князя

На его кровавом теле".

- Извечная женская верность, - сказал профессор.

- Спасибо, Валентин Антонович! - проговорила Маша.

За окнами гулко прокатился орудийный раскат. Снова салют.

Когда Маша и Валентин Антонович вышли на улицу, небо озарилось последней вспышкой и погасло. Стало темно.

- Мария Кирилловна, что пожелать вам на прощание? - спросил Валентин Антонович, стараясь увидеть в темноте ее глаза.

- Силы, - ответила Маша.

Он не знал, что у нее на душе, не решился спросить.

- Будьте сильной! - сказал он.

Маша вернулась домой, спустила шторы, зажгла свет. Она села в то старое кожаное кресло, в котором когда-то, сжавшись в клубочек, слушала разговоры отца с Аркадием Фроловичем. Подобрала под себя ноги, подперла кулаком подбородок и прочитала статью Валентина Антоновича. Это была интересная статья. Как ключ открывает дверь в дом, так она открывала новое в книге, известной с детства. Но нет, Маша не знала раньше эту книгу. Только теперь она прочитала в ней слова: "Будь верен долгу". Будь верна, Маша, долгу! Пойми, в чем твой долг.

В дверь раздался стук.

- Кто? - спросила Маша.

Стучала соседка.

- Письмо!

Маша разглядывала в полумраке прихожей самодельный треугольник. Знакомый треугольник со штампом "Полевая почта". Их много хранится у Маши в ящике письменного стола!

"Сережа, ты снова вспомнил меня! Ты всегда приходишь на помощь..."

Маша вернулась в комнату, раскрыла свернутый треугольником листок.

- Что такое? - в ужасе прошептала она. - Я схожу с ума!.. Послушайте, помогите мне кто-нибудь!

Она подняла глаза и увидела в зеркале шкафа свое белое как бумага лицо.

- Так и есть! - сказала Маша, дрожащей рукой поправляя волосы. - Я заболела... У меня бред, а я одна.

Она боялась посмотреть на письмо. Там ничего нет, ей показалось...

- Сейчас прочту еще. Нет, ничего не случилось. Они перепутали.

Вот когда понадобилось Маше собрать все свои силы, чтобы снова прочесть письмо:

"Товарищ Строгова! Только ваш адрес удалось обнаружить в записной книжке лейтенанта Агапова. Не знаю, кто вы. Знаю, что не жена и не невеста Агапова. Недавно об этом шла речь. Агапов сказал, что у него никого нет. Пожалуй, и лучше.

Пишу я вам потому, что кто-то там, дома, должен почтить память бойца.

Почтите вы.

В ночь на 4 февраля я был назначен в разведку. Агапов добровольно вызвался мне в помощь.

Мы были сутки во вражеском тылу. Дело было опасное.

Нас обнаружили, когда мы возвращались обратно. Поднялась тревога. Агапов был ранен раньше меня. У меня были важные сведения, надо было доставить командованию. Я упал в канаву и лежал притаившись. Я видел немецкие патрули схватили Агапова. Был ранен и я: кусты простреливались. Я не мог ничем помочь ему.

Уважаемая М. Строгова, не знаю даже вашего имени. Агапов был честным товарищем. Никогда не забуду его.

Пишу с дороги: эвакуируют в госпиталь. Вылечат - возвращусь в строй, отомщу!"

Глава 38

Маша до рассвета просидела в кресле.

Было холодно, она не встала взять платок. Она положила голову на валик и неподвижно сидела.

Придет когда-нибудь утро? Что утро!

Но когда сквозь штору пробился свет, она машинально откинула ее и увидела снежный солнечный день. На тротуаре стоял мальчик. В длинных брюках и узеньком, не по росту, пальтишке с рыжим воротником; он стоял против Машиного окна и не отрываясь смотрел в одну сторону. Скоро из переулка, куда он смотрел, выбежал другой мальчик. Они замахали сумками в знак приветствия, и оба побежали.

Это были Витя Шмелев и Володя Горчаков.

Маша лихорадочно стала собираться в школу. Вещи падали из рук, из портфеля рассыпались Книги. Она собирала их, присев на корточки, и вдруг спросила себя: "Что я скажу им сегодня?" Все ее мальчишки, все до единого, представились ей, их веселая и серьезная жизнь. Как рассказать им, что передумала она в эту ночь?

Книжечка Валентина Антоновича лежала на столе.

Маша взяла ее, полистала страницы. Может быть, потому, что и теперь Маша искала ответа на свои мысли, она прочитала: "Братья и дружина! Лучше уж убитым быть, чем полоненным быть".

- Подавив плач, Маша спрятала книгу в портфель и быстро пошла в школу.

В коридорах заливался звонок. Ребята галопом неслись в классы.

Маша прошла на урок, не заходя в учительскую. Звонок еще звенел, шестиклассники считали себя вправе кричать и стучать. Но вдруг Дима Звягинцев, который раскладывал на парте учебники, увидел лицо учительницы.

- Эй, вы, тихо! - крикнул он, изумленный чем-то почти до испуга.

Он спрятал грамматику в парту и ждал, что скажет Мария Кирилловна. Класс умолк.

- Эта книга написана восемьсот лет назад, - сказала Маша.

- Восемьсот лет назад? Вот так штука! Ну, значит, в ней ничего не поймешь!

- Я вам прочитаю немного. Вот, например, как говорит Святослав об одном смелом князе: "Высоко паришь ты на подвиг в отваге, словно сокол, по ветру летящий..." Непонятно?

- По-нят-но.

Толстые губы Пети Сапронова зашевелились, улыбка осветила его некрасивое лицо.

- Мария Кирилловна, про Игоря так сказал Святослав?

- Нет. Послушайте, что случилось с Игорем.

Открылась дверь. Вошли Борисов и инспектор роно. Маша узнала седой бобрик. Напрасно инспектор пришел сегодня на Машин урок. Впрочем, не все ли равно? Борисов направился в конец класса, шагая между партами, как журавль, инспектор следовал за ним. Ребята потеснились, кое-как устроив гостей. И забыли о них.

- Читайте, Мария Кирилловна, читайте!

- "Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубам..."

О Русская земля, ты уж за холмом!"

Леня Шибанов робко протянул руку:

- Мария Кирилловна! Он победит?

- Тише ты! Спрашивает!

- "Игорь полки поворачивает: жаль ведь ему милого брата Всеволода".

- Видишь, какой он! - Володя Горчаков с торжеством оглянулся на Леню Шибанова, но тут же растерянно и виновато мигнул.

- "Никнет трава от жалости, а дерево с печалью к земле приклонилось... Князь Игорь пересел из седла золотого да в седло раба".

- Э-эх! - сказал кто-то.

Маша чуть слышно читала плач Ярославны.

И вот:

- "Взволновалось море в полночь, идут смерчи мглою. Игорю-князю бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую..."

Класс вздохнул облегченным вздохом. Володя Горчаков не смог удержаться - стукнул Витю Шмелева кулаком между лопатками:

- Что я тебе говорил?

- Ладно! Я сам знал.

- "...Солнце светится на небе. Игорь-князь в милой отчизне. Страны рады, грады веселы".

- Мария Кирилловна, вот жалость-то, что у них не было салютов!

- А мне понравился буй-тур Всеволод! - воскликнул Володя Горчаков.

Буй-тур Всеволод понравился всем.

- Игорь тоже был смелый и храбрый, - возразил Витя Шмелев. - Обидно, зачем он попался в плен.

Ребятам хотелось восхищаться князем Игорем, который ничего не боялся, даже тьмой закрытое солнце не испугало его. Эх, не надо, не надо было попадать ему в плен!

- Я ни за что бы не сдался! Ни за что! - твердо сказал Леня Шибанов.

Все на него оглянулись.

Он был тщедушный и робкий.

- Когда вы прочитали, Мария Кирилловна, что князь Игорь пересел из седла золотого в седло раба, я подумал: пусть бы лучше он умер!

Мария Кирилловна медленно, словно во сне, приблизилась к парте Лени Шибанова. Она пристально смотрела на него. Он смутился.

- Хорошо все-таки, что князь Игорь бежал.

- Значит, верно: лучше убитым быть, чем полоненным быть? - спросила Мария Кирилловна.

- Да! - ответил ей дружный хор.

Никто не сомневался.

Маша почувствовала, как безмерно устала. Она совсем была измучена, ноги не держали ее.

- Вот и все, ребята, - сказала она.

Урок кончился.

Оставалось еще одно трудное дело. Маша вспоминала о нем всякий раз, поднимая глаза на портрет Бочарова.

У нее не было больше уроков. Прямо из класса она пошла домой. Она спешила, как будто то, что она должна была сделать, надо делать скорей.

- Мария Кирилловна!

Торопливо шагая, ее догонял Борисов. Он остановил ее в дверях. Он забыл всю свою благовоспитанность и так сильно схватил Машу за руку, что она невольно вскрикнула: "Ой!" Должно быть, он с трудом сдерживался, чтобы не ругать ее, не топтать ногами.

- Что это значит? - просвистел сквозь зубы Борисов. - Объясните, что это значит? - шипел он. Его маленькая головка напоминала головку змеи, которой хочется жалить. - Разве я не предупреждал вас, что приду сегодня на урок? Разве не спросил, что у вас намечено по плану? Я сказал инспектору, что у вас грамматический урок. Что же мы застаем? В каком положении я? Я, руководитель учебной работы в школе, не знаю, что делают учителя!

Он так сокрушался, что Маша, чудачка, решила ему помочь:

- Не берите на себя мою вину, Евгений Борисович!

- Само собой разумеется! Будьте покойны, не собираюсь покрывать ваши сумасбродства. Будьте покойны.

Борисов увидел выходящего из класса инспектора, который по инспекторским соображениям задержался ненадолго с ребятами, и, позабыв все свое достоинство, рысью к нему потрусил.

Он весь кипел, спеша уверить начальство в непричастности своей к дерзкой анархии на уроке Строговой. Делает что хочет, никого не спросясь. Типичный наплевизм. Где же самодисциплина учителя?

- Я специально привел вас к этой Строговой, чтобы вы самолично могли убедиться в том, что неоднократно докладывалось мною в роно. Чтобы удостоверились своими глазами в легкомыслии Строговой, самовольстве, неуважении к вышестоящему руководству! - внушал Борисов инспектору, торопливо листая толстую тетрадь, куда заносил наблюдения над учителями. Взгляните. Подробная запись. Изо дня в день. Не умеет строить урока. Нет подхода к ребятам. Не учитывает уровень развития класса. На уроке шум. Шум. Шум! Взгляните, не сумела объяснить полногласие. Нет элементарных знаний даже в объеме программы.

Никудышный педагог! А фанаберии!

Он прервал поток восклицаний, разглядев на плоском, с обвисшими щеками лице инспектора поразившее его замешательство.

Инспектор в непонятном расстройстве приглаживал жесткую щетку волос над насупленным лбом и убегал взглядом в сторону, стараясь ускользнуть от завуча Борисова.

"Что такое? Инспектор его избегает! - Борисов опешил. - В роно новые веяния? Или... неужели у Строговой связи в роно?"

- Прошу дать установку, как отнестись к срыву учительницей плана занятий? - оскорбленно спросил Борисов.

Между тем они стояли уже на первом этаже, в раздевалке. Инспектор, так и не промолвив ни слова, надевал суконные боты и завязывал тесемки ушанки.

- Прошу настоятельно: сообщите свое мнение. Мнение роно по поводу урока Строговой, которая, вопреки программе и плану... - требовал Борисов, не желая дать инспектору улизнуть без ответа. - Обязаны осуществлять руководство? Пожалуйста.

- В конце концов, у вас собственное суждение есть? раздраженно-тонким голосом вдруг крикнул инспектор. - Руководитель вы учебно-воспитательной работы в школе или кто? Разберитесь.

Он поднял воротник и повернулся к завучу спиной.

"Подорван авторитет", - понял Борисов.

Звонко хрустел под ногами снег. Молодой, упругий снег, как в детстве! Запах мороза, как в детстве. Вон откуда-то взялась пестрая сорока, качает на заборе хвостом, и глазки у нее похожи на изюмины.

Человек невзрачной внешности, в ушанке из кроличьего меха, хмуро шагал морозными улицами. На душе у инспектора сумбур.

С одной стороны, безусловно, он должен был поддержать завуча Борисова, озабоченного воспитанием в молодых учителях самодисциплины. Без самодисциплины учителя нельзя правильно организовать педагогический процесс. Аксиома, бесспорная как дважды два - четыре.

С другой стороны, на сей раз инспектору не хотелось поддерживать завуча Борисова. И не поддержал, хотя неизвестно, как это для него обернется. Кто-кто, а уж Борисов - мастер строить всякие козни.

Какое-то смутное беспокойство, какой-то небывалый жар расшевелились в душе инспектора за этот час, пока он слушал в классе лихорадочно-поспешную речь мертвенно-бледной учительницы. Таких ребят он никогда на уроках не видывал! Просто вылетело из головы, что

сидит на школьном уроке за партой и следует подготавливать выводы. Какие выводы! Слушал. О чем-то почти тосковал.

Так давно инспектор не испытывал чувств, похожих на пережитые нынче, как давно миновало забытое детство! "Высоко паришь ты на подвиг в отваге..."

Он не подозревал, что способен вместе с шестиклассниками зажечься. Пусть на один только час...

Надо было остаться, поговорить с учительницей - это она когда-то в роно озадачила его фантазиями о необыкновенности педагогического дела. Вот вам и фантазии! "Высоко паришь ты на подвиг..."

Но инспектор не остался, потому что Борисов требует: подавайте ему установку.

Не остался и бросил учительницу на суд завуча Борисова.

Глава 39

На полу валялись неприбранные книги. Маша и сейчас не собрала их. На столе лежал треугольник-конверт. Страшно было увидеть его при дневном свете! Маша спрятала письмо в шкаф, заперла на ключ и постояла несколько мгновений, вспоминая, зачем спешила домой.

С лихорадочной торопливостью, словно что-то гнало ее, она вырвала из тетрадки листок и написала письмо:

"Сергей! Милый Сережа!

Не надо прощать меня. Я знаю, что виновна перед тобой. Перед Митей я еще больше виновата. Он не узнает теперь никогда, как я хочу искупить свою вину перед ним.

Сережа, ты приехал в Москву, счастливый, прославленный, но для меня ты был прежним владимирским другом. Как хорошо мне было с тобой в тот вечер!

Пойми меня, Сергей. Я рассталась с Митей Агаповым. Я думала так и была несчастна. Я стыдилась своего несчастья и старалась скрывать его. Сережа, милый мой братишка, почему я должна причинить тебе горе? Я плачу. Если бы я могла отдать за тебя жизнь!

Ты должен узнать все, Сережа. Я не обманывала тогда тебя. Разве я посмела бы сказать тебе одно слово неправды! Я говорила себе: "Не люблю Митю" - и любила его всегда. Говорила: "Ты не должна думать о нем" - и каждое мгновение думала. Теперь, когда его больше нет, черная ночь вокруг. Не знаю, как жить.

Прости меня. Надо было молчать и ждать тебя и постараться, чтобы счастлив был ты. Но я не могу. Страшная Митина судьба все время у меня в глазах. Она будет со мной целую жизнь. Сергей, пойми меня! Прощай".

Не перечитывая письма, Маша заклеила конверт и вышла на улицу. Резкий холодный ветер пронизал ее. Ветер мел и кружил снег по мостовой; обледенели окна домов; волосы Маши заиндевели. Ее трясло от холода.

Она опустила письмо в ящик. Опять что-то гнало ее, и куда-то надо было спешить.

Она пришла к памятнику Пушкину. Сугробики снега лежали на плечах и открытой голове Пушкина. Он был угрюм и спокоен. Нестерпимая печаль стеснила Машино сердце. Она нашла скамью, где простилась с Митей, и опустилась на нее. Она съежилась, повернулась к ветру спиной и сидела одна возле памятника Пушкину, как воробей, который замерзает, а у него нет сил поднять крылья и лететь.

Ресницы ее на мгновение сомкнулись. Маша заснула. Нет, она не спала, она все время помнила, что рядом Пушкин, ветер сметает снег с его плеч. Белые хлопья, как птицы, летят по всему свету. И вот в саду тети Поли вишни склонили отяжелевшие ветви...

Сад цвел. Маша шла, протянув руки; вишни осыпали ее лепестками, как снегом, тихий звон провожал ее. Она знала: здесь, в саду, Митя, и искала его...

Вдруг Маша открыла глаза.

Она совсем заоченела. Часы на площади показывали половину второго.

Надо было идти на собрание.

"Зачем я иду? - думала Маша. - Я знаю, что вы скажете. Вы скажете, что я должна выполнять намеченный план и если намечено изучить на уроке деепричастие, то я должна изучать деепричастие. Надо было запереть наглухо сердце".

Усков и Нина ждали ее на школьном крыльце.

- Машенька, родная моя, Маша! - вскричала Нина. - Расскажи нам, что с тобой случилось?

- Митя Агапов погиб, - ответила Маша.

- Неужели ты... - Усков не закончил вопроса.

Метнув в сторону мужа гневный взгляд, Нина обняла Машу и ввела в школу. Она сняла с плеч пушистый с длинной бахромой платок и закутала в него Машу.

- Бедная! На тебе лица нет.

Учителя собрались в кабинете директора.

Маша села в уголке. Лицо у нее было белее платка, хотя ее сжигал внутренний жар.

"Разве с детьми меня связывает только учебная программа? Разве

сегодня я не принесла им пользы? Впрочем, не следует выгораживать себя. Я не думала о пользе. Я говорила с ними о том, о чем не могла промолчать".

В кабинете директора ждали доклада Ускова о литературе военных лет "мероприятие", затеянное Евгением Борисовичем для повышения интеллектуального уровня учителей, как обозначал он в плане идейного воспитания педагогического коллектива.

- Доклад буду делать я. О состоянии учебно-воспитательной работы в школе, - коротко сообщил Евгений Борисович, не объясняя причин внезапного изменения повестки собрания.

Учителя переглянулись. Что случилось?

- Послушаем вас, - спокойно согласилась Людмила Васильевна.

Плотно сжав тонкие губы, с багровыми, словно от ожога, пятнами на грустно-серьезном лице, Борисов сортировал аккуратно исписанные листочки. Смешал, как колоду карт, отстранил: решил обойтись без записок.

- Можно начать?

Директор, шагавший вдоль стены с заложенными за спину руками, безучастно кивнул.

Борисов начал доклад. Даже враждебный Борисову человек не мог не признать, что говорил он внушительно. Веско. Бесспорно. Непокколебимая уверенность звучала в его тоне.

Он говорил, что школа должна работать бесперебойно и четко и только тогда уподобится идеально налаженному механизму, где каждая гайка на месте, служит общему делу. И это было, конечно, правильно. Кто станет возражать? Он говорил, что учебная программа - закон.

- Да! Отклонение от программы есть нарушение закона. Мы не можем допустить, чтобы учитель занимался в классе импровизациями.

Борисов взглянул на директора. Директор хмуро смотрел в одну точку. Борисов перешел к обзору работы учителей. Нетрудно было понять, что работа учителей хороша именно потому, что ею умело руководит он, Борисов.

Например. Глаза Борисова засуетились, почти искательно шныряя по лицам.

Он похвалил Людмилу Васильевну, которая интересно преподает ребятам ботанику, в чем он, Борисов, с удовольствием не раз убеждался и непременно ставил в известность роно.

- Ставил в известность роно, - настойчиво подчеркнул Евгений Борисович.

Людмила Васильевна, застигнутая врасплох, вскинула голову, брови настороженно поползли вверх, на лбу удивленно сбежались морщины.

"Ну и что? - говорило сердито-недоумевающее лицо Людмилы Васильевны. - Я хорошо работаю, а вы тут при чем?"

Но Борисов уже перебежал глазами к другой. Он хвалил теперь математичку Анастасию Дмитриевну, слух о педагогическом искусстве которой гремит по всему району, ибо он, Борисов, не устает пропагандировать опыт уважаемой Анастасии Дмитриевны. Вот образец для молодых учителей! Редкая скромность, достойная скромность и вместе с тем высокое мастерство, почти совершенство!

Сдержаннее отметив успехи еще двух-трех неплохих учителей, поощрив беззаветную преданность долгу нелюбимой ребятами воительницы за дисциплину, Борисов перешел к недостаткам. Стараясь сохранять бесстрастный тон, он сообщил собранию, какую странную картину пришлось ему наблюдать на уроке Марии Кирилловны. Только полное легкомыслие решится своевольничать столь безответственно: вместо ожидаемого ребятами, как указано в расписании, урока грамматики, на котором надлежало изучать деепричастия, ученикам безо всяких к тому поводов читалось и толковалось "Слово о полку Игореве"! Сложнейшее произведение! Отнюдь не доступное пониманию шестиклассников, почти малышей!

- Найдется ли хоть один учитель, который пренебрег бы столь бесцеремонно педагогическими требованиями? Обсуждать с шестиклассниками то, что программой предусмотрено изучать в восьмом классе! Зачем, спрашивается, понадобилось Марии Кирилловне обратиться, вопреки всякой логике, к "Слову"? - вопрошал Евгений Борисович безмолвных учителей и ледяным голосом отвечал: - Подозреваю: были у товарища Строговой личные побуждения, но ни я, ни ее ученики не обязаны с личными мотивами считаться. Долг есть долг. Сегодня я наблюдал возмутительное нарушение долга.

Он окончил сообщение и вытер платком выступившие над губой капельки пота, незаметно покосившись на секретаршу. Подробно ли ведется протокол? Протокол беспокоил Борисова. Что бы там ни взбрело в инспекторскую голову, в роно есть и повыше начальство. Он добьется, чтобы с протоколом ознакомились в самых высших инстанциях! Он поборется еще за свой авторитет.

В кабинете была тишина. Никто не оглядывался на Марию Кирилловну. Только любимица завуча, на уроках которой не утихала война, закрипела стулом, обернув к Маше свое массивное тело, и в упор

устремила на нее твердый взгляд.

- Это вы! - произнесла она пораженная. - Вы! Без году неделя в школе! А мы удивляемся: в классах хромает дисциплина! Чего же требовать от учеников, когда учителя сами вносят в педагогические процессы анархию? Предлагаю: учительский коллектив должен осудить недисциплинированность. Отмежеваться! Не забывайте: ученики на нас смотрят, берут с нас пример.

Она вынесла приговор и победоносно заскрипела стулом, отворачиваясь от нарушительницы дисциплины. Евгений Борисович нагнулся к секретарше, постучал карандашом по листам протокола. Записать точно! Учительский коллектив осуждает. Отмежевывается. Картина должна быть ясна.

- Кто желает сказать?..

Раздался грохот. Встал Юрий Петрович Усков. Он тяжело дышал, нетерпеливо раздувая ноздри широкого носа. Привычным ораторским жестом вскинул вверх руку.

- Имеет ли право учитель на вдохновение, выходящее за пределы программы?

Он сделал паузу, убедился: все взоры обращены на него. В маленьких, исподлобья глядящих глазках директора он уловил любопытство.

- Раньше я думал: нет. Теперь говорю: да. Не так уж часто, товарищ Борисов, нас посещает вдохновение. Не допытывайтесь, чем оно вызвано. Это не имеет значения! Не учите нас равнодушному выполнению долга. Такое выполнение долга равно нулю. Но скажите спасибо учителю, если, потрясенный высокой идеей, он внушит ее детям... Вы в чем обвиняете Строгову, Федор Иванович? - спрашивал Усков, хотя директор не проронил звука, пока Евгений Борисович делал свое сообщение. - Сегодня она не объяснила деепричастие? Она объяснит его завтра. Но, может быть, завтра не скажет детям того, что сказала сегодня. А что она сказала, вы не поняли, товарищ Борисов! Не способны понять. Не в силах! Вы разучились за бумагами видеть и слышать людей.

Выпалив без передышки свою дерзостную речь, Усков шумно придвинул стул и, бледный от волнения, сел.

- Ты прав, Юрий! - почти вслух прошептала Нина Сергеевна.

- Я в нем ошибался. Права ты! - сказал ей Усков.

Союзница Борисова опять заскрипела стулом, направляя теперь на Ускова твердый, ни в чем не поколебавшийся взгляд:

- Демагогия. Подрыв авторитета. Мы вконец сокрушим дисциплину!

- Грош цена слепой дисциплине! - запальчиво крикнул Усков.

Борисов презрительно повел плечами. Он старался выяснить позицию директора.

"Вы не смеете молчать, Федор Иванович! - бушевал он про себя. - Эти юнцы, вчерашние студенты, колеблют мой авторитет, а вместе с ним - все школьные устои. Сегодня они свергают завуча. А завтра? Вы в стороне, Федор Иванович? Наблюдаете? Догадываюсь. Хотите меня свалить? Но роно не позволит! Не даст! Полетите вы, а не я. Вы - со своими демократическими повадками, старомодными взглядами, сентиментальными бреднями о воспитании чувств! Молчите, Федор Иванович?"

Директор молчал. Он бросил шагать вдоль стены и, остановившись, где застало его бурное выступление Юрия, заложив руки за спину, выжидающе поглядывал на педагогов умными медвежьими глазками из-под сросшихся на переносье бровей. Вмешаться? Нет, подождем. Он умел слушать других.

После выступления Ускова среди учителей поднялся шум, как в любом взбудораженном классе. Говорили между собой. Стояла полная неразбериха. На тонких губах Евгения Борисовича застыла злая усмешка. Он собирал свои бумаги, пальцы его нервно бегали. Все, что он утверждает, - бесспорно. Борисов не желал замечать стены между собой и учителями. Шум поднят студентами. Их он сумеет привести в норму.

Вдруг заговорила математичка Анастасия Дмитриевна:

- Не знаю, когда я впервые прочитала "Слово о полку Игореве".

Все затихли, а Евгений Борисович замер в ожидании. Он прославлял эту щупленькую пожилую учительницу в заношенном синем костюмчике! Не будь завуча Борисова, кто заметил бы ее уроки, которые она дает, закрывшись с ребятами в классе? К таким тихоньким слава без помощи других не приходит. Но что такое она говорит? Как она смеет?!

- Давно, в детстве, попала мне в руки эта книга, - вспоминала Анастасия Дмитриевна. - Помню тревогу, какая меня обуяла. Солнце, закрытое мглой. Ночная степь, половецкий табор, пленение Игоря. Обида оттого, что Игорь пленен. Честь выше жизни. Это вы хотели сказать детям, Мария Кирилловна?

- Да, - впервые вымолвила слово Маша.

- Неужели дети не поняли?

- Как могли они не понять!

- Что же мы обсуждаем? Федор Иванович, что мы обсуждаем? - с гневом спросила Анастасия Дмитриевна.

Директор развел руками и отчего-то только теперь шагнул к столу и

сел лицом к учителям.

"По плану намечен доклад Ускова о литературе. Борисов нарушил план", - вертелась на языке Федора Ивановича язвительная реплика. Но он сдержал себя. Говорят другие, и говорят то, что надо. Дурное настроение, с каким директор пришел на совещание, в нем постепенно рассеивалось.

"А с Борисовым нам не работать, - подумал он. - Ничего не поделаешь, теперь окончательно ясно".

- Я отвечаю за учебную работу школы! - патетически восклицал Евгений Борисович. - Я требую неукоснительного выполнения учебного плана. Требую.

- Да. Без плана работать нельзя.

Это сказала Людмила Васильевна, и Евгений Борисович весь снова напрягся, словно гончая на стойке.

"Как она красива со своими белыми волосами! Похожа на маркизу с картины художника восемнадцатого века", - невольно промелькнуло в уме у Маши.

Невозмутимо-спокойный взгляд Людмилы Васильевны, казалось, отодвигал куда-то Борисова.

- У нас большой план - вырастить человека, патриота, борца. Такой план с одними знаниями не осилишь - надо живую душу иметь. Без души в нашем деле - все равно что в море без компаса. Докажите мне, что сегодняшней уроку Марии Кирилловны принес вред нашему главному плану, соглашусь: виновата учительница. Но не такие ли уроки, как сегодняшней Марии Кирилловны, вспоминают нынче вчерашние наши ученики, идя в бой с фашистами? Обсуждайте, товарищи, и меня вместе с Машей. Иной раз идешь в класс о пестиках да тычинках рассказывать, а проговоришь весь урок о Мичурине, да не о том, как выращивал сорта груш и яблок, а как со своим неукротимым характером всю жизнь против чиновников воевал. После, глядишь, ребята и о тычинках с особым вниманием слушают. Сложен наш план. Не всегда в расписание укладывается.

Борисов бледнел, сомкнув в непреклонную линию тонкие губы. Он не искал больше помощи у директора. Остался один. А как хлопотал подобрать союзников среди стариков! Как все точно было рассчитано!

"Лирика! Лирика! - возмущался Борисов, комкая и вновь разглаживая листок бумаги, на котором записывал выступления учителей. - Где ваша благодарность, товарищи? Ну, говорите, выкладываете, что у вас за душой. Показывайте свою истинную сущность. В роно разберутся. А что, если?.."

Длинные пальцы Борисова остановились, запнувшись, и заработали

вновь, с суетливой поспешностью перебирая бумаги.

"А вдруг? Если и там?.."

Глава 40

Над ухом жужжал комар. Непонятно - откуда комар? Он звенел и звенел. Вдруг Маша поняла, что это не комар, а телефон и надо протянуть руку, чтобы с телефонного столика у изголовья дивана снять трубку.

Мучительно трудно протянуть руку, все равно что поднять миллион пудов. Маша не в силах была поднять даже веки. Она лежала с закрытыми глазами. Телефон замолк, и стали падать бомбы. Их было много, они падали всюду и были похожи на тугие черные мячики. Они скакали как бешеные, эти злые черные мячи, уже голова Маши была совсем разбита, она не могла больше вынести нестерпимую боль.

Внезапно наступила тишина. Маша открыла глаза. День. Она не поняла, почему день. В дверь стучали. Маша с усилием заставила себя встать. У нее потемнело в глазах. Она ухватилась за стол, но стол вдруг поехал.

"Какие пустяки! Столы не ездят", - подумала Маша.

Не помня как, она очутилась у двери. Струя холодного воздуха освежила ее. Маша жадно дышала.

- Мария Кирилловна, здравствуйте! - говорил Витя Шмелев, топая у порога ногами, чтобы стряхнуть с валенок снег.

Володя Горчаков обмахивал валенки варежкой.

- Мария Кирилловна, почему вас сегодня не было в школе? - спросил Володя.

Глаза его искрились, уши торчали, как два красных лопушка: он закалял себя и выставлял уши на мороз.

- В какой школе? - спросила Мария Кирилловна и, пошатываясь, держась за стены, ушла в комнату.

Ребята переглянулись: они и не знали, что Мария Кирилловна такая шутница.

Они подождали, когда позовут в комнату, но их не звали. Тогда, пошаркав еще у порога валенками, чтобы не наследить, мальчики вошли и стали у двери.

Мария Кирилловна сидела в кресле, положив голову на валик.

- Мария Кирилловна, мы сказали в учительской, что у нас пустой урок, а Нина Сергеевна, которая учит второклашек, велела сходить к вам и узнать, почему вы не пришли. Она спросила: "Кто знает, где живет Мария Кирилловна?" Мы с Витькой знаем. Она сказала, чтобы мы побежали.

Мария Кирилловна не отвечала.

Ребята смущенно помолчали и наконец, стараясь почему-то неслышно шагать, приблизились к креслу и заглянули учительнице в лицо. Она спала. Это было странно и даже страшно.

- Я знал, что она заболела, - сказал Володя Горчаков, хотя вовсе и не думал об этом.

Он осторожно, кончиком пальца, дотронулся до руки Марии Кирилловны и отдернул палец - такой горячей показалась ему рука.

Ребята поняли, почему им так долго не открывали.

- Хорошо, что мы не ушли, а достучались все-таки, - шепотом сказал Витя Шмелев. - Идем скорее в школу, расскажем.

Горчаков обдумывал положение. Витя знал, что решающее слово принадлежит Горчакову, и послушно ждал.

- Как мы уйдем? - возразил Горчаков. - Кто нам потом откроет? Вдруг Мария Кирилловна не проснется? Или вдруг она без памяти? Придется подбирать к замку ключ. Если замок с фокусом, ни за что не подберешь ключ. Придется ломать дверь.

- Что же нам делать?

Горчаков почувствовал - ответственность лежит на нем. Все зависит от того, какое он примет решение.

- Надо одному остаться, а другому бежать.

- Я побегу, - охотно согласился Витя. - В три минуты домчусь до школы и сразу обратно.

Витя хотел скорее позвать кого-нибудь на помощь к Марии Кирилловне, но, кроме того, он боялся остаться здесь один. Он и сам не знал, чего боялся.

- Знаешь что, Шмель? - рассудил Горчаков. - Ты должен остаться, а я побегу. У тебя мать на работе, ей все равно, когда ты вернешься. А у меня Васька сегодня дома после ночной. Знаешь, какой он у нас! Я забегу на обратной дороге домой и объясню, чтобы не ждали. Ты не бойся, я живо!

Оставшись один, Витя присел на каком-то ларе в прихожей. Было тихо в этом незнакомом доме. Витя не знал, куда ведут разные двери. Вдруг там кто-нибудь прячется? Он решил вернуться в комнату. Только сейчас он увидел телефон. "Ах мы дураки! Можно было позвонить и ждать здесь обоим".

Мария Кирилловна недвижно лежала в широком кожаном кресле. Витя слышал, как дыхание со свистом вырывается из ее груди.

"Вдруг она умрет?" - подумал Витя. Сердце его часто, испуганно застучало.

Витя беспомощно осмотрелся. Он не мог больше ждать в

бездеятельности и стоять с опущенными руками. Он лихорадочно соображал, что сделать полезное для Марии Кирилловны. Будь Витя девочкой, может быть, он принялся бы за уборку комнаты. Но Витя не заметил даже, что на полу валяются книги, или заметил, но не придал этому никакого значения.

Раздался шорох. Мария Кирилловна приподнялась в кресле и заговорила что-то - бессвязно и быстро.

У нее пылало лицо; странно расширенные глаза блестели.

Невольно Витя сделал шаг и встал за стол. Мурашки пробежали у него по всему телу, даже по голове. Понятное не пугало Витю. Его пугало непонятное. Он не узнавал Марию Кирилловну. Что-то с ней творилось, отчего у него холодела душа. Она говорила, говорила, а Витя медленно, шаг за шагом, пятился к двери. Еще мгновение - и он умчится из дома, как ветер. Но раньше чем это мгновение наступило, он различил в прерывистой речи Марии Кирилловны какие-то знакомые слова.

Крепко ухватившись за дверную ручку, держа самого себя, чтобы не убежать, он вслушивался.

- Почему в глазах твоих навеки?.. Я хочу, поймите... Нельзя из седла золотого! Глупые мальчишки! Не смейте по-индейски! Я вам объясню деепричастие.

И одно это маленькое трезвое слово внезапно вернуло Витю к действительности.

Он выпустил из рук скобу. Раскаяние овладело им с такой же силой, как за минуту перед тем владел бессмысленный страх. Его больная учительница лежала в кресле, и даже отсюда, через всю комнату, он слышал, как что-то бурно клокочет в ее груди, и видел потрескавшиеся, пылающие губы.

Она уснула опять, уронив голову на валик, а Витя вдруг всхлипнул, забыв, что он шестиклассник, скоро ему исполнится тринадцать лет и с другом своим Володькой Горчаковым они поклялись презирать опасности. Он любил Марию Кирилловну. Витя сам не знал, как и почему связано с Марией Кирилловной то, что ему хорошо стало в школе. И вообще интересно. Он вытер кулаком глаза и, словно подхлестнутый своими мыслями, подошел к Марии Кирилловне. Ого! Какая она горячая!

На столе лежал платок. Витя схватил платок и побежал искать кухню. Он живо ее нашел. Не так уж много дверей выходило в прихожую, ничего таинственного за ними не скрывалось. Витя намочил платок и положил на голову Марии Кирилловне. Что бы сделать еще? Он накрыл учительницу шубой.

Витя перетащил бы Марию Кирилловну на диван, но на это у него, пожалуй, не хватит силенок.

Так как Вите хотелось не переставая действовать, он каждую минуту менял платок на голове Марии Кирилловны. Впрочем, платок почти каждую минуту просыхал.

Наконец позвонили. Витя побежал открыть дверь и в недоумении отступил: пришли не из школы, а какая-то незнакомая женщина в черной каракулевой шапочке и пушистом платке вошла в переднюю, сняла с плеч рюкзак, опустила на пол, развязала платок и только тогда, смеясь и непривычно для слуха окая, сказала:

- Откуда ты взялся, мальчик?

- Я Шмелев. Из шестого "Б", - ответил Витя. - А вы откуда?

- Я, дружок, издалека. Из Владимировки. А где же... - Она заглянула в комнату и перевела встревоженный взгляд на Витю. - Э-э! - испуганно сказала она. - Вот что у вас тут делается!

Глава 41

Через неделю Маша очнулась. Она лежала с закрытыми глазами, чувствуя на лице солнечный луч.

Страшная слабость приковывала голову к подушке, но Маша очнулась, и это было возвращением к жизни. Маша жила и даже почувствовала голод - она невыносимо хотела есть. Вкусный запах дразнил аппетит. Этот запах был связан с воспоминаниями о чем-то родном.

Нельзя ошибиться: только тетя Поля умела варить такой душистый кофе.

Маша открыла глаза. За столом сидела тетя Поля в очках и читала книгу. Раньше тетя Поля не носила очков и поэтому, должно быть, не особенно освоилась с ними - все время поправляла и наконец сняла вовсе. Маша всматривалась в лицо тети Поли. Несколько новых морщинок у глаз и рта, немало морщинок.

- Тетя Поля!

- Ох! - Пелагея Федотовна выронила книгу, зачем-то надела очки. Никак, пришла в себя, Маша?

Торопливо шаркая шлепанцами, она приблизилась к постели, нагнулась, провела рукой по щеке Маши:

- Напугала ты нас!

Пелагея Федотовна принялась хлопотать, принесла горячий кофе. Маша не отпускала ее от себя.

- Будьте здесь. Сидите здесь, рядом.

Солнце ушло из комнаты, но тетя Поля осталась. Она садилась,

вставала, прибирала что-то или, наклонившись над Машей, трогала губами лоб. Нет, температура действительно упала.

- А я уж боялась - не выхожу тебя. Как это ты ухитрилась крупозное воспаление легких подхватить?

- Тетя Поля, зачем вы приехали?

- Дело важное было. Иришу оставила с Иваном, а сама прикатила сюда. Я на подъем легкая. Ты слушай и молчи. Маме ничего не писала, надеялась все обойдется. Очень она за тебя беспокоится и нас бросить жалеет. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, - произнесла тетя Поля, невесело усмехнувшись. - Тяжеленько нам бывает с Иваном. День, два, три молчит. Думалось - на два века ему отпущено радости, а и на один не хватило. Однако работает! Недавно в район выезжал. Может, привыкнет как-нибудь... А твои мальчуганы каждый день прибегают! Кое-что я узнала у них. - Она улыбнулась и не стала рассказывать, что узнала.

- Не уходите, - просила Маша.

- Они! - засмеялась Пелагея Федотовна, услышав в прихожей звонок. Посетители явились. Я их в строгости держу. У порожка постоят, пошепчутся, новости свои мне выложат - и до свиданья. Сегодня уж разве пустить их к тебе?

Маша увидела через раскрытую дверь в прихожей Леню Шибанова.

Почему-то Маша не ждала, что именно он придет ее навестить. Он пригладил ладонью коротко стриженные волосы, поправил ремень, дернул воротничок. Он так долго прихорашивался, прежде чем войти, что Маша рассмеялась. Вдруг ей стало неловко. О Лене Шибанове она мало думала, меньше, чем о других. Он был тихий, послушный. В сущности, ничего больше Маша не знала о нем.

- Здравствуйте, - сказал Леня Шибанов, садясь в отдалении на стул.

Не зная, с чего начать разговор, он помолчал, водя по комнате глазами.

- Вы выздоровели, Мария Кирилловна?

- Не совсем, - ответила Маша и вспомнила: ведь это он, Леня Шибанов, неказистый мальчуган в залатанной куртке, сказал тогда на уроке: лучше убитым быть... Как, должно быть, больно колотилось его робкое сердчишко, решаясь на мужество! Твое дело, учительница, помогать ему крепнуть, а ты почти и не заметила этого тихого человечка.

- Сегодня нас учил Юрий Петрович. Ребята не поняли ничего, - сообщил Леня.

- Ну, уж это ты выдумываешь глупости, - возразила Маша. И покривила душой.

Нетрудно представить, что творилось в ее шестом "Б", когда Юрий

Петрович Усков, ворвавшись в класс, опрокинул на головы бедных шестиклассников водопады красноречия, цитат и учености. В лучшем случае они занялись упражнениями в смехе по-индейски, как когда-то на ее первом уроке.

- Мария Кирилловна, когда вы заболели, ребята сначала радовались пустым урокам, а теперь говорят - скорее бы вы приходили.

Маша порозовела от радости. Она им нужна! "Хорошие мои, а мне-то как вы нужны!"

Леня Шибанов разошелся и говорил без умолку:

- Мария Кирилловна, Витя Шмелев велел спросить, не починить ли вам радио. Он починит. А я могу дров наколоть. Я всегда дома колю. Ах, у вас батареи. Ну, тогда я помойное ведро вынесу. А у нас в классе порядок. Только ребята шумят. Вчера директор оставил всех на час и сказал, если мы недостойны, снимет портрет Бочарова со стены и повесит в другом классе. А мы устроили пионерский сбор. Горчаков и все ребята сказали: будем добиваться, чтобы наш класс называли: "Шестой "Б" имени Героя Советского Союза Сергея Бочарова"... Вы скорее выздоравливайте, Мария Кирилловна! Вы не бойтесь, мы Бочарова не уступим. Горчаков никому не даст шуметь. Он только сам шумит, но когда один - не очень заметно. Сегодня по физике поставили три пятерки, а Звягинцева приняли в комсомол. Ему четырнадцать стукнуло.

Леня Шибанов выложил новости, но что-то ему не давало покоя. Он вертелся на стуле, поглядывал на дверь, застенчиво мялся.

- Мария Кирилловна, скажите Пелагее Федотовне, чтобы она и мне показала орден. Она другим ребятам показывала, - попросил он наконец.

- Тетя Поля, идите-ка, идите-ка! - закричала Маша. - Что вы молчите? Какой у вас орден, тетя Поля?

- Ленина, Маша.

Пелагея Федотовна надела очки, вынула из чемодана коробочку и дала Лене подержать орден.

- Пелагея Федотовна, за что вам его дали? - спросил он с простодушной наивностью.

- За то, Леня, дали мне орден, что я всю свою жизнь учила таких ребятшек, как ты, быть настоящими людьми. Так много ребят, что, если бы сейчас собрать их со всех фронтов в одно место, набрался бы полк.

- О-о! Целый полк! - пораженный, воскликнул Леня. - Пелагея Федотовна! У нас будет сбор. Приходите к нам на пионерский сбор.

...Через несколько дней Пелагея Федотовна уезжала. Маша уже встала и, закутавшись в халатик, бродила по комнатам. Она всюду следовала за

тетей Полей, словно боялась остаться одна со своими воспоминаниями.

- Если бы не привязалась к мальчишкам, бросила бы все и уехала с вами во Владимировку.

- А привязалась - и не уедешь! - засмеялась Пелагея Федотовна. - И не уйдешь никуда. Никакими золотыми горами теперь тебя из школы не выманишь. У тебя, Маша, начало хорошее.

- Но, тетя Поля, я не вижу конца.

- И не увидишь. Нет в нашей работе конца. Забрался на одну горку глядишь, а впереди еще выше гора. Прوماхи свои знаешь?

- Иногда.

Но, конечно, не все свои промахи знала Маша и не догадывалась о многих из них, и много впереди ждало дней, когда, сраженная неудачей, она будет мучиться неверием в себя, терзаться сомнениями и, стиснув зубы, решит начинать все сначала.

И не скоро Маша узнает, что каждый такой трудный день - один маленький шаг вперед.

Тетя Поля уехала. Маша не дождалась, когда врач выпишет ее на работу. Не только тоска гнала ее из дому: она заскучала о шестиклассниках.

Весна. Потоки воды журчат на мостовой, осел рыхлый снег, безумствуют воробьи, звенит капель.

А юность кончилась. В этот ли шумный мартовский день или раньше? С грустным недоумением слушала Маша журчание воды. Столкнула в ручей комок снега. Струи подхватили его, закружили, и снег растаял.

- Выздоровела! - кричали шестиклассники. - Мария Кирилловна выздоровела!

Они выбежали в коридор встретить Марию Кирилловну и так кричали и топали, что, если бы поблизости случился завуч, наверно, им пришлось бы постоять в наказание часок у дверей учительской после уроков.

Портрет Бочарова висел на стене. "Здравствуй, друг!" - мысленно сказала Маша.

Ребята так долго усаживались, переговаривались, толкали друг друга локтями, что Маша встревожилась. Они любили учительницу, но кулаки их были устроены так, что то и дело вступали в действие.

"Нет, так не годится", - с беспокойством подумала Маша.

Она вызвала Петю Сапронова отвечать урок. Мальчик с толстыми губами и мелкими, как стружки, колечками волос вышел к столу. Из кармана у него торчала свернутая в трубку тетрадь. Наверно, Сапронов написал за это время сто стихов, но с грамматикой был не в ладах.

- Я все понимаю, - невинно сказал Сапронов. - Я только не могу

запомнить формулировки.

Он удивился, когда ему поставили двойку. Он был разочарован.

"Не за то ли они меня любят, - думала Маша, - что я слишком к ним снисходительна?" На минутку она смешалась. Она окинула взглядом класс и сразу увидела Володю Горчакова, который что-то шептал на ухо Вите Шмелеву, и Звягинцева, который читал под партой книгу, и другого мальчика, отвернувшегося в задумчивости к окну. Маша знала теперь, что такое внимание класса. Шестиклассники с искренним восхищением встретили учительницу, а потом занялись своими делами, потому что привыкли на ее уроках слушать только тогда, когда им было интересно.

"Скоро кончится год, - думала Маша, - а до сих пор почти каждый день я обо что-нибудь да споткнусь".

Она сидела в учительской на диванчике.

Она была еще очень слаба: хотелось сидеть и не двигаться. Все были с ней ласковы.

Людмила Васильевна, подсев к Маше, спросила:

- О чем разгрустилась, Машенька?

- Трудно было с ребятами, - призналась Маша и рассказала о сегодняшнем шумном и, в сущности, пропавшем уроке. - Уж не во вред ли им то, что я их люблю и они меня полюбили? - Она сама ответила на свой вопрос: - Не дам обернуться во вред.

Жаль, что кончились уроки. Так и побежала бы в класс!

Новые мысли и мечты волновали ее.

- Не буду унывать. Столько уж узнала трудностей, наверно, и эта не последняя. Не стоит падать духом.

- Не стоит, - согласилась седая учительница. - И трудность не последняя, и побед впереди немало. А мальчишек приберите к рукам. Они вас тогда еще больше любят...

Март расшумелся водой. Мутная река неслась мимо решетки школьного дворика. Над весенним потоком стояли два друга: Витя Шмелев и Володя Горчаков.

- Здравствуйте, Мария Кирилловна! - сказал Витя Шмелев, хотя только что видел ее на уроке.

Она постояла с ними, послушала, о чем толкуют мальчишки. Горчаков решил стать капитаном дальнего плавания. Не так давно он хотел быть зенитчиком. А еще раньше торчал часами на перекрестках, восхищаясь милицейским жезлом, властным остановить движение улицы. И не так давно они враждовали с Витей Шмелевым.

- Витька соглашается боцманом, - рассказывал Горчаков. - Не трусишь,

Шмель? Кругосветное - это тебе не по Москве-реке на водном трамвайчике. В тропике Рака как сплошные ливни ударят, исстегают до костей. До смерти запарывают! А то есть широты, где вечные штормы. Четырнадцать баллов.

- Ты привык к школе, Витя? - спросила Мария Кирилловна.

Он вспомнил историю со звукозаписью на пластинках и сконфуженно издал неопределенный звук носом.

Кончается год. Что она сделала за год? Мало? Да, мало. И так много, что, сколько бы ни было впереди зим и весен, первый год будет помниться до конца жизни.

Маша запомнит, как однажды, угадав тоску по дружбе маленького Вити Шмелева, подсказала: смотри, вокруг много товарищей.

Запомнит пионерский сбор, когда вместе с ней в класс вошел русский парень Сергей Бочаров и в ребячьих сердцах пробудилась благородная жажда подвига.

Запомнит то хорошее согласие в классе, какое в нем наступало, когда она приходила к ребятам, полная широких, светлых дум о людях, жизни, борьбе, о прочитанной книге, о Родине, любимой во все ее тяжкие и счастливые дни.

Этот год был началом труда.

Не очень-то благоразумно разгуливать целый день по улицам сразу после болезни. Маша не заметила, как оказалась на площади Пушкина. Былолюдно. Возле памятника девочки, прыгая, крутили веревку, косички бились у них по плечам. Та скамья была занята. Маша посмотрела издали и пошла домой.

Громко стуча деревянными подошвами, на лестницу вбегала девчушка в синем берете и стеганом ватнике, подпоясанном ремешком. Пряди соломенных волос падали из-под берета на лоб. Девчушка встряхивала на ходу головой, чтобы волосы не лезли в глаза, и так торопилась, словно хотела в один миг обежать все этажи и вырваться поскорее на улицу.

- Пойдите, эй! Погодите! - позвала она Машу; приподняв колено, поставила на него толстую сумку, выхватила письмо, бросила Маше и понеслась выше - звонить и стучать кулаком в двери.

Она возвращалась назад, а Маша стояла на том же месте с конвертом в руке.

- Что же вы не читаете? Боязно? - спросила девочка, прислонив сумку к перилам, чтобы отдохнуть от тяжести. - И-и, сколько я насмотрелась с этими письмами! Ну, читайте. Я подожду.

Она говорила таким тоном, словно знала: то страшное, что Маша

могла прочитать, не таким будет страшным, если девочка-почтальон в синем берете постоит рядом с ней. Должно быть, это было действительно так, потому что Маша заспешила, неловко разорвала конверт и, едва прочитав первую фразу, покачнувшись, прислонилась к стене; листок в ее руках задрожал. Девочка вытянула шею и заглянула в письмо: "Маша! Родная моя!"

- Ну, если жив, так я побегу, - сказала она и застучала деревяшками по лестнице.

"Маша! Родная моя! До сих пор не пойму, как ты могла узнать о том, что со мной произошло. Я не давал твоего адреса никому из товарищей и ничего не говорил о тебе. Кто же мог сообщить? Но не буду понапрасну гадать, я хочу, чтобы ты поскорее узнала: все кончилось, я опять со своими. Сегодня вечером наш полковник вылетает в Москву. Он обещал, что тут же опустит письмо. Ты его получишь послезавтра. В этот день буду думать о тебе каждый миг.

Люблю тебя, Маша! Целую твои глаза, твои чудесные косы. Маша, милый мой друг, как я жестоко заблуждался! Прости мне мою слепоту. Знаю, простила. Мне кажется сейчас - я выпрямился на всю жизнь. Наконец-то мы с тобой вместе, хотя с каждым днем и часом нас разделяет все больше километров, потому что мы идем вперед с невероятной быстротой, и, когда войдем в Берлин, это будет так далеко от тебя и так близко! Трудно поверить, что совсем недавно я стоял на краю могилы.

В разведке мы нарвались на немецкие патрули. Мой товарищ успел убежать, а меня ударили сзади прикладом и оглушили. Я очнулся под вечер в сарае. Я был не один. Человек сорок колхозников было заперто в сарае, среди них несколько стариков и два мальчика. Один мальчик спал. Он подложил под щеку кулак и тихо похрапывал. Я знал то, чего не знали они: не нынче завтра наши войдут в деревню, фашисты лихорадочно готовятся к отступлению и, всего вероятнее, ночью же нас расстреляют. Немцы бросили меня в сарай без допроса и забыли. Лишнее доказательство, в какой панике они готовились к отступлению.

Я сказал, что надо рыть подкоп. Мы не рисковали ничем: все равно ждала смерть. Мы рыли землю пряжками от ремней; нашлись два ножа, и их мы пустили в ход, и палки. Безумное желание жить охватило всех нас. Мы вырыли две ямы. Я увидел краешек неба, весь в звездах. Рассудок мой помутился. Маша, я хотел жить! Но я опомнился. Я понял, как легко именно сейчас погубить всех и сказал: "Стать в очередь. Дети и старики вперед. Буду стрелять в первого нарушителя. Погибнем все". Я положил руку в карман, хотя револьвера, конечно, со мной не было.

Я хотел жить, сходил с ума. Когда уполз первый, мы ждали, не поднимут ли часовые тревогу. Было тихо. Мы считали каждого, кто уползал. Счастье дети ушли!

Какая глупость, что мы вырыли только две ямы, может быть, успели бы вырыть третью! Я насчитал двадцать три человека бежавших, когда за воротами поднялся шум. Немцы. Нас оставалось семнадцать человек. Мы не дождались своей очереди.

Фашисты увидели ямы, но и не думали организовать погоню. Они спешили покончить с нами, выгнали нас прикладами из сарая и повели за деревню.

Маша, ничего нет ужаснее бессмысленной смерти! Сначала я хотел бежать - пусть лучше убьют при побеге, - но случайно взглянул на соседа. Он шел, еле волоча ноги, с заострившимся, как у мертвеца, лицом. Опущенный рот, дрожащие в ознобе плечи, остановившийся взгляд - все говорило о тоске бессилия.

Вдруг - не знаю, как мне пришло это в голову, - я шепнул: "Надо убить конвоиров". Маша, если б ты видела чудо оживления мертвеца! Как много значит для человека возможность борьбы! Нас сопровождало пять конвоиров. Мы шли в первом ряду, впереди конвоир. Я обернулся и приказал: "Убивать конвоиров!" Мой сосед метнулся на немца и сбил его с ног. Открылась стрельба, началась общая свалка. Я вырвал у поваленного немца винтовку и убил его. Помню, что стрелял во второго. Помню, мой сосед - я так и не узнал его имени - повалился в снег, разбросав руки, и больше не встал.

Наших было убито семь человек, десять спаслись. Мы добрались до леса и просидели там день. К ночи вернулись в деревню - она была уже нашей. На третий день я догнал свою часть.

А вчера, бедная моя Маша, Сергей принес мне твое письмо. Если бы тогда ты сказала его фамилию, мы могли встретиться раньше. В нашем полку все знают Героя Советского Союза Сергея Бочарова. Он слава нашего полка.

Я не сталкивался с ним близко до вчерашнего дня, хотя слышал о нем много рассказов. Говорили, что он смел. Что удачлив. Счастье не изменяет ему. Я знаю, что такое военное счастье: оно не бывает слепым.

Вчера в подразделениях читали приказ о награждении многих людей, в том числе и меня. Так Сергей услышал обо мне. Он вошел в избу, где мы остановились на ночлег, и сказал:

"Товарищ лейтенант Агапов, разрешите переговорить о личном деле".

Мы говорили до утра.

Хочется работать, моя милая Маша! Хочу домой. Люблю тебя.
А сейчас мы идем в наступление. Не за горами победа. Война оборвала нашу юность. Юность вернется. Она не кончится никогда!
Верь мне, Маша!"

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)